

ЭМИЛИ

РОДДА

РΟΥЭН-УЧЕНИК КОЛДУНЬИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«АЗБУКА КЛАССИКА»

Annotation

История робкого пастушка Роуэна не закончилась, главные приключения — впереди! Книга знаменитой австралийской писательницы Эмили Родды не разочарует любителей тайн, головоломок и неожиданных развязок сюжета.

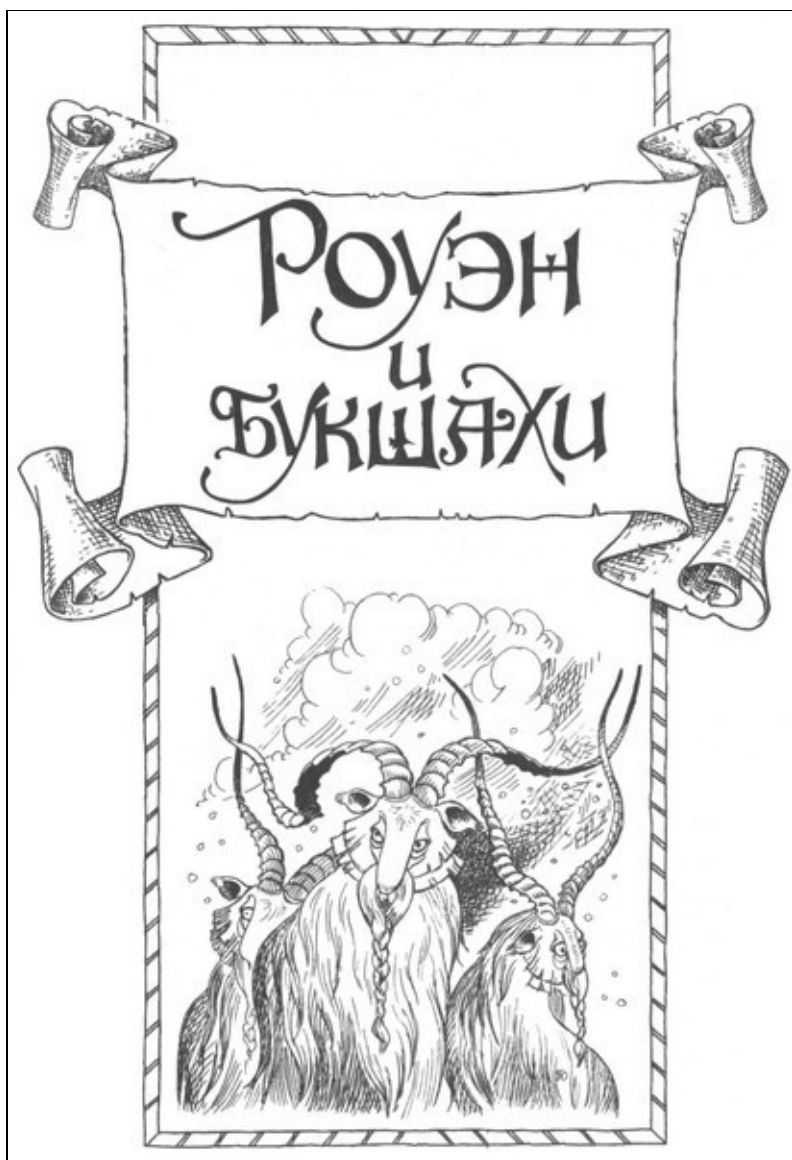
Роуэн не уверен в себе, но когда опасность угрожает его родной деревне Рин, неожиданно для всех проявляет удивительную отвагу и находчивость.

Предсказания колдуньи Шебы, смысл которых очень трудно разгадать, — вот и все, что есть у Роуэна, чтобы преградить путь врагам. И вот Роуэн не колеблясь отправляется с друзьями за море в страшную страну Зибя, чтобы спасти свою маленькую сестренку, а когда в долине наступает вечная зима и ручные букшахи начинают умирать от голода, он единственный сражается до конца.

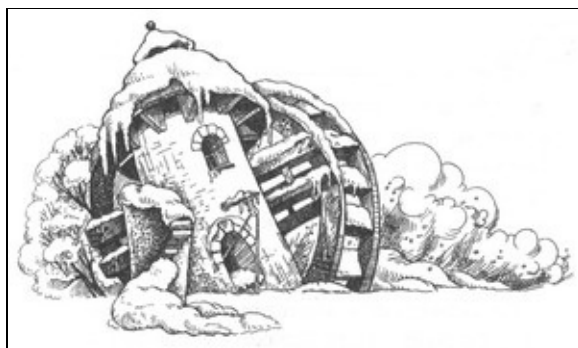
- [Эмили Родда](#)

- - [1. Проклятие Горы](#)
 - [2. Решение ринцев](#)
 - [3. В хижине Шебы](#)
 - [4. Зловещие сновидения](#)
 - [5. В Книжном Доме](#)
 - [6. Подземный ход](#)
 - [7. Горшечник Нил](#)
 - [8. Следом за букшахами](#)
 - [9. Сундук с резной крышкой](#)
 - [10. «Все четверо...»](#)
 - [11. «В этой пещере мудрый — слепой...»](#)
 - [12. Слезы Шаран](#)
 - [13. Восхождение](#)
 - [14. В пещере](#)
 - [15. Призраки](#)
 - [16. В роще](#)
 - [17. Целебная грязь](#)
 - [18. Перед восходом солнца](#)
 - [19. Признание](#)
 - [20. Сотрясающий землю гром](#)
 - [21. Волшебная лестница](#)
 - [22. Голод](#)
 - [23. Тени забытых предков](#)
 - [24. Встреча](#)
 - [Глоссарий](#)
-

Эмили Родда
«Роуэн и букшахи»

1. Проклятие Горы

Оцепенев в безмолвии, сгрудились домики Рина. Толстым ковром снег укрыл долину. В сером небе высилась Гора. Увенчанная шапкой облаков, она напоминала огромную ледяную статую.

Такой зимы здесь еще не бывало. Такого глубокого снега еще не видывали. Таких лютых морозов не могли припомнить.

Никогда зима не тянулась так долго. По календарю давно должна была наступить весна с ее цветами, пчелами, птичьим щебетом и первыми посадками, но воздух был мертвенно холоден, а поля и огороды погребены под снегом. Под его тяжестью гнулись голые ветви деревьев.

В деревне созвали сход, но из-за холодов люди не смогли собраться на площади. Дрожа и перешептываясь, все толпились в Книжном Доме, где пахло ламповым маслом, пергаментом и старыми свитками. На обеспокоенных лицах собравшихся дрожали сумрачные тени. Лампы светили тускло: запасы масла, как, впрочем, и всего остального, подходили к концу.

Когда раздался звон колокола, Роуэн был в поле и поэтому на сход пришел последним.

Он остановился перед дверью Книжного Дома и, потопав ногами, стряхнул с башмаков снег. Несмотря на холод, входить Роуэн не спешил. Он знал, о чем будет говорить старуха Ланн, староста деревни, и у него на этот счет имелось собственное мнение. Мысленно Роуэн был сейчас со своими букшахами.

Каждую зиму букшахи пытались вырваться на волю, но в этом году они слишком часто ломали изгородь, окружавшую их пастбище.

Вот и вчера ночью эти ласковые гиганты, за которыми ухаживал Роуэн, опять убежали. Миновав притихшую мельницу — ее огромное колесо вмерзло в Реку, — стадо двинулось к подножию Горы. Чтобы привести букшахов домой, Роуэн вынужден был потратить несколько часов. Но больше всего его огорчало то, что животным пришлось скормить остатки овса.

«Эх, и попадет же мне, когда все узнают, что овса не осталось... — печально думал Роуэн. — Но что делать? Нельзя же было допустить, чтобы стадо ушло из деревни и погибло».

Он не винил букшахов за то, что они сломали изгородь. Животные были голодны. Запасы сена истощились, и Роуэн, пытаясь растянуть то, что еще оставалось, урезал ежедневную норму чуть ли не вдвое. Старые и больные животные умирали от слабости.

Роуэн знал, что в долине еды мало, но за ее пределами и вовсе ничего нет. Насколько хватало глаз, вся земля была укрыта снегом. И только на сверкающей белизной Горе, как глубокие раны, зияли скалистые пропасти.

Прошлой ночью Роуэн, приведя наконец букшахов обратно в деревню, говорил своей любимице Звездочке, предводительнице стада:

— Не надо больше убегать, Звездочка. Будь здесь, а я уж позабочусь о тебе.

Звездочка мотала головой и жалобно мычала. В ее маленьких черных глазах таилась тревога. Она и рада была бы послушаться хозяина, но что-то подсказывало ей, что он не сможет выполнить своего обещания.

Расстроенный, Роуэн гладил животное, с ужасом чувствуя, что под косматой шерстью стали прощупываться ребра.

— Придет весна, Звездочка, — приговаривал он, — растает снег, и появится трава. Ты только чуть-чуть подожди...

Но Роуэн спрашивал себя: сколько же еще ждать? Когда это кончится?

Стиснув зубы, он рывком отворил дверь и проскользнул в комнату, где собрались жители деревни. К нему сразу же подошли Шаран и Норрис — когда-то в стране Зиба Роуэн освободил их из плена. Они, очевидно, ждали его прихода. В ласковых глазах Шаран чувствовалось беспокойство — она волновалась за Роуэна. А любопытный Норрис тут же забросал его вопросами.

— Ты где пропадал, Роуэн? — шепотом спросил он. — Мы не виделись уже несколько дней! — Норрис усмехнулся и покосился на сестру. — Шаран подумала было, что ты нарочно прячешься от нас. Она решила, что мы чем-то тебя обидели. Будь добр, разуверь ее — скажи, что все совсем не так.

— Норрис! — вспыхнула Шаран.

Роуэн постарался изобразить на лице улыбку.

— Разумеется, вы ничем меня не обидели, — тихо ответил он.

И это было правдой. А что до остального, то мог ли Роуэн находиться с друзьями и ничего не сказать им о той судьбе, что ожидала деревню? Конечно же нет. Поэтому он избегал встреч с Шаран и ее братом.

Но сейчас они все узнают. Роуэн представил себе ужас жителей Рина, и сердце его дрогнуло.

Норрис продолжил было свои расспросы, но в этот момент народ в передних рядах зашевелился. Ланн собиралась произнести речь. Старуха заняла почетное место у стены, где были развешаны полотнища с росписью по шелку, — картины на ткани рассказывали о долгом рабстве предков жителей Рина в стране зибакров. На ярком шелке играли отсветы огня, и на этом фоне выделялся сумрачный силуэт старухи Ланн.

Более трехсот лет жители Рина не знали страха и печали, не помнили о своем прошлом и даже не подозревали, что за морем их соплеменники томятся в рабстве в стране Зиба. Год назад гарч похитил маленькую Аннад, сестру Роуэна, и унес ее в эту далекую страну. Чтобы спасти Аннад, Роуэн отправился следом за ней и, преодолев подстерегавшие его опасности, вызволил сестренку из беды. Тогда же были найдены Шаран и Норрис — последние потомки ринцев, некогда плененных зибакрами.

Покидая страну зибакров, Шаран взяла с собой шкатулку с шелками, и с тех пор полотнища висели здесь, в Книжном Доме. Жители деревни часами разглядывали и обсуждали их.

Ланн потребовала тишины. Гомон смолк, и лица всех собравшихся обратились к ней.

— Друзья, — начала она, — прошу вас внимательно меня выслушать.

Голос Ланн, как всегда, звучал твердо и решительно, но Роуэн заметил, что старуха

тяжело опирается на посох и лицо ее осунулось. Справа возвышался садовник Силач Джон, отчим Роуэна, а слева стоял учитель Тимон. Рядом с ними Ланн казалась еще более хрупкой.

Она продолжила:

— Наше положение ужасно. Амбар пуст, а снег и не думает таять. Причина этого...

— Причина этого — проклятие! — выкрикнул кто-то из толпы.

Желая узнать, кто это, люди стали оборачиваться.

Кричал горшечник Нил. Он был бледен, лицо искажала страдальческая гримаса.

— Это — проклятие! — повторил он. — Гора разгневалась и наказывает нас.

Холодок пробежал по спине Роуэна, но не потому, что у него промокли ноги и заledenели пальцы.

— Ты говоришь глупости, Нил, — спокойно произнес Силач Джон.

— А вот и не глупости! — ответил ему горшечник. — Таких холодов у нас никогда не бывало! Это ненормально. Не веришь мне, так хоть у Тимона спроси! Он проверял погодные записи и знает, что я прав.

Взгляды всех собравшихся обратились к Тимону. Тот нервно теребил бородку.

— Без сомнения, зима в этом году гораздо холоднее, чем обычно, но это вовсе не значит, что речь идет о проклятии. — В спокойном голосе учителя чувствовалась неуверенность. — С жестокими морозами мы сталкивались много раз. Вспомните, мы живем в долине только триста лет. Это древняя земля, и для нее триста лет — как одно мгновение. Кто знает, что здесь нормально, а что нет? А легенды бродников...

— Именно они! — воскликнул Нил. — Легенды об эре холодов! Когда лед сковал землю, а с Горы спустились снежные черви, жаждущие теплой крови!

Бронден — та, что делала мебель и всякую деревянную утварь для дома, — презрительно улыбнулась. По толпе прокатился смешок.

— Знаю я эту сказку! — послышался голос хлебопека Аллуна. — Мне было шесть лет, когда бабушка как-то раз, сидя у очага, рассказала мне ее. Помню, я взял с собой в постель деревянный меч и пролежал без сна несколько часов, ожидая, что вот-вот появятся огромные черви.

Послышался дружный смех.

Нил выкрикнул:

— Не верите легендам, смеетесь надо мной... Вы все погибнете! Хлебопек сам наполовину бродник и должен это понимать. Не Аллун ли рассказывал нам, что бродники странствуют по нашей земле с незапамятных времен — с тех самых пор, как букшахи пасутся под Горой? И что хотя легенды его племени кажутся сказками, в основе их всегда лежит зерно истины?

Больше никто не смеялся.

— Нил прав, — слабым голосом проговорил кондитер Солла, и его мягкие щеки затряслись. — Вспомните про Золотую долину. В тот раз мы тоже думали, что это только сказка бродников. А ведь когда-то эта долина на самом деле существовала и там жили люди. И пусть они давно уже умерли, но ведь когда-то все это было!

Охваченная тревогой толпа зашепталась. Голоса становились все громче, но Ланн подняла руку — и волнение улеглось.

— Легенда бродников об эре холодов не противоречит тому, что я сказал, — продолжил Тимон. — Она только доказывает, что в морозах этой зимы нет ничего необычного. Значит, эти края уже переживали долгий период холодов. Времена были тяжелые, и поэтому память

о них осталась в легендах. Вот и сейчас...

— Тимон, ты нарочно умалчиваешь о самом важном, — прервал учителя резкий голос Нила. — По легенде, эра холодов наступила из-за того, что жители Золотой долины отвернулись от Горы и перестали ее почитать. Вот и мы! Мы сделали то же самое! — Дрожащим пальцем Нил указал прямо на расписанные шелка за спиной Ланн. — Это картины из другой страны, и все триста лет их не было в нашей долине. Из-за них Гора на нас и разгневалась. Картины надо сжечь!

Роуэну стало не по себе. Комната наполнилась испуганным шепотом и криками протестующих.

Норрис, покраснев, сжал кулаки. А Шаран, всегда такая робкая, на этот раз попыталась перекричать говоривших. Живя в стране зибак, Норрис и Шаран берегли свои шелка как зеницу ока. Одна мысль о том, что драгоценные картины могут быть уничтожены, привела их в ужас.

Сжав узловатыми пальцами посох, Ланн сказала:

— В этих шелках наша история, Нил.

— Нет! — В голосе гончара слышалась злоба. — Нам важна только история Рина, а она начинается с того момента, когда наши предки восстали против зибак и начали новую жизнь на этой земле. — Нил оглянулся, словно ища поддержки у тех, кто стоял рядом. — Зибак привезли наших предков на побережье, чтобы они помогли им завоевать его, но новая земля дала нашим предкам свободу, долина стала для них домом, — торопливо говорил он. — Когда-то это было все, что мы знали о нашей истории! И нам этого хватало! — Нил повернулся к Шаран и Норрису, и на лице гончара отразилась неприязнь. — Все изменилось, когда у нас появились шелка и их хранители. Мысли о прошлом ожили в умах людей: долго ли наши предки были под игом зибак и где их истинная родина? Люди стали задумываться о том, что где-то есть иная, лучшая страна; о том, что когда-то эта страна была нашей и, возможно, в один прекрасный день она снова будет нам принадлежать.

— Но, Нил, наш интерес естествен, — сказал Силач Джон, — в нем нет ничего дурного.

— Нет, есть! — всплеснув руками, выкрикнул Нил. — Разве ты не понимаешь, Джон? Своими вопросами, своим постоянным возвратом к прошлому мы отвергли тот жизненный дар, что нам предлагала Гора! И теперь, разгневанная, она будет мстить!

Силач Джон присвистнул, а Тимон покачал головой.

— В жизни не слышала такого бреда! — отрезала Ланн. В глазах старухи засверкал тот огонь, что отличал ее в былые годы. — Угомонись, Нил, и позволь другим — тем, кто поумнее тебя, — поговорить о том, ради чего и был созван сход.

Кровь ударила в лицо Нилу. Не произнеся больше ни слова, он вышел, хлопнув дверью. Но, как заметил Роуэн, не все жители деревни были согласны с Ланн. Некоторые глядели вслед горшечнику с сочувствием. Кондитер Солла был очень взволнован.

Наверное, Ланн тоже заметила это и рассердилась. Когда она заговорила вновь, ее голос звучал жестче, чем прежде.

— Я уже говорила, что наше положение ужасно, — резко произнесла она. — По моим подсчетам, оставшихся в амбарах запасов хватит только на двадцать дней, и то если мы будем очень бережно их расходовать. Пришла пора действовать, но боюсь, вам будет не по нраву то, что я предложу.

2. Решение ринцев

Взгляды всех собравшихся обратились к Ланн. Старуха подняла голову:

— Вот вам мое решение: мы должны оставить деревню и двинуться к побережью — водяной народ и бродники приютят нас и обеспечат едой. После, когда потеплеет, мы сможем вернуться назад.

Комната наполнилась негодующими криками.

— Что? — громче всех кричала Бронден. — Да чтобы люди Рина стали нищими бродягами! А что будет с деревней, если мы уйдем? Вдруг от студеного ветра треснут стекла — их некому будет заклеить! А вдруг занесет дома или провалятся крыши?

Морщинистое лицо Ланн будто окаменело.

— Иначе — смерть, — последовал решительный ответ.

— Да я лучше умру! — отрезала Бронден.

— А я нет! — воскликнула ткачиха Марли. Она прижалась к Аллуну, за которого этим летом вышла замуж.

Аллун, сжав в своих руках ладошку Марли, обратился к разъяренной Бронден.

— Может быть, ты думаешь, что это глупо, но мы с Марли не собираемся умирать — мы хотим жить, — сказал он. — В конце этого месяца у нас родится ребенок, и мы не хотим, чтобы он, едва появившись на свет, был обречен на гибель.

Послышался ропот: некоторые закивали, соглашаясь с Аллуном, другие были готовы спорить с ним.

Сквозь полуопущенные ресницы староста глядела на собравшихся. Старуха ссутулилась, ее пальцы, сжимавшие посох, побелели.

Роуэн всей душой сочувствовал ей. Ланн сделала то, что считала своим долгом и к чему ее побуждали Роуэн, Силач Джон и Тимон, но этот разговор с односельчанами дорого ей обошелся.

— Я прошу вас всех подумать над этим планом! Прислушайтесь не только к голосу сердца, но и к голосу разума! — убеждал собравшихся Силач Джон, пытаясь перекричать гудящую толпу. — Мы вернемся, как только минуют холода. Водяной народ и бродники — наши союзники и друзья. Они охотно придут нам на помощь, ведь и мы не раз помогали им.

— Возможно, они нам помогут, но мы не должны бросать дома! — нахмурившись, отвечала Бронден. — Их разрушат снег и ветер! Зачем мы пойдем на побережье? Должен быть другой путь к спасению. Где Роуэн? Где пастух Роуэн?

Роуэн стоял в тени — он хотел остаться незамеченным, но было уже поздно.

— Вот ты где! — закричала Бронден, заметив мальчика. — Что же ты прячешься в углу? Ты не раз выручал жителей Рина из беды и должен сказать свое слово!

Все, кто был в комнате, посмотрели на Роуэна.

Он почувствовал, что краснеет. За последние несколько лет Роуэн стал в деревне уважаемым человеком, но, оказываясь в центре внимания, по-прежнему чувствовал себя неловко. Смущало его и другое: кое-кто в Рине считал, что Роуэн обладает особой магической силой. Да, бывали случаи, когда он приходил на помощь своему народу, но в том, что он делал, не было ничего необычного. Возможно, какие-то силы и помогали Роуэну, но он не имел над ними власти.

— Роуэн, ходят слухи, что ты связан таинственными узами и можешь мысленно

общаться с Хранителем Кристалла, — отрывисто произнесла Бронден. — Если это правда, то ты, конечно, расскажешь Хранителю о нашей беде и попросишь его о помощи.

— Да и бродников! — выкрикнул Солла. — Тебя уважает Огден, глава этого племени. Разве нет? Ты дружишь с Зеел, его дочерью, ведь в стране зибакон она помогла тебе освободить Аннад. Бродники могли бы доставить в долину запасы еды. Когда они кочевали в наших краях, мы частенько делились с ними.

Роуэн облизнул губы и тихо сказал:

— Я боюсь, что сейчас ни бродники, ни водяной народ не смогут нам помочь. Как бы сильно они этого ни хотели.

— Конечно, они не смогут, — отрезала Ланн. — Мы единственные на этой земле, кто выживает в такие морозы. Вы все это знаете! По крайней мере, вам следовало бы это знать. Бродники и водяной народ зимой всегда предпочитают держаться поближе к теплому побережью. А нынешние жестокие холода убьют их еще до того, как они успеют добраться до нас.

Последние слова Ланн потонули в возгласах разочарования. Бронден же, скрестив на груди руки, угрюмо глядела на тех, кто стоял с ней рядом.

— Послушайте, — сказала Ланн, — я не могу заставить вас покинуть Рин. Дорога к побережью длинна и трудна. Глубокий снег, лютый мороз и голодные волки на равнинах — вот что вас ждет. И если хотите, чтобы выжили все, сильные должны защитить слабых. Но любой путь, пусть даже смертельно опасный, лучше той медленной смерти от голода, что ожидает оставшихся в деревне.

В комнате воцарилась тишина. Ланн вздохнула и сказала:

— Пусть поднимут руки те, кто согласен со мной.

Множество рук поднялось над толпой, хотя лица собравшихся были сумрачны. Не пошевелились лишь Бронден да малыши, не понимавшие, что происходит.

— Тогда решено, — подытожила Ланн. — Выйти следует завтра на рассвете. Я лично поделю между вами ту провизию, что осталась в амбаре. У каждого будет запас еды. Что же до остального, друзья мои, — возьмите лишь то, что сможете унести на себе, ибо путь до побережья долог.

— Букшахи могут везти на себе... — начал было Норрис, но Ланн, оглянувшись на Роуэна, покачала головой.

Роуэн со страхом ждал этого момента. Он чувствовал, что к нему вновь обращены лица всех собравшихся. В горле стоял ком, но все-таки мальчик заставил себя говорить.

— Букшахи слишком слабы, чтобы идти к побережью. — Голос Роуэна был хриплым. — Они погибнут в пути.

— Но и сейчас животные умирают одно за другим! — закричал кто-то. — А если мы бросим их здесь...

При этих словах в душе Роуэна все перевернулось:

— Мы не бросим букшахов, — сказал он, зная, что Норрис и Шаран стоят рядом и ловят каждое его слово. — Я останусь здесь, с ними.

Шаран онемела от ужаса. Она оглянулась, ища глазами Джиллер, мать Роуэна. Девочка думала, что та будет настаивать на том, чтобы ее сын вместе со всеми ушел из деревни, но Джиллер стояла посреди комнаты и гордо молчала. Маленькая Аннад тоже не произнесла ни слова. Очевидно, и мать, и дочь знали заранее о планах Роуэна и были согласны с его решением.

— Большая часть букшахов умрет через неделю или две, — ровным голосом продолжал Роуэн, — но, если мне удастся сохранить хотя бы несколько молодых и сильных животных, есть надежда, что когда-нибудь стадо снова станет таким, каким оно было прежде.

Только те, кто хорошо знал Роуэна, смогли расслышать в его бесстрастном голосе отчаяние. Только они понимали, каково было мальчику говорить о смерти хотя бы одного из своих любимцев.

— Нет, Роуэн! — раздался крик.

Норрис смущенно дергал сестру за рукав, пытаясь заставить ее сдержаться, но Шаран не обращала на брата внимания — она с отчаянием вглядывалась в лица окружавших ее мужчин.

— Скажите ему! — умоляла она. — Скажите, что ему нельзя оставаться здесь!

— Роуэн — хранитель букшахов, — послышался хриплый голос Ланн. — Стадо знает своего хозяина и доверяет ему. Присутствие Роуэна поможет букшам дожить до того дня, когда придет помощь. Ты здесь недавно, девочка, и откуда тебе знать, как дороги для Рина его букшахи. От них зависит жизнь нашего народа. Благодаря букшам у нас есть молоко, масло и шерсть; к тому же животные помогают нам распахивать поля. Роуэн принял верное решение.

Шаран недоверчиво покачала головой:

— Как же так — верное решение? Роуэн умрет здесь один.

Ланн подняла голову.

— Он будет не один, — отвечала старуха, и грустная улыбка коснулась ее тонких губ. — Я стара, и мне до побережья не дойти. Я не хочу быть для вас обузой. Я останусь здесь.

— Я тоже останусь! — упрямо заявила Бронден.

Казалось, морщины, изрезавшие лицо Ланн, разгладились.

— Вот и все, что я хотела вам сказать, — не глядя на Бронден, произнесла она. — Отправляйтесь по домам и собирайтесь в путь.

Жители Рина молча направились к выходу.

— Подождите! — прозвучал в тишине дрожащий голос Соллы. — А как же Шеба?

Люди в волнении зашептались. Да, а что скажет Мудрейшая — согбенная старуха, которая, сидя перед очагом в своей хижине за огородами, вечно что-то бормочет себе под нос? От холода характер ее сделался еще более скверным. Неделями она не выходила из дому, встречая издевками каждого, кто осмеливался приблизиться к ее двери. Она не щадила даже тех смельчаков, которые пробирались через сугробы, чтобы принести ей еду.

Знает ли Шеба о решении жителей Рина покинуть деревню? Конечно же знает. Непостижимым образом Мудрейшая всегда догадывалась о таких вещах, хотя при ней не было сказано ни слова.

Мысль о старухе наполнила сердца ринцев тяжестью. Если уж Ланн не одолеть пути к побережью, то что говорить о Шебе? Ей-то уж точно придется остаться в деревне. Но не проклянет ли она жителей Рина, если узнает, что они решили отправиться к побережью без нее?

А вдруг она будет настаивать, чтобы ее несли на руках? Сильные мужчины Рина содрогнулись при мысли о том, что их шеи будут обвивать костлявые руки старухи, что колдунья, седые патлы которой напоминали крысиные хвосты, как гигантский паук, будет висеть у них на спине, шипеть в ухо проклятия и заставлять быстрее идти.

Силач Джон хмуро усмехнулся.

— Мы не забыли о Шебе, — сказал он. — Сегодня утром Джиллер, Тимон и я пытались проникнуть в ее хижину, чтобы поговорить с ней, но она отказалась открыть нам дверь. В награду за все наши старания нам досталось лишь проклятие. Кажется, она готова принять только одного человека.

Силач Джон повернулся к Роуэну.

У мальчика душа ушла в пятки.

3. В хижине Шебы

Роуэн с трудом пробирался сквозь заснеженный сад, стараясь попадать в следы Джиллер, Тимона и Силача Джона, побывавших здесь утром. Он не смотрел по сторонам — ему не хотелось видеть голые деревья. Их стволы были покрыты ледяной коркой, а заиндеветые ветви напоминали окостенелые пальцы. Они указывали в серое небо, затянутое свинцовыми тучами.

От хижины Шебы тянуло дымком, и Роуэн, сам того не желая, с жадностью вдыхал кисловато-горькие запахи трав и золы. Мальчик старался не прислушиваться, но до него то и дело доносился монотонный голос старухи. Когда он подошел поближе, бормотание смолкло.

«Глупо бояться! — говорил себе Роуэн, стоя на скользкой тропинке, ведущей к дому Мудрейшей. — Я уже не тот трусливый малыш, каким был, когда впервые пришел к Шебе. Что бы я ни услышал, ничего хуже того, что нас ожидает, быть не может. Все ее предсказания — ничто по сравнению с ужасами, которые мне рисует воображение».

И все же сердце Роуэна сжалось. Он знал: Шеба унижает своих гостей — ей нравится смотреть, как они дрожат от страха. Но ведь старуха всегда говорит правду! А вдруг сегодняшние слова Шебы задуют тот крохотный огонек надежды, который еще теплится в его сердце?

Из хижины больше не доносилось ни звука. Вокруг царило безмолвие, нарушаемое лишь скрипом башмаков Роуэна.

Подойдя к двери, мальчик на мгновение зажмурился и попытался успокоиться. Решено: на этот раз он без страха встретится с Шебой! Выходки колдуньи не смогут его напугать!

Роуэн поднял руку, но, прежде чем он успел постучать, дверь сама собой распахнулась, и створки с силой ударились о стену. С крыши посыпались сосульки — они, подобно копьям, вонзались в снег. Горячий воздух, наполненный терпкими запахами, ударил в лицо Роуэну. Задохнувшись, мальчик отпрянул назад: из его глаз потекли слезы, сердце чуть не выскочило из груди.

— Что стоишь на пороге и не закрываешь дверь?! Теплый воздух-то уходит! — закричала Шеба. — Трусливый слюнтяй, а не мальчишка! Эй, пошевеливайся там!

Роуэн поспешно перешагнул через порог и чуть не упал. Дверь за ним с шумом захлопнулась.

В комнате было темно, лампа не горела. Только в очаге полыхало пламя, и в нем то и дело вспыхивали зеленые искорки. Сквозь слезы Роуэн не сразу заметил горбатую фигуру Мудрейшей, сидевшей у самого огня.

— Пастух Роуэн, подойди ко мне! — скрипучий голос сегодня был подозрительно ласков. — Нет, не так близко! От тебя веет холодом, а тепло этой комнаты драгоценно!

Роуэн неуверенно подошел к старухе — жаркая муть спертого воздуха обволакивала его, и он двигался будто под водой. Вдруг, вскрикнув от ужаса, Роуэн отскочил назад. Огромное животное, внезапно появившись из темноты, с громким рычанием устремилось навстречу ему. Послышался язвительный хохот Шебы: Роуэн, поскользнувшись, растянулся на немом полу и замер, не зная, как спастись от надвигающегося на него чудовища.

Он почувствовал, как к его руке прикоснулся горячий чешуйчатый нос. Жаркое дыхание опалило лицо, и квадраты желтых глаз уставились прямо на Роуэна. Животное ударило

кожистыми крыльями об пол, и облако пыли накрыло пастуха.

Ужас Роуэна уступил место злему стыду. Никто и не собирался на него нападать! Это был гарч Унос! Любимец Шебы всего лишь решил поздороваться с гостем.

Роуэн попытался встать. От пережитого испуга его слегка пошатывало. Он протянул руку к Уносу и заметил, что пальцы его слегка дрожат. Гарч зашипел от удовольствия, когда ему стали чесать за ухом, а Роуэн чувствовал жар чешуйчатой кожи, которая обычно была прохладной.

— Неужто ты забыл Уноса? — злобно хихикала Шеба. — Ой какой позор! Не он ли прошлым летом тащил на себе тебя и твоих дурней друзей — всю дорогу из страны Зиба до дома?

Падая, Роуэн подвернул ногу и ушиб плечо, однако старался не обращать внимания на боль.

— Шеба, я не забыл Уноса! — как можно спокойнее произнес он. — Просто я не ожидал, что он здесь, с тобой.

«Действительно, кто бы мог подумать, что Унос здесь, — размышлял про себя Роуэн, глядя на пятнистую громадину, что возвышалась над ним, источая тепло. — Кому еще могло прийти в голову держать его здесь, в доме!» Теперь, когда его глаза привыкли к тусклому свету, Роуэн заметил, что из комнаты была вынесена вся мебель. Осталось только кресло для Шебы. И все ради того, чтобы гарч смог поместиться в комнате!

— Нам нужно кое-что сделать, — сказала Мудрейшая.

Она пощелкала языком, и Унос, тяжело ступая, приблизился к хозяйке и улегся рядом. На коленях у колдуньи лежала связка тонких веточек. Вытащив одну, старуха швырнула ее в огонь.

В очаге тотчас заплясали зеленые огоньки. Роуэн почувствовал, что в комнате стало еще жарче. Гарч довольно заурчал. Распустив гребень на спине, он всем своим существом впитывал драгоценное тепло.

Облизнув губы, Роуэн спросил:

— Шеба, ты что-то хотела мне сказать?

— А зачем мне что-то тебе говорить? — отрезала она. — Эти деревенские олухи, видно, считают, что ты герой и можешь давать им советы, но мне-то лучше знать!

И пламя очага на миг осветило желтые зубы старухи.

Роуэн ничего не ответил. Шеба хотела его разозлить, и ей это удалось, но он решил, что ни за что ей не уступит и выдержит это испытание на силу духа.

Молчание затянулось. Потрескивали дрова. Роуэн чувствовал легкое головокружение.

Наконец Шеба нетерпеливо пошевелилась.

— Мальчишка, как ты смеешь играть со мной в эти игры! — начала она. — Или ты так и не понял, что я могу раскусить тебя как орех?

Роуэн хранил молчание, и старуха презрительно фыркнула:

— Или ты сам поверил тем небылицам, что о тебе рассказывают? Дурачок! Если бы не я, ты бы так и остался ничтожеством! Без меня ты никто и всегда был только орудием в моих руках! Ты лишь следовал моим указаниям!

— Да, это так, Шеба, — поспешно подтвердил Роуэн, хотя в его голове промелькнула мысль, что Мудрейшая слегка погрешила против истины.

— Лжец! — послышался свистящий шепот.

Сердце Роуэна сжалось: он понял, что колдунья прочитала его мысли. Мальчик начал

было что-то бормотать в свое оправдание, но старуха лишь злобно плюнула в огонь.

— Соглашаешься со мной, льстишь мне, а сам не веришь в то, что говоришь. Думаешь, я глупа? — осведомилась Шеба. — Да ты не лучше других! Такой же тупой и неблагодарный! Строишь козни за моей спиной? Покажу я вам!

В голосе Шебы слышалась угроза. Роуэн осмелился спросить:

— А... а завтра утром ты ведь уйдешь вместе со всеми?

— Нет, — отрезала колдунья. — Я останусь здесь. Я не котомка и не сума, чтобы меня волокли на себе спотыкающиеся уроды. А теперь помолчи, пастух Роуэн. Я позвала тебя не затем, чтобы слушать твою болтовню, а для того, чтобы кое-что тебе сообщить. Соберись с мыслями — если, конечно, в твоей пустой голове хоть что-нибудь есть — и слушай.

Что-то бормоча себе под нос, старуха откинулась в кресле, схватившись крючковатыми пальцами за горло. Она смежила веки, и глаза ее превратились в тусклые щели. У Роуэна сердце готово было выскочить из груди. Монотонный голос Шебы то переходил в шепот, то превращался в крик, то приближался, то вновь удалялся. Мальчик не понимал ни слова.

Роуэн шагнул вперед, но жар очага — или это был жар, исходивший от самой колдуньи? — опалил его, и он чуть не задохнулся. Жар не давал пошевелиться, он держал его, как невидимая паутина, не позволяя двинуться с места. Роуэн бился, сжатый в пылающих объятиях, и чувствовал, что кожа его горит, кровь кипит, а кости плавятся.

Вдруг он ясно услышал слова Шебы — они проникали в его сознание, вливались в него на алых волнах раскаленного воздуха. Роуэн скорее увидел эти слова, чем услышал их. Да, он увидел эти слова — они светились, как угли, и отпечатывались в его сознании.

Животные мудрые знают пути,
И следом за ними должны вы пойти.
Один будет грезить, другой — рыдать,
Третий — сражаться, четвертый — летать.
Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.
Но нет у вас к жизни другого пути —
Так просто от голода вам не уйти.
В ужаснейшем этом сраженьи, поверьте,
Найдете свой путь вы меж жизнью и смертью.

Голос Шебы стих, но стихотворение продолжало звучать в голове Роуэна. Он инстинктивно сделал шаг назад, пытаясь освободиться от жаркого дурмана.

Веки Шебы чуть заметно дрогнули. Старуха выглядела усталой, лицо ее осунулось.

— Ну что? — еле слышно спросила она.

— Я... я не все п-п-понял, — заикаясь, ответил Роуэн.

— Это уж меня не касается, — отрезала колдунья. — Я сообщила тебе все, что следовало. Однако мне предстоит сделать кое-что еще. И я сделаю это, хоть и знаю, что не получу в ответ ни слова благодарности.

— Шеба, ты... — запротестовал Роуэн, но старуха нетерпеливо замахала на него руками.

— Молчи! — скомандовала она. — Я трачу на тебя свое драгоценное время и тепло

своего очага. А уж сколько я на тебя потратила сил!..

Старуха тяжело вздохнула, потом вдруг быстро заговорила, и в голосе ее не чувствовалось ни малейшей досады. В первый раз она обращалась к Роуэну как к равному.

— Мне больше нечем тебе помочь, хранитель букшахов. — Голос колдуньи был хриплым. — Одно я знаю твердо: лишь ты в состоянии сделать то, что сделать нужно. И я могу тебе сказать: все, что ты сделал раньше, было лишь подготовкой к тому, что тебе надлежит совершить теперь. Вот держи... это все, что я могу тебе дать.

Старуха положила ладонь на грудь: она пыталась нащупать что-то, что было спрятано под ветхой шалью. Найдя наконец, Шеба поднесла странный предмет к свету, и Роуэн узнал старинный медальон, который колдунья вручила ему, когда он отправлялся в страну змбаков. Медальон был на том же самом обтрепанном шелковом шнурке.

Роуэн с изумлением смотрел на талисман. Он совсем забыл о нем. К тому же он никак не мог припомнить, чтобы по возвращении в деревню отдавал его Шебе.

Мудрейшая развязала шнурок и протянула медальон мальчику.

— Возьми его и носи, — прошептала она. — Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я.

Роуэн медлил. Ему почему-то не хотелось брать талисман. Но, вопреки его воле, руки сами потянулись к медальону, и не успел он даже понять, что происходит, как пальцы уже завязывали на шее шнурок. Медальон оказался неожиданно тяжелым — тяжелее, чем раньше. Он как будто гнул Роуэна к земле.

Шеба снова уселась в кресло. Казалось, тяжелое бремя спало с ее души.

— Вот... я сделала все, что нужно, — еле слышно пробормотала она. — Теперь ступай от меня. Мне и Уносу нужно больше тепла, ведь мы должны взять от огня все, что он может нам дать.

Старуха бросила еще одну палочку в огонь. Затрещали дрова, и над очагом заплясали теперь уже голубые искорки. Шеба закрыла глаза.

— Но скажи, что же мне делать? — в отчаянии взмолился Роуэн.

— Наблюдай и жди, — не открывая глаз, отвечала старуха. — Когда придет время, ты сам все поймешь.

Отсветы пламени плясали на впалых щеках колдуньи. Старуха дышала медленно и глубоко. Роуэн понял, что больше она ему ничего не скажет.

Будто в беспмятстве, он вышел из хижины. Дверь захлопнулась. Роуэн глубоко вздохнул, и морозный воздух ожег ему горло. Искрящийся снег резал глаза. Как во сне, мальчик двинулся прочь от хижины Шебы. Он с трудом попадал в свои собственные следы. Медальон оттягивал шею.

Когда Роуэн поравнялся с заснеженными деревьями, до его слуха донесся голос Шебы: старуха вновь принялась твердить свои монотонные заклинания.

4. Зловещие сновидения

Роуэн знал, что мама, Силач Джон и Аннад с нетерпением ждут его возвращения, однако домой не торопился.

Мальчик был потрясен и напуган. Он собирался подробно рассказать о своем разговоре с колдуньей, но был уверен в том, что о ее ужасном пророчестве не следует говорить ни слова.

Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.

Если Силач Джон и Джиллер услышат эти стихи, где говорится о букшахах, огне и смерти, они откажутся завтра утром уйти из деревни. Роуэну и так стоило больших трудов убедить их отправиться к побережью вместе со всеми, в то время как он останется в Рине. Они согласились — и то с явной неохотой — лишь тогда, когда сама Ланн поддержала Роуэна.

«Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить, — в отчаянии повторял Роуэн. — Я должен точно знать, что люди, которых я люблю, — в безопасности. Уверенность в этом — единственное, что поможет мне пережить то, чему суждено свершиться».

Миновав сады, Роуэн двинулся через заснеженные огороды. Он уже различал людей, что толпились около амбаров. Ланн делила между жителями деревни остатки провизии. Роуэн взгляделся и увидел, что узелки с едой ничтожно малы!

Сердце его сжалось, когда он подумал о тех, кто с рассветом должен покинуть Рин. Он сразу же представил себе все то, что с ними будет в пути... Жители деревни идут к побережью, то и дело увязая в глубоких сугробах... Женщины и старики еле переставляют ноги, прислушиваясь к шуму текущей подо льдом Реки.

А до страны водяного народа и при хорошей погоде доберешься не меньше чем за неделю. Сколько ж придется идти его родным и друзьям, когда каждый шаг дается с огромным трудом? Дойдут ли они за три недели? За месяц? Или же путь займет еще больше времени? Постепенно истощатся запасы еды, и волки начнут нападать на обессиленных голодом и стужей людей.

Ужас сковал душу Роуэна. Прочь эти страхи, нельзя им поддаваться! Нужно стереть из памяти те страшные картины, что породило его воображение! Он опустил голову и поспешил к дому, надеясь, что никто из собравшихся у амбара его не заметит. К счастью, на него действительно никто не обратил внимания. Роуэн направился к деревенской площади.

Когда он проходил мимо мастерской Бронден, до слуха его донесся стук молотка. Бронден, по обыкновению, плотничала. Со свойственным ей упрямством она отказывалась понимать, что скоро в деревне не останется людей, у которых могла бы возникнуть нужда в ее товаре, никого, кроме нее самой, Ланн и Роуэна.

Один будет грезить, другой — рыдать,
Третий — сражаться, четвертый — летать.

Роуэн подумал: «Бронден и впрямь из тех, кто будет сражаться до последнего. А я, если верить Шебе, тот самый мечтатель, от которого не будет пользы. Ланн, наверное, от бессилия будет плакать. Кто же четвертый? Кто будет летать?»

Глаза Роуэна обратились к гончарной мастерской. Ставни были закрыты, но скорее всего Нил был дома и просто не хотел никого видеть.

Роуэн как тень пробежал по пустой площади и двинулся дальше. Заглянув в окно Книжного Дома, он обнаружил, что и там никого нет. Лишь тихонько подрагивали шелка: дверь была приоткрыта, сквозняк шевелил яркие полотнища, и нарисованные люди, животные и деревья двигались, будто живые.

Роуэн глаз не мог отвести от одной из картин. Она всегда производила на него сильное впечатление. На ней было изображено одно из поселений рабов, в котором столетия назад жили его предки. Там были нарисованы и воины-зибаки — они отбирали самых сильных и храбрых, разлучали этих несчастных с семьями и сажали их в железные клетки.

Наверняка тот, кто создавал эту картину, знал, что силачей прикуют к веслам на кораблях и заставят сражаться на стороне зибак, но кто мог предположить, что эти смельчаки повернут оружие против своих поработителей и вернут себе свободу? Конечно, никто не предвидел того, что в мирной долине Рина эти воины начнут новую жизнь. Люди, из чьих сердец зибак стерли все воспоминания, забудут о прошлом, а те, слабые и робкие, кому было суждено остаться в рабстве, постепенно вымрут, и через триста лет от забытого племени не останется никого, кроме Шаран и Норриса...

Тут Роуэн подумал, что среди ринцев все-таки были те, кто знал о будущей судьбе своего народа. Взгляд его упал на фигуру горбатой старухи. Без сомнения, это целительница, Мудрейшая, ведь она держит в руках пучок травы и старается незаметно передать одной женщине в клетке круглый медальон.

Пальцы Роуэна потянулись к медальону, что висел у него на шее. Мысли его снова и снова возвращались к тяжелому круглому предмету. Его медальон не просто похож на тот, что нарисован на картине. Это он и есть. Та женщина взяла его с собой в долину. Из поколения в поколение мудрые целительницы передавали друг другу этот талисман, пока наконец он не очутился в руках у Шебы.

«А сейчас она отдала его мне, — подумал Роуэн. — Только теперь все не так, как тогда, когда я отправлялся в страну Зиб. В тот раз Шеба мысленно следовала за мной. Сейчас же все будет по-другому, я чувствую это».

Какой-то странный шум в ушах... На память снова и снова приходят эти слова: «Возьми его и носи. Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

Оконное стекло запотело от дыхания Роуэна. Он уже с трудом различал раздуваемые ветром полотнища, но не протирал стекол. Ему не хотелось видеть суровые лица двух женщин — старой колдуньи и той, молодой, в клетке. Роуэн понимал, что момент передачи медальона был неким таинством, и старался не думать о том, почему Шеба отдала медальон именно ему.

«Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

Убедившись, что медальон надежно спрятан на груди под рубашкой, Роуэн быстро зашагал прочь от Книжного Дома. Теперь он думал только об одном: как бы поскорее добраться до дома. Лицо его горело, но сердце будто превратилось в кусок льда.

Вскоре он уже был возле своего дома и открывал калитку. Сестренка Аннад ждала Роуэна и, едва он подошел к крыльцу, распахнула дверь.

Желая поскорее втащить его в дом, она схватила брата за руку, но тут же отпустила.

— Какой ты горячий! — удивленно вскрикнула она.

Роуэн заметил, что мама и Силач Джон, которые, бросив собирать вещи, вышли его встретить, тоже смотрят на него с удивлением.

— В хижине Шебы было очень тепло, — пробормотал он, снял меховую куртку и продолжил: — Мне кажется, она придумала какой-то заговор, чтобы ей и Уносу было не холодно.

— Глупо надеяться, что старуха захочет поделиться с нами этим теплом, — сухо сказала Джиллер.

— Да-да, вряд ли она захочет делиться, — согласился Роуэн. — Она сказала, что я краду ее тепло. И кажется, я, сам того не желая, действительно унес частичку его с собой.

Роуэн пошевелил пальцами. Побывав в хижине колдуньи, он перестал чувствовать холод — только сейчас он обратил на это внимание.

— А что она тебе говорила? — спросила Аннад.

Роуэн поежился:

— Она злилась. Говорила, что утром никуда не пойдет, что мы неблагодарные глупцы и что она нам еще покажет.

— Еще покажет? Что она имела в виду?! — воскликнула Джиллер.

— Не знаю.

Роуэн подошел к столу. На нем лежали сложенные стопкой одеяла и еда — все то, что его близкие собирались взять с собой в дорогу.

— Шеба сказала, что она намерена сделать кое-что еще. Что-то, за что она не ждет от нас благодарности, но так и не объяснила, о чем, собственно говоря, идет речь.

— Возможно, завтра утром она попытается помешать нам уйти, — предположил Силач Джон.

— Не исключено, — согласился Роуэн и стал развязывать шнурки.

Он решил, что ничего не скажет об ужасном пророчестве Шебы, и действительно не сказал ни слова. Ему не пришлось лгать. Просто он отвлек внимание Джиллер и Силача Джона, заставив их задуматься о том, как старуха отнесется к их уходу из деревни.

Роуэн чувствовал облегчение, но как же он устал, как он был одинок!

Вечер выдался холодным. Снег больше не падал, и долину окутал странный, леденящий душу туман. Ветер пронизывал до костей.

Жители Рина, собравшие пожитки и готовые к тому, чтобы с рассветом покинуть деревню, улеглись спать. Сердца их терзались страхами и сомнениями, но лишь немногие признались бы в этом даже самим себе. Люди вспоминали горшечника Нила — в ушах все еще звучал его высокий голос и те слова, что были произнесены в Книжном Доме: «Эра холодов... Когда лед сковал землю, а с Горы спустились снежные черви, жаждущие теплой крови!...»

Роуэн поднялся на чердак, не раздеваясь, лег на узкую кровать и стал смотреть на отсветы на стене — свеча догорала, и пляска теней, постепенно замедляясь, угасала.

Раньше Роуэн жил в этой комнате вместе с Аннад, но теперь сестренка спала внизу — Силач Джон и Джиллер отвели ей отдельную комнату. Обычно Роуэн любил бывать один, но сегодня ему было грустно и тоскливо. Он твердил про себя: «Надо раздеться еще до того, как догорит свеча. Надо попытаться заснуть», но неодолимая усталость сковала все его тело.

Белый леденистый туман подкрадывался к чердаку. Роуэн посмотрел на незанавешенное окно и в испуге поежился, хотя в глубине души был рад тому, что из-за снежной дымки не видно Горы, одиноко высившейся в сером небе.

«...Жители Золотой долины отвернулись от Горы и перестали ее почитать. Вот и мы! Мы сделали то же самое!»

Конечно, слова Нила — глупые бредни, Ланн была права. В этом нет никакого сомнения...

На стуле близ кровати Роуэна стояла золотая сова, которую он нашел в мрачном урочище, там, где когда-то была Золотая долина. Золотое тельце совы поблескивало в неверном свете свечи. Сверкали глаза-изумруды — мудрая птица будто пыталась о чем-то рассказать.

Роуэн протянул руку и дотронулся до маленькой фигурки. Он снова и снова возвращался к одному и тому же: «Нет, не из-за эры холодов погибла Золотая долина. В легендах бродников говорилось, что тогда людям все-таки удалось умиловить Горы и снова наступила весна. Люди Золотой долины жили счастливо, пока, спустя столетия, на их земле не появились ужасные деревья Унрина...»

«Люди умиливали Горы...» Но что они для этого сделали? Что?

Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.

Роуэн сжимал в ладонях золотую сову. Вдруг ее зеленые глаза вспыхнули. Огонь свечи задрожал и погас.

Роуэн открыл глаза. Он вдруг очутился в каком-то странном месте. Вокруг было голо и холодно. Землю и каменистые склоны покрывал снег. Над головой высились громадные утесы. Небо заволокли тучи, однако было достаточно светло. Он понял, что находится на Горе.

Впереди виднелись три человеческие фигуры. Люди, одетые в плащи с капюшонами, спотыкаясь брели по снежной пустыне, стараясь держаться поближе друг к другу. В руках они сжимали факелы. Дул сильный ветер, факелы чадили, и пламя то разгоралось, то угасало. Идущий впереди — высокий и широкоплечий — опирался на длинный посох и хромал. Тот, кто шел за ним следом, был мал и слаб. Позади всех — худой невысокий подросток.

Это конец...

Тот, кто шел последним, помедлил и повернулся к Роуэну. Ужас охватил мальчика — он узнал это лицо, ведь он видел его каждый раз, когда смотрелся в зеркало. Этот знакомый незнакомец глядел на Роуэна и одновременно глядел сквозь Роуэна, будто тот был прозрачным.

Роуэн почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. словно со стороны он видел самого себя, но одновременно чувствовал все то, что переживал в ту минуту его двойник, этот усталый мальчик с остановившимся взглядом.

Страх... Злость... И невозможная печаль.

«Я сплю», — пронеслось в голове у Роуэна, и он попытался проснуться, но чары сна оказались слишком сильны — это была почти реальность. Чудовищное видение захватило

его и крепко держало в своих объятиях. Роуэн не мог пошевелиться, не мог ни слова вымолвить. Ему не оставалось ничего другого, как досмотреть до конца то, что сейчас разыгрывалось перед его взором.

Тот, кто шел перед Роуэном, тоже остановился и обернулся. Это была Шаран. В руках она сжимала деревянную шкатулку с шелками, которую взяла с собой, покидая землю зибакков.

— Что случилось? — прерывистым голосом спросила она.

Роуэн — Роуэн из его собственного сна — вздрогнул.

— Мне показалось, что кто-то за нами следит, — ответил он.

Идущий впереди — Норрис — остановился и, растирая ногу, недовольно хмыкнул:

— Это невозможно. Кроме нас, никого не осталось.

Боль и усталость исказили его красивое лицо, в глазах появился страх загнанного зверя.

— Кроме нас, никого не осталось, — повторил он еще раз и вдруг хрипло расхохотался.

Шаран с тревогой посмотрела на брата.

— Темнеет, — сказала она, крепче сжав в руках шкатулку с шелками. — Пойдемте дальше — туда, куда нас ведут букшахи.

Снова раздался хриплый смех Норриса. Оглядев покрытые льдом склоны Горы, он громко спросил:

— А куда мы идем? Не все ли равно, где умереть?

В отчаянии он бросил посох и упал на землю. Шаран поспешила к нему, Роуэн — он снова видел себя со стороны — за ней. Скорчившись, Норрис лежал на снегу, и взрывы ужасного хохота сотрясали его тело. Роуэн и Шаран схватили его за руки.

— Вставай! — Роуэн услышал во сне свой собственный голос, но не узнал его. Голос его двойника был спокойным и решительным. — Мы тебя не бросим, но если останемся здесь — погибнем, причем погибнем бесцельно. А когда люди нашего племени вернутся из путешествия к побережью...

— Они никогда не вернутся! — выкрикнул Норрис. Он все еще продолжал истерически смеяться, но хохот его уже напоминал всхлипывания. — Они все погибли, я знаю. И Мудрейшая вместе с ними. Разве ты не понимаешь? Мы обречены. Это конец.

Это конец...

Шаран открыла рот, будто собираясь громко закричать, но крик ее был едва слышен. Роуэн все более и более отдалялся и от Шаран, и от Норриса, и от себя самого. Все вокруг окутал туман. Больше он ничего не видел.

Роуэн очнулся — он задыхался, сердце билось как сумасшедшее. Ему было жарко, он весь вспотел. В голове продолжал звучать крик Шаран. Роуэн вскочил с постели, распахнул окно и, жадно хватая ртом воздух, взгляделся в темноту. Холод пробрал его до костей.

«Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

«Нет! — отчаянно повторял Роуэн, сжимая кулаки, — Нет! Это только дурной сон! Да и как я мог очутиться на Горе вместе с Шаран и Норрисом, ведь завтра они вместе со всеми отправятся к побережью?»

Роуэн вздрогнул: ему почудился крик, который он слышал во сне. Туман приглушал все звуки, но этот крик ужаса был явственно различим.

Роуэн понял, что это уже не во сне, а наяву!

5. В Книжном Доме

Роуэн кубарем скатился по лестнице, натянул куртку, надел башмаки — они были оставлены на просушку у очага — и выбежал на улицу. Он слышал, что его родные тоже проснулись. Силач Джон, Джиллер и Аннад звали его. Роуэн откликнулся, но побежал дальше.

Каждая секунда была дорога, ведь он узнал голос Шаран. Этот крик означал одно: она в опасности.

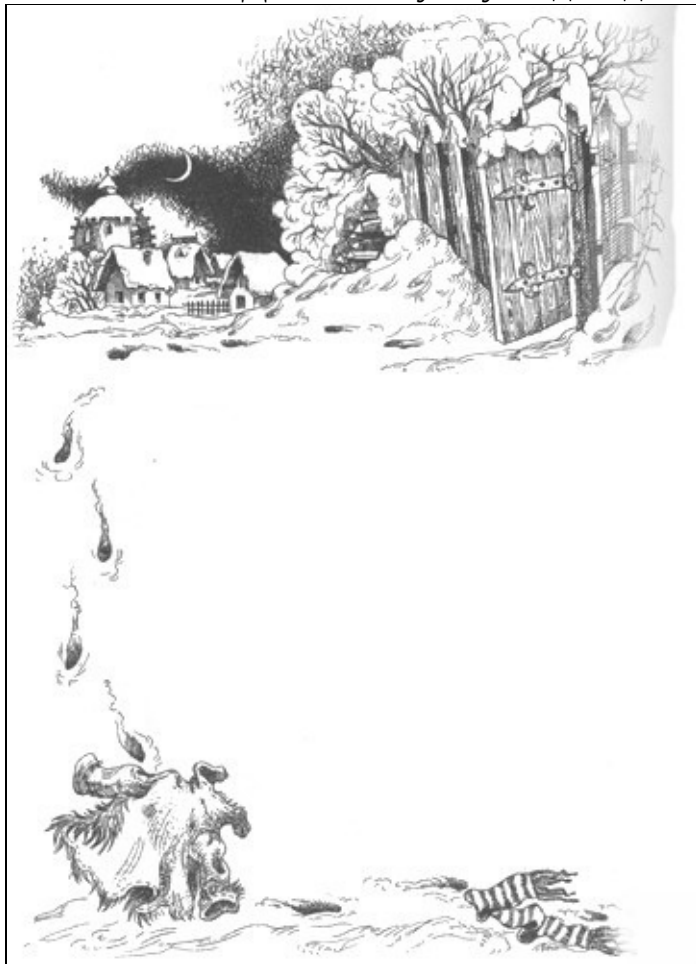
Белое покрывало тумана окутало все вокруг. Очертания предметов исчезли. Вытянув вперед руки, Роуэн, как слепой, долго искал калитку. Выбежав на улицу, он не сразу понял, куда идти. Не было слышно ни звука. На несколько минут в деревушке вновь воцарилась тишина.

Затем снова грохот, крики Шаран, отчаянно зовущей на помощь, и еще чьи-то яростные крики.

Роуэн заметил мерцающий в тумане огонек. Туда он и поспешил.

Тем временем проснулись остальные жители Рина. До слуха Роуэна долетали вопросы и восклицания, стук распахивающихся дверей, топот бегущих ног, но Роуэн понимал, что он сейчас ближе всех к тому месту, где происходит нечто ужасное.

Крики Шаран, чьи-то крики ярости... Роуэн не мог разобрать слов, но голос показался ему знакомым. Огни в окнах Книжного Дома... Роуэн уже догадался, что произошло.

Вот наконец он и добежал: дверь распахнута настежь, внутри — яркий свет, пламя и дрожащие тени на потолке. Шаран — он не мог не узнать ее хрупкую фигурку — с кем-то отчаянно борется. Комната вся в дыму.

Роуэн ринулся внутрь и сразу споткнулся о тело, распростертое на пороге. Неверные отсветы пламени бродили по лицу лежавшего.

Роуэн в испуге отшатнулся: он узнал брата Шаран. Глаза Норриса были закрыты, висок в крови. Потеряв сознание, Норрис выронил факел, и языки огня уже начали лизать половицы. Ворвавшийся в комнату ветер раздувал пламя, огонь охватил лежавшие на полу книги и стал подбираться к высоким полкам.

Роуэн схватил факел и поднял его над головой. Теперь он ясно видел Шаран и ее противника, горшечника Нила. Тот изо всех сил пытался отшвырнуть от себя вцепившуюся в него девочку.

— Роуэн! — закричала Шаран. — Убери огонь! Убери фа...

От сильного удара она отлетела к стене. Издав яростный крик, Нил двинулся на Роуэна. Горшечник был вне себя от бешенства — зубы оскалены, на губах пена, в глазах безумие. Он повалил мальчика на пол и попытался отобрать у него факел.

— Дай сюда! — рычал он. — Шелка надо сжечь! Да отдай же! Я сожгу их, и мы спасемся!

— Нет! — выдохнул Роуэн, вырываясь из цепких рук Нила и не отдавая ему факел.

И все же он чувствовал, что долго так не продержится, и решился на хитрость. Роуэн резко повернулся в сторону двери и расширил глаза, будто кого-то увидел.

— Джон! — закричал он. — На помощь!

Нил тоже оглянулся на дверь и на мгновение ослабил хватку. Лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно. Роуэн высвободил руку и швырнул пылающий факел в открытую дверь.

Нил заскрежетал зубами и, во что бы то ни стало желая завладеть факелом, ринулся во двор. С трудом поднявшийся на ноги Роуэн захлопнул за ним дверь. Голова у него шла кругом. Он стянул с себя куртку и принялся тушить пожар. Книги уже тлели, огонь, как прожорливая стайка красных муравьев, полз по полкам. Дым щипал глаза.

— Шаран, иди на улицу! — крикнул Роуэн девочке.

Ему никто не ответил. Роуэн обернулся и сквозь завесу дыма, что застил глаза, увидел Шаран, которая, повернувшись к нему спиной, стояла на столе и торопливо снимала шелковые полотнища, сворачивала их и складывала в деревянную шкатулку.

Роуэн снова окликнул ее, но Шаран даже не обернулась. Она была так поглощена своим делом, что скорее всего даже не слышала, что ее зовут. Дыма становилось все больше и

больше. Шаран кашляла.

— Шаран! — завопил Роуэн что было сил.

Дверь распахнулась. Роуэн вздрогнул: ему почудилось, что это вернулся Нил. Когда же в клубах дыма он увидел Силача Джона, Джиллер и Бронден, из его груди вырвался вздох облегчения. Силач Джон держал в руке фонарь. Роуэн успел заметить, что во дворе столпились жители деревни.

— Нил хотел сжечь картины! — объяснил им Роуэн. — Он убежал. Куда-то туда...

Лицо Силача Джона потемнело от гнева. Он быстро вышел из Книжного Дома. Бронден бросилась вслед за ним, а остальные побежали за одеялами и водой.

«Да-да, пусть они тушат пожар и занимаются Норрисом», — подумал Роуэн. Закрыв краем шарфа нос и рот, он снова ринулся в задымленную комнату — туда, где была Шаран.

Девочка, крепко сжимая в руках шкатулку, лежала около стола. Она надыхалась дымом и без сил сползла на пол. Роуэн рывком поставил ее на ноги и потащил к открытой двери.

— Я не могла спать... — всхлипывала Шаран, борясь с приступами кашля. — Я боялась, что с шелками что-нибудь случится. И вот мы с Норрисом вышли из дома и... и увидели, что в Книжном Доме горит свет и что там Нил. Мы... мы как раз вовремя пришли, ведь он уже... Норрис выхватил у него факел, они стали драться... А потом Норрис упал...

— Не бойся, — успокаивал ее Роуэн, — о Норрисе уже позаботились. И с шелками ничего не случилось.

Но будто чья-то ледяная рука сжала его сердце, когда, выйдя во двор, он увидел брата Шаран. Норрис еле шел, тяжело опираясь на плечо Аллуна: при каждой попытке ступить на правую ногу лицо его кривилось от боли.

Увы, Норрис не только ударился головой — при падении он еще и подвернул ногу. И теперь не уйдет из деревни вместе со всеми, потому что не сможет проделать весь этот долгий путь. А Шаран не бросит брата. Все именно так и будет. «Но ведь это вовсе не значит, что мой сон был вещим», — снова и снова повторял себе Роуэн, в то время как Шаран уже спешила к брату.

Послышался рев букшахов. Наверное, их разбудили запах дыма и крики. А может быть, это они из-за Нила, ведь он побежал куда-то туда, в их сторону.

Животные и без того взбудоражены. Роуэн знал, что если букшахи не успокоятся, они снова снесут изгородь и убегут. Он заторопился, пробираясь сквозь толпу и стремясь поскорее добраться до поля, где ночевало стадо.

К счастью, туман рассеялся. Теперь дорогу на пастбище можно было найти и без фонаря.

Мысленно Роуэн снова и снова возвращался к случившемуся в Книжном Доме, стараясь убедить себя, что то, что Норрис и Шаран остаются в деревне, простое совпадение.

Он говорил себе: «Во сне я видел на нас старинные плащи с капюшонами. Их делали когда-то из шкур букшахов. В прежние времена такие плащи носили воины, но в деревне их больше не осталось. Во сне Норрис говорил, что Шеба вместе со всеми отправилась к побережью. А вот этого точно не может быть! Она же сама мне сказала, что никуда не пойдет».

Букшахи продолжали реветь, Роуэн узнал низкий голос Звездочки. Он побежал быстрее и вскоре оказался у изгороди, что окружала пастбище.

Рядом был сарай, где хранились запасы сена, которым зимой кормили букшахов. Роуэн рывком отворил дверь и шагнул в темный амбар, наполненный сладковатыми запахами.

Роуэн знал: лучшее средство успокоить животных — покормить их. Из маленького стожка на полу он взял охапку сухой травы и направился в поле. Там он тихонько позвал букшахов. Рев стих, но к нему никто не подошел. Удивленный Роуэн стал напряженно вглядываться в темноту.

Над Рекой клубился туман. Мальчик еще раз позвал букшахов.

Послышалось недовольное ворчание Звездочки, но букшахи и не думали идти к своему пастуху. Роуэн сам двинулся им навстречу.

Впереди уже маячили силуэты огромных животных: букшахи неподвижно стояли у изгороди, разделявшей пастбище и сады. Слабые животные — в центре стада, молодые и сильные — по краям. Они увидели идущего к ним мальчика, но даже не сдвинулись с места. Лишь Звездочка чуть подалась ему навстречу.

— Звездочка, чего вы боитесь? — спокойно сказал Роуэн. — Нил ничего вам не сделает, пожар потушили...

Он положил перед ней охапку сена и стал ласково поглаживать свою любимицу.

Кожа исхудавшей Звездочки обвисла, шерсть на загривке свалялась. Она жалобно мычала и грустно смотрела на хозяина.

Роуэн задумался. Действительно ли его букшахам нечего бояться? Звездочка всем своим видом показывала, что следует быть настороже. По опыту прошлых лет он знал, что животные способны почуять опасность раньше людей.

Он торопливо пересчитал букшахов. Внутри у него будто что-то оборвалось. Он медленно обошел все стадо, называя каждое животное по имени. Все были на месте, кроме одного. Не было любимицы Ланн, серой косматой Сумерницы, — в стаде она была самой старой. Ее исчезновению могло быть только одно объяснение.

Борясь с подступившими к горлу слезами, Роуэн делил сено между букшахами.

— Бедная... бедная Сумерница! — бормотал он. — Я не знал, что она... так ослабла. Утром я обязательно ее найду. А сейчас...

— Роуэн, это ты?

Мальчик вздрогнул. Голос Силача Джона, звучавший как-то странно, доносился со стороны садов.

— Иди сюда!

Силач Джон был явно взволнован, Роуэн понял это сразу, но что произошло? Неужели Нил еще что-то натворил?

Роуэн на прощание потрепал Звездочку за ухом, перелез через изгородь и по сугробам направился туда, где мерцал фонарь Силача Джона.

Тот ждал его в роще, где похороненные под снегом деревья в немом бессилии воздевали к небу свои черные руки-ветви.

Когда Роуэн вышел из темноты, Силач Джон во все глаза уставился на него:

— Роуэн! Где твоя куртка? Ты же, наверное, замерз!

Только сейчас Роуэн вспомнил, что куртка осталась в Книжном Доме. К букшахам Роуэн побежал в одном свитере и даже не почувствовал холода.

Ничего не понимающий отчим, глядя на него, покачал головой.

— Ладно, в конце концов, это не важно, — пробормотал он. — Посмотри, что я обнаружил, когда погнался за Нилом!

Он махнул рукой, призывая Роуэна идти следом, и двинулся напрямик через сугробы. Мальчик удивился, но пошел за отчимом. У него заныло сердце, когда стало ясно, что Силач

Джон ведет его к хижине Шебы.

Сады остались позади. Силач Джон поднял фонарь: они стояли на дорожке около знакомого крыльца.

Роуэн был у Шебы вчера, однако с тех пор многое изменилось. В домике было темно, исчез терпкий запах трав, не слышалось заунывного старухино бормотания. Широкая черная тропа уходила вдаль и терялась за холмами.

Роуэн не поверил своим глазам.

— Что это? — прошептал он.

Оставив вопрос без ответа, Силач Джон пошел по тропе. Идти было тяжело: даже сквозь толстую подошву ботинок Роуэн чувствовал неровности почвы. Приглядевшись, он заметил, что от земли поднимается пар.

Внешне Силач Джон был, как обычно, спокоен, но сейчас в его голосе звенела с трудом сдерживаемая радость:

— Это дорога через холмы! Я шел по ней, пока не узнал наверняка. На ее пути поток, но на той стороне тропа продолжается и ведет к побережью.

Роуэн посмотрел вдаль — все это не укладывалось у него в голове.

— Но ведь Шеба говорила мне... — начал было он.

— Она говорила тебе правду! — перебил его Силач Джон. — Она, как всегда, запутала и запугала тебя, но рассказала о том, что хочет сделать. Она говорила, что еще покажет нам, и показала — показала путь. Говорила, что не пойдет с нами, — и действительно отправилась без нас. Она уже в пути, она указывает нам дорогу!

Силач Джон сжал мальчику руку:

— Ты только взгляни, Роуэн! Это волшебное тепло Шебы! Она растопила снег и проложила путь!

— Но... — Роуэн запнулся. Радость, удивление и ужас охватили его. — Но Шеба не может ходить!..

— Мудрейшая не идет пешком, она едет верхом, — объяснил Силач Джон. Он поднял над головой фонарь и осветил тропу. Теперь у Роуэна не осталось сомнений в верности его слов.

На тропе виднелись следы огромных когтей Уноса...

6. Подземный ход

Как только начало светать, жители Рина оставили долину. Им не пришлось пробираться сквозь снежные заносы — Мудрейшая проложила им путь, и один за другим они двинулись следом за ней.

Роуэн и Шаран проводили их до Реки. Дальше они не пошли, но долго стояли на берегу, глядя вслед родным и друзьям. Они видели, как уходили их односельчане — с высоко поднятыми головами, с глазами, устремленными к горизонту. Роуэн и Шаран не плакали, но им было очень грустно. Ведь только Аллун, в чьих жилах текла кровь бродников, обернулся и помахал на прощание рукой.

— Им нет до нас никакого дела, — прошептала Шаран. Слезы бежали по ее щекам.

— Да нет же, — возразил ей Роуэн, — просто они не подают виду.

Он помахал Аллуну и отвернулся. Роуэн больше не мог смотреть на своих близких, уходивших туда, на восток, в белую безжизненную пустыню.

— Пойдем, — сказал он, ласково касаясь плеча Шаран, — нам пора возвращаться домой. А то Норрис начнет беспокоиться, где мы пропали.

— Да не будет он беспокоиться, — закусив губу, отвечала девочка. — Он разозлился на меня из-за того, что я не ушла вместе со всеми. Сказал, что моя слабость — позор для нас обоих. Но, понимаешь, в стране зибаков Норрис был для меня единственным близким человеком. Не считая дедушки, конечно. И я не могу бросить брата, Роуэн! Просто не могу.

Роуэну стало ее жалко. Он, как никто, знал, что такое быть слабым среди мужественных и сильных людей.

— Ты не слабая, — попробовал объяснить он Шаран по дороге домой. — Ты сильная, но только по-своему. Вспомни, как ты боролась с Нилом.

Роуэн тут же пожалел о сказанном — при упоминании этого имени девочка вздрогнула. Ночью горшечника нигде не нашли, хотя на его поиски было потрачено несколько часов. В конце концов Ланн заявила, что безумец, видно, свалился в какую-нибудь яму да там и замерз.

Однако Роуэн и Силач Джон не были уверены в смерти горшечника. А Шаран боялась, что Нил прячется где-то в деревне, дожидаясь, когда сможет добраться до ненавистных ему картин.

— Я не виню Нила, — говорила девочка, — я понимаю: то, что он делал, с его точки зрения, было правильным. Я всем сердцем надеюсь, что он не погиб, но если бы только его нашли!.. Можно было бы с ним поговорить, все ему объяснить...

Роуэн поглядел на Шаран. Он подумал, что вряд ли эти слова пришлись бы по вкусу Ланн, будь они сказаны при ней. Воинственная староста облила бы Шаран презрением за то, что та готова простить своего врага.

Оставив позади хижину Шебы, ребята брели по заснеженным садам. Роуэн, желая отвлечь Шаран от грустных мыслей, сказал ей, что пора кормить букшахов.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Шаран не знала, что и ответить: ей не очень хотелось идти к животным, но и не хотелось обижать мальчика отказом. Роуэна всегда забавляло, что Шаран, не боявшаяся громадины Уноса и его ужасных когтей, испытывала панический страх при виде букшахов.

— Не хочешь, не ходи, — сжалился над ней Роуэн. — Мне все равно сначала нужно

зайти к Ланн и обо всем ей рассказать, а то она начнет волноваться. Но послушай: не надо бояться букшахов — они самые добрые из всех животных на свете.

— У них такие страшные рога, — буркнула девочка.

Роуэн рассмеялся:

— Ну что ты, они же не бодаются. И даже между собой не дерутся.

— Да? Если они не бодаются и не дерутся, так зачем же им вообще они нужны? — возразила Шаран.

Роуэн не нашелся что ответить. Этот вопрос он и сам частенько себе задавал.

Они вошли в деревню, где стояла зловещая тишина. Роуэн и Шаран, храня молчание, миновали безлюдную площадь. Сами того не сознавая, они ускоряли шаг, проходя мимо пустых домов. Деревня, внезапно лишившаяся своих обитателей, походила на погост.

Вот наконец и пекарня. В ней, по крайней мере, были люди, звучали их голоса. Роуэн и Шаран вошли на кухню. Здесь командовала старуха Ланн — под ее руководством передвигали мебель.

Было решено, что те, кто остался в деревне, будут жить все вместе в одном доме, чтобы тратить меньше дров и лампового масла. Ланн сочла, что удобнее всего перебраться в просторную пекарню, которая находилась в центре села. Роуэн обрадовался, когда узнал об этом. Он любил пекарню, любил хлебопеков — Сару и ее сына Аллуна, который всегда что-нибудь напевал, вытаскивая из печи противни с кренделями и хрустящими хлебцами.

Роуэн вошел в комнату, где собирались обосноваться жители деревни, и вдруг осознал, что при Ланн жизнь в пекарне будет совсем не такой, как тогда, когда здесь хозяйничала Сара. Исчезло то спокойное дружелюбие, что всегда царило в этих стенах.

Мебель из общей комнаты вынесли. Остались лишь стул перед очагом — на нем, нахмурившись, сидел Норрис — да скамеечка, на которую он положил больную ногу.

Со второго этажа, из спален, притащили половики и расстелили их на полу. Теперь из щелей не так сильно дуло. Ставни крепко-накрепко заперли. Бронден вдобавок занавесила окна старыми одеялами — нельзя было попусту расходовать тепло.

На полу, у самых стен, лежали одеяла — тут собирались спать. Рядом с одеялами стояли сумки с вещами, а возле них тарелки и чашки для каждого.

Здесь как будто расположился отряд воинов, готовый к битве с наступающими холодами. Посреди этого маленького лагеря возвышалась фигура старухи Ланн с посохом в руке.

— Вот наконец и вы, — сказала она, едва Роуэн и Шаран появились на пороге. — Посмотрите, бездельники, сколько мы уже сделали, пока вы там знай себе шляли по полям!

Староста продолжала громким голосом выговаривать им за отлынивание от работы, и лицо ее бороздили суровые морщины. Роуэн чувствовал, что Шаран хочет спрятаться за его спину, хочет сжаться в комочек, чтобы не слышать сердитых слов. Сам-то он догадывался, что за злыми нападками Ланн скрываются боль и горечь от расставания со своими близкими, но Шаран не понимала старосту и боялась ее.

— Роуэн, помоги Бронден! А ты, Шаран, принеси дров! — приказала Ланн.

Норрис попытался встать:

— Я сам принесу. Шаран слабенькая, она...

— Сиди где сидишь, — отрезала Ланн. — Твоя сестрица захотела остаться — тогда пусть работает.

Норрис, надувшись, сел на место.

— Ланн, я потом помогу Бронден, — сказал Роуэн. — Сейчас я пойду к букшам. — В горле у него стоял ком, но голос мальчика не дрогнул, когда он произнес: — Я, возможно, задержусь. Сумерница пала вчера ночью. Мне нужно найти ее и зарыть.

— Сумерница?

Горе затопило выцветшие глаза Ланн. Морщины на ее лице превратились в темные впадины, но через минуту гордая женщина овладела собой и спокойно произнесла:

— Иди, Роуэн, и похорони Сумерницу. Только сначала состриги шерсть. Она нам еще пригодится.

Перед мальчиком лежали пустые заснеженные поля. За ними высилась огромная Гора, окутанная пеленой морозного тумана.

Роуэн нашел букшам там же, где они были ночью, — животные не разбредались, стадо не отходило от изгороди. Снег вокруг был изрыт и истоптан: букшахи пытались отыскать коренья — единственную пищу, которую они могли добыть зимой.

Они не откликнулись на зов хозяина и подошли к Роуэну только тогда, когда он принес им сена.

Животные принялись за еду, а Роуэн, взяв приготовленные заранее заступ, пустой мешок и большие ножницы, двинулся по вытоптанной букшахами тропинке, что вилась вдоль замерзшей Реки.

К удивлению мальчика, Сумерницы нигде не было.

Скованная льдом Река еле слышно журчала под ногами у Роуэна, когда он перебирался по льду на другой берег. Со стороны Горы веяло лютым холодом — ее ледяное дыхание выжимало из глаз Роуэна слезы.

Вдруг мальчик задрожал от страха. Ему показалось, что он вновь слышит голос горшечника Нила и сказанные им ужасные слова: «Это — проклятие... Гора разгневалась и наказывает нас».

И тут Роуэн заметил то, что раньше ускользало от его взгляда.

На другой стороне Реки следов букшам не было. Только сугробы и снеговые заносы — будто волны на море в Водяной стране. Только снег, который там, вдалеке, сливался с обволакивавшим Гору туманом. Три дня назад был сильный снегопад, и с тех пор букшахи почему-то не переходили Реку. А ведь они повсюду искали свои коренья.

Внезапно сзади послышалось мычание. От неожиданности Роуэн вздрогнул и обернулся. На противоположном берегу стояла Звездочка и глядела на хозяина. Он протянул руку и позвал свою любимицу. Звездочка мотнула косматой головой, но не двинулась с места.

Волоча за собой заступ, Роуэн пошел обратно к Звездочке. Он гладил ее, чесал кудлатый загривок и пальцами чувствовал дрожь, сотрясавшую тело огромного животного.

— Звездочка, — шептал он, — что случилось с Сумерницей? Где она?

Звездочка, нагнув голову так, что кончики рогов окунулись в снег, поскребла копытом землю.

— Где Сумерница? — повторил Роуэн. — Покажи мне, где она!

Звездочка повернула голову, посмотрела на хозяина и неохотно двинулась вперед.

Она вела мальчика вдоль русла замерзшей Реки. Там, где закончилась вытоптанная букшахами тропа, Звездочка остановилась и ударила копытом.

Роуэн огляделся. Огромный сугроб перегораживал Реку, соединяя ее берега. Около сугроба виднелись следы.

Роуэну показалось, он понял, что произошло. Наверное, Сумерница упала, а когда попыталась встать, сугроб начал оползать и бедняжку засыпало снегом. Глаза мальчика наполнились слезами. Размазывая их по щекам, Роуэн принялся копать.

Звездочка тревожно замычала и попятилась.

— Не бойся, — сказал Роуэн, но с каждым ударом заступа его собственное сердце билось все сильнее. Руки дрожали.

В раздражении он спрашивал себя: «Да что же это такое? Я ведь не в первый раз вижу смерть!» Стиснув зубы, Роуэн продолжал орудовать заступом. Он рыл под сугроб, под эту огромную башню из снега и льда, широкий лаз.

Вдруг его заступ провалился куда-то, да и сам он чуть было не упал.

Встав на колени, Роуэн стал вглядываться в мерцающую глубину неожиданно возникшей перед ним расщелины. Мурашки поползли у него по коже.

Роуэн увидел уходящий вниз узкий тоннель. По стенам его бродили голубоватые тени. Слышался ропот скованной ледяным панцирем Реки. Мертвенным холодом веяло из глубины снежного подземелья. Мальчику показалось, будто его губы и глаза подернулись коркой льда. Медальон же, что висел у него на шее, был словно раскаленный уголь.

Как замороженный, Роуэн глядел вниз, не в силах отвести взгляд от волшебного-прекрасных глубин ледяного тоннеля. Звездочка редела, пытаясь заставить хозяина встать. Она легонько толкнула его копытом, и это прикосновение разрушило наваждение. Роуэн поднял голову. Сначала он ничего не видел — глаза отвыкли от света дня. Не сразу он смог осмыслить то, что открылось ему в глубинах невиданного подземелья.

Тоннель начинался прямо под сугробом. Вход в него припорошило снегом, поэтому Роуэн его и не заметил. А внутри тоннеля — там, меж ледяных стен, — лежала Сумерница.

В горле у Роуэна стоял ком. Да, все произошло именно так, как он и предполагал: Сумерница упала, и ее придавило оползнем. Погребенная под снегом, но все еще живая, бедняжка пыталась выбраться, двигаясь все вперед и вперед, и прорыла тоннель. Сумерница умерла, потому что устала и не могла больше бороться за жизнь.

Роуэн медленно поднялся с колен. Он не мог даже думать о том, что теперь Сумерницу надо сначала остричь, а потом похоронить. Для этого ему самому пришлось бы залезть в ледяную могилу. Роуэн содрогнулся.

Он схватил заступ — вход в ужасный тоннель должен быть засыпан.

Звездочка толкала его, будто хотела сказать, что пора уходить. И Роуэн позволил ей увести себя прочь от этого гиблого места. Он чувствовал, как мелкая дрожь сотрясает тело его любимицы.

Животные мудрые знают пути...

Пальцы Роуэна сжались. Его озарила внезапная догадка: он вдруг сразу все понял.

Звездочка любит своего хозяина, но больше не доверяет ему, не доверяет его решениям. Она знает, что холода идут с Горы. Она давно это поняла, как поняла и то, что никакие заботы Роуэна не спасут букшахов от постепенного вымирания.

Звездочка остановилась и вполоборота посмотрела на мальчика — она будто

почувствовала его беспомощность и отчаяние. Роуэн настойчиво вглядывался в глаза умного животного, но Звездочка отвернулась и продолжила свой путь.

Остаток дня прошел как сон — сон странный, исполненный зловещей тишины. Молчаливое однообразие этих часов нарушалось лишь стуком молотка Бронден. Боясь злых ветров и непогоды, она заколачивала окна и двери брошенных домов.

Роуэн никому не рассказал о своем открытии, о том, как он почувствовал на своем лице ледяное дыхание Горы. Ему не хотелось обсуждать причины страшной гибели Сумерницы. К тому же если бы мальчик заговорил о том, что ужасный холод, сжавший землю в ледяных тисках, пришел с Горы, к его словам отнеслись бы так же, как отнеслись к словам Нила, — их сочли бы пустыми бреднями.

Все утро Роуэн выполнял поручения Ланн — носил в пекарню дрова и делал другую работу. Кроме того, куда-то задевали фонарь, Ланн велела Роуэну отыскать его, но он как сквозь землю провалился.

После обеда — на обед все получили по куску хлеба с сыром — Роуэн вновь отправился к букшам. Там он поправил повалившуюся изгородь и разбил лед у берега озера. Животные безразлично созерцали работу своего хозяина.

Вечером заметно похолодало. С приближением темноты мороз крепчал, но Роуэн продолжал работать. Он опускал глаза, стараясь не смотреть на Гору, но каждой клеточкой своего существа чувствовал: над ним нависла огромная великанша и ее дыхание несет холод и смерть. Руки онемели, и топор то и дело выскальзывал из замерзших пальцев.

Туман окутал подножие Горы. Стелясь по земле, ползя по сугробам, он подбирался к Реке. Роуэн понимал, что давно пора возвращаться в пекарню, но ему не хотелось бросать букшахов — животные, сбившись в кучку, неподвижно стояли у изгороди.

Роуэн чувствовал, что этой ночью произойдет нечто ужасное.

Ближе к вечеру слышался рев Дракона.

7. Горшечник Нил

Роуэн брел по безлюдным улицам мимо заколоченных домов. В пустой деревне он сам себе казался призраком. Вот наконец и пекарня. Роуэн вошел в теплую кухню, и его тревога мало-помалу улеглась.

На плите грелся суп — не очень сытный, конечно, но зато с ароматными приправами. А в общей комнате, той, что была рядом с кухней, царили мир и покой. Норрис учил Бронден вязать узлы. Ланн дремала у очага. А Шаран с кистью в руке стояла перед натянутым на подрамник куском шелка и рисовала.

— Ланн предложила мне изобразить наше время. Холодную зиму и уходящих на восток жителей деревни, — объяснила девочка подошедшему к ней Роуэну. — Ланн сказала, что это очень ответственная работа и что мне предстоит продолжить дело предков. Я должна писать картины, на которых будут запечатлены важные события нашей истории. Пусть потомки знают о том, что с нами было. Видишь, эскиз уже почти готов.

Роуэн не мог отвести от наброска глаз. Шаран удалось изобразить и черную тропу, уходящую далеко на восток, и вереницу усталых людей, и стадо букшахов, и Гору над деревушкой, потонувшей в снегах. Он заглянул в глаза маленькой художнице и увидел, что грусть и отчаяние уступили место радостной уверенности. Роуэн вздохнул с облегчением: Ланн здорово придумала, как можно занять и успокоить девочку.

В тот день Роуэн лег рано. Ему совсем не хотелось разговаривать. Слишком много он знал, и слишком многое ему приходилось скрывать. Он очень устал, но боролся со сном. Мальчик боялся, что и на этот раз ему приснится нечто ужасное.

Шаран продолжала рисовать, а Роуэн, повернувшись лицом к стене, прислушивался к разговору, который вели между собой Ланн, Бронден и Норрис. Сидя у огня, они вспоминали односельчан, гадали, где сейчас их близкие, беспокоились об ушедших.

Голоса звучали все тише, все глуше и вскоре перешли в еле слышное бормотание. Роуэн закрыл глаза.

«Нечего бояться, — сказал он себе, — на этот раз мне ничего не приснится...»

Роуэн вдруг оказался в пещере с узким треугольным входом. Снаружи — тьма и холодный туман. Трое в тяжелых плащах жмутся к угасающему костру. Красноватые искры не могли осветить их лиц, но Роуэн сразу же всех узнал. Это был он сам, а с ним Шаран и Норрис.

Роуэн догадался, что все это ему только снится.

Троица у костра не заметила, что среди них появился кто-то еще, хотя в темноте им все равно не удалось бы разглядеть Роуэна.

— Костер — наше спасение, — прошептала Шаран. — Вся надежда на огонь.

— Да, — голос Норриса был хриплым, — но ночь длинна.

Роуэн видел, как его двойник повернулся к Шаран. В темных глазах девочки застыл ужас. Она крепко держала заветную шкатулку, ни на минуту не выпуская ее из рук. Пальцы бедняжки побелели от холода.

— Давайте взглянем на шелка, — мягко предложил тот, кто был так похож на Роуэна, — и вспомним прошлое. Это отвлечет нас от настоящего и заставит задуматься о том, зачем и почему мы здесь.

Норрис, презрительно хмыкнув, отвернулся, но его сестра кивнула Роуэну. Откинув

крышку, Шаран принялась доставать шелка. Она не глядя запускала руку в шкатулку, вытаскивала свиток, разворачивала его, отступала на шаг назад и... и перед Роуэном появлялись знакомые картины.

Вдруг он вздрогнул. Норрис резко обернулся. Девочка бросила взгляд на полотнище, которое было у нее в руках, и, увидев, что на нем изображено, в отчаянии воскликнула:

— Прости! Я совсем не хотела...

Голос Шаран оборвался, и она стала спешно сворачивать злополучный шелк, но Роуэн уже понял, что это была за картина, и ему показалось, что земля уходит у него из-под ног.

Белая и черная краски, голубовато-серые тени. И на этом фоне отчетливо выделяются фигурки тех, кого хотел изобразить художник. Людей, бредущих по темной, убегающей вдаль тропе, букшахов, сгрудившихся у подножия Горы, и саму Гору — окутанную туманом ледяную великаншу, возвышающуюся над снежной равниной.

И сотни... нет, не сотни — тысячи этих ужасных существ в клубящемся над долиной тумане. Тысячи гигантских безглазых белых червей. Разинутые пасти, огромные зубы, будто осколки голубоватого льда. Они прорывают в снегу глубокие ходы — подземные тоннели. И рыщут, рыщут, рыщут...

Роуэн почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Он попытался высвободиться, хотел закричать, но с губ сорвался лишь слабый стон.

— Роуэн! Проснись же! — услышал он голос Бронден. — Мечешься во сне, стонешь, никому не даешь спать. Проснись и лежи смирно!

Роуэн открыл глаза. Несколько секунд он молча вглядывался в раздраженное лицо Бронден. Вдруг, оттолкнув ее, он резко вскочил на ноги.

— Да что с тобой происходит?! — с негодованием воскликнула она.

В горле у Роуэна стоял ком, перед глазами — ужасные видения недавнего сна. Дрожащие пальцы не могли справиться со шнурками на башмаках.

— Букшахи! — еле смог выговорить он, вытаскивая нож. — Я же совсем ничего не понимал! А Звездочка знала... да они все знали... Бедняжка Сумерница! Она погибла первой! Ее схватили и утащили вниз! Под землю, в снег...

Пламя очага освещало комнату. Роуэн видел изумленное лицо Бронден. Проснулась Ланн. Шаран с Норрисом во все глаза смотрели на него и ловили каждое его слово.

«Костер — наше спасение...»

Роуэн ринулся на кухню, туда, где лежали факелы. Схватив один, он сунул его в еще теплившиеся угли очага, и факел запылал.

— Роуэн! — окликнула его старуха Ланн. Бронден помогла ей встать с постели. — Да скажи же, в чем дело!

— Хватайте факелы! — прокричал он. — Скорее к букшам, на пастбище! Прошу вас, поторопитесь!

Подняв высоко над головой свой факел, Роуэн выскочил на улицу. Вьюга закружила его — холод пытался пробраться под одежду, а снег и ветер — ослепить дерзкого мальчишку. Ледяной воздух обжигал горло.

Но Роуэна нелегко было остановить — подобно ветру, он несся в поле к букшам. Кровь стучала в висках, сердце сжималось от страха. Позади слышались тяжелая поступь Бронден и легкие шаги Шаран. Норрис звал сестру, просил побережься и остаться дома. Ланн выкрикивала какие-то бесполезные советы.

Роуэн выбежал за деревню. Вот наконец и поле. На мгновение остановившись, Роуэн обернулся и сквозь пургу разглядел четыре светящиеся точки — факелы. Два совсем близко, затем один, а немного подальше еще один.

Один будет грезить, другой — рыдать,
Третий — сражаться, четвертый — летать.

И вдруг сквозь завывание вьюги и шум ветра мальчик услышал со стороны поля ужасный, леденящий душу вопль:

— Нет! Нет!

Стоны, всхлипывания и снова пронзительный крик.

Спотыкаясь и падая, Роуэн побежал к поваленной изгороди. Сквозь завесу тумана он увидел горшечника Нила, который корчился на обледенелой земле, пытался встать и снова падал в снег.

Нил размахивал фонарем. Горшечник, наверное, пытался пробраться к сараю, где хранилось сено для букшахов. Там он, надо думать, прятался от жителей деревни — сухие травинки прилипли к его одежде, запутались в волосах.

Пелена морозного тумана накрыла Нила, змеящаяся поземка оплела ноги, белый саван снежного вихря опутал тело. Неверный свет фонаря превращал кружащийся снег в диковинных животных. В широко открытых глазах Нила застыл ужас, лицо перекосила гримаса боли.

«А Нил-то, оказывается, не умер», — тупо подумал Роуэн. Он никак не мог взять в толк, что происходит. Да, Нил украл у Ланн фонарь. И все это время, наверное, прятался здесь, в сарае, но почему же он?.. И что это за?..

Нил снова закричал и взмахнул фонарем. И только тут Роуэн наконец увидел, что поземка вьется лишь там, где темноту не пробивает свет фонаря. Туда, куда падал свет, не проникали те, кого он сначала принял за снежные вихри и чьи очертания мало-помалу начали выступать из морозного тумана.

Роуэн увидел, что Нила окружали гигантские белые черви — они подползали к горшечнику, свивались в кольца, вытягивали шеи. Безглазые головы разевали зубастые пасти, напоминающие голубоватые ледниковые пропасти.

Нил с воплями размахивал фонарем, кипящее масло брызгало во все стороны, вокруг слышалось злобное шипение. Дыхание огромных червей будто замораживало воздух. Горшечник рухнул в снег — пот на его лице мгновенно застыл, превратившись в ледяную маску, но окостеневшие руки по-прежнему крепко сжимали фонарь.

Подняв факел высоко над головой, Роуэн кинулся к горшечнику. Он поскользнулся, чуть не упал, но все-таки добежал до Нила, который корчился на обледенелой земле и громко стонал. Роуэн потянул его за руку, хотел помочь подняться, но Нил ухватился за него и повалил на себя.

— Они пришли за нами! — всхлипывал он. — Теперь поверили? Убедились?

— Вставай! — закричал Роуэн что было сил.

Он пытался подняться сам и помогал встать Нилу.

Но обезумевший от ужаса горшечник, вцепившись в Роуэна мертвой хваткой утопающего, тянул его вниз. Нил плакал и что-то бормотал — он будто был во власти

кошмара, от которого никак не мог освободиться.

Головы ужасных червей клонились все ниже, разверстые пасти приближались к несчастным — эти твари могли проглотить их в считаное мгновение! Сейчас они схватят их обоих и утащат в темноту морозной ночи. Зубы как огромные кривые сосульки...

«Снежные черви...»

Они издавали злобное шипение — с таким звуком оседает подтаявший снег. В их дыхании чувствовался мертвящий холод.

— Нет! — в смертельном ужасе завопил Нил, швырнул в одного из червей фонарь, оттолкнул Роуэна, стал как безумный пинать его ногами, затем метнулся к своему фонарю.

Уловив резкое движение, чудовища повернули к нему тупые безглазые морды.

Потирая ушибленный бок, Роуэн вскочил, но помочь Нилу уже не мог: огромный червь наклонился, схватил кричащего горшечника поперек туловища и поднял его над землей. Больше Роуэн не видел ничего, кроме бешено крутящихся снеговых вихрей и стелющейся поземки.

Снежный червь, унесший несчастного Нила, растаял в морозном тумане. Лишь снег скрипел где-то вдали. Те же, что остались, теперь повернули головы к Роуэну.

Он размахивал факелом перед мордами кровожадных чудовищ и пытался, ощупывая ногой каждую пядь земли. Снежные черви с шипением наседали на него и дышали ему прямо в лицо.

Роуэн споткнулся, едва не уронив факел, и остановился. В ушах звенело, но он слышал, как Бронден осыпает проклятиями кровожадных тварей.

«Значит, они уже у изгороди, — подумал Роуэн, — значит, они видели...»

— Бегите! — крикнул он не оборачиваясь и не узнал собственного голоса. — Спасайтесь!

Позади послышались тяжелые шаги. Пыхтя и ругаясь, Бронден спешила ему на помощь. Она схватила Роуэна за руку и оттащила назад, прикрывая его своим телом и заслоняя от ужасных чудовищ. Теперь она — пылающий факел в одной руке, обнаженный меч в другой — стояла перед разъяренными червями. Всхлипывающая и трепещущая Шаран тоже была рядом — она обнимала Роуэна, сжимая в дрожащей руке факел.

— Пошли прочь! — кричала плотничиха. — Убирайтесь отсюда!

Бронден отступала к изгороди, и туда же под ее прикрытием отступали Роуэн и Шаран, но снежные черви не давали им уйти. Они вытягивали шеи, и их ужасные клыки были уже совсем близко...

8. Следом за букшахами

Краем глаза Роуэн успел заметить, что фонарь Нила упал рядом с сараем, где хранилось сено. Огонь уже охватил старые бревна, и пламя подбиралось к крыше.

— Сарай горит! — закричал Роуэн. — Бронден, туда...

Бронден услышала его и маленькими, почти незаметными шажками стала пятиться назад.

И тут из тумана вынырнул запыхавшийся Норрис. Он с трудом мог ходить, но поспешил на помощь друзьям, сжимая факел в одной руке и меч, принадлежащий Ланн, в другой.

Бронден обернулась. Она отвлеклась лишь на миг, но и мига было достаточно. Факел в ее руке отклонился чуть влево, и в ту же секунду огромный червь вцепился ей в правый бок.

Короткий стон сорвался с губ Бронден. Меч выпал из ослабевшей руки. Она извивалась в пасти ужасного чудовища, но ей никак не удавалось вырваться. Огромный червь подхватил ее и тащил наверх.

Роуэн прыгнул вперед и схватил несчастную за ноги. Норрис, испустив крик ужаса, отбросил факел и поймал руку Бронден, но даже вдвоем им не хватало сил, чтобы справиться с могучим червем.

Разъяренный Норрис принялся рубить мечом зубастую гадину, но меч с металлическим звоном отскакивал от ее снежно-белой светящейся чешуи. Дрожь прошла по телу огромного животного, но мощные челюсти не ослабили хватки.

Да, огромный червь никого просто так не отпустит!.. И тут Роуэн заметил, что ужасные клыки все-таки не слишком глубоко впились в тело Бронден, — от неминуемой гибели плотничиху спас толстый плащ с меховым подбоем.

Побледневшая Шаран не давала другим червям подобраться к Роуэну и Норрису — она размахивала факелом, отпугивая шипящих гадю.

— Шаран! — крикнул Норрис. — Оставь нас! Беги!

Но девочка даже не ответила ему.

— Норрис, нужно стянуть с нее плащ! — задыхаясь выговорил Роуэн. — А потом крепче держать за ноги... Просто крепко держать за ноги, понял?

Норрис поймал край плаща и попытался его расстегнуть. Послышался треск раздираемой материи... Норрис ухватил висящую в воздухе Бронден за ноги.

Быстрым движением Роуэн сунул пылающий факел прямо в морду прожорливой твари.

Червь отпрянул назад, и из его пасти вырвалось злобное шипение. Раздался пронзительный крик Бронден. Ужасные клыки по-прежнему сжимали рваный плащ, но Бронден уже лежала на снегу, обагрив его своей кровью.

Роуэн, Норрис и Шаран встали над неподвижным телом Бронден. Они размахивали догорающими факелами, не давая кровожадным чудовищам приблизиться.

Все трое знали, что долго им не продержаться. Черви, казалось, тоже это понимали. Их гладкие блестящие тела извивались на снегу. Безглазые головы опускались все ниже и ниже, слышалось раздраженное шипение. Злобные твари выжидали удобный для нападения момент и будто ухмылялись, скаля зубастые пасти...

Где-то в тумане раздался резкий крик Ланн, и в ту же минуту вспыхнул сарай. Загудела охваченная пламенем крыша, в воздух полетели искры.

Снежные черви отпрянули. Послышался странный скрип — по весне с таким звуком сползает с крыш подтаявший снег. И в тот же миг чудовища бесследно исчезли.

Роуэн, Шаран и Норрис сначала не поверили своему счастью — их избавление было так неожиданно!

Они подтащили Бронден ближе к огню. Искры летели во все стороны, но друзья не обращали на них внимания.

От сильного жара под ногами таял снег.

Губы подошедшей Ланн кривила жесткая усмешка.

— Огонек заставил-таки этих тварей убраться подобру-поздорову!

В руках у Ланн не было ничего, кроме посоха. Свой меч она отдала Норрису. Роуэн догадался: Ланн швырнула факел в сено, чтобы поджечь сарай. Ланн, хранительница деревенских запасов, своими руками подожгла склад, чтобы отпугнуть огромных червей и спасти их с Бронден!

Староста, будто прочитав мысли Роуэна, глянула на неистово пылающий сарай. Радостная улыбка сползла с ее лица, уступив место горечи и усталости.

— Другого выхода не было, — прошептала она.

— Это уже не важно, — ответил Роуэн и сам не узнал своего голоса.

Староста испытующе посмотрела на мальчика. Затем, сурово сжав губы, она повернулась к Бронден, сняла с себя плащ и накрыла им плотничиху.

— Рана нехорошая, — сказала она, — но Бронден сильная, и, я думаю, бок заживет. Крови вышло мало, укус червя как будто проморозил бедняжку до костей. Нужно

немедленно отнести ее в теплую комнату и привести в чувство. Вы втроем тащите Бронден, а я понесу факелы и буду освещать вам дорогу.

Роуэн, Норрис и Шаран с трудом подняли с земли тяжелое тело плотничихи, но едва они тронулись в путь, как Шаран внезапно остановилась и воскликнула:

— Ой! А как же букшахи? Мы же не можем оставить их здесь...

— Где твои уши, девочка? — отрезала Ланн. — Ты что, не слышишь, как тихо в поле? И где твои глаза?!

С этими словами старуха ударила о землю посохом. Было темно, но можно было разглядеть следы от копыт и вытоптанную букшахами широкую тропу, что вела к изгороди и, теряясь в тумане, уходила прочь.

— Звездочка увела свое стадо, — спокойно пояснил Роуэн, и они двинулись дальше. — Должно быть, она дождалась моего ухода, а потом сделала то, что сочла нужным. Когда на поле вылезли снежные черви, они не обнаружили долгожданной добычи. Только Нила.

Ланн и Норрис оглянулись и изумленно поглядели на Роуэна. Они пришли позже и не видели того, что случилось с горшечником.

— Когда я прибежал сюда, тут был Нил, — глядя в землю, стал рассказывать Роуэн. — Вероятно, он прятался в сарае с сеном, а потом зачем-то выбрался на улицу.

— Понятно зачем — хотел украсть что-нибудь из еды, — сказала суровая Ланн.

— Да, возможно, — неохотно согласился Роуэн. Его плечи и ребра еще помнили удары башмаков Нила, но о погибшем не хотелось говорить дурно. — В любом случае горшечник должен был заметить, что, пока он спал, букшахи повалили изгородь. Наверное, он и в поле пошел, чтобы посмотреть, ушло ли стадо...

— Вышел и обнаружил совсем других животных, — мрачно договорил за Роуэна Норрис.

Шаран тихонечко всхлипнула.

— Нил всегда был слишком любопытным, а это до добра не доводит, — пробормотала Ланн. — Он был любопытен и глуп — как и его отец, однако тот мирно скончался в своей постели. И сыну его была суждена та же участь. Горшечник бы тихо прожил свой век, если бы не бедствие, посетившее наш край.

Ланн покачала головой. Она еще больше ссутулилась, но не останавливаясь продолжала идти вперед.

— Все же жаль беднягу. Он никогда ничем не блистал, разве что свистел здорово. А горшки — что и говорить, — горшки всегда были сработаны на славу.

Сухие слова старухи — Ланн не была склонна к бурным проявлениям чувств — оживили в сердце Роуэна воспоминания о жизни в деревне до наступления холодов. Да, бывало, в теплые летние вечера из мастерской Нила доносился переливчатый свист, а сам горшечник сидел возле гончарного круга, и в его руках бесформенные куски глины превращались в миски, кувшины и чаши.

Нельзя сказать, чтобы горшечника любили в деревне, но он был такой же неотъемлемой ее частью, как Школьное Дерево или Книжный Дом. Он был частью той счастливой жизни, что канула в небытие.

Перед глазами Роуэна снова возникло лицо Нила — такое, каким оно было, когда он видел его в последний раз: в глазах застыли боль и страх, а пот на лице превратился в ледяную маску. Этого Роуэн никогда не сможет забыть.

Они продолжали идти вперед. Больше никто не произнес ни слова.

Вот уже и пекарня рядом...

— Может быть, Нил и правда был глуповат, — послышался тихий голос Шаран, — но по-своему он был прав. Он предупреждал нас о наступлении эры холодов и о том, что скоро снежные черви спустятся с Горы. А теперь он погиб, и все из-за нас.

— Он погиб из-за собственной глупости, — заявила Ланн.

— Шаран, а ты помнишь, что говорил этот несчастный? — спросил Норрис. — Ты что же, действительно веришь, что Гора наказывает жителей Рина из-за нас с тобой? Из-за того, что в деревне появились свитки из шелка?

— Я не знаю, чему верить, — прошептала Шаран. — Но должна же быть у всего того, что тут произошло, какая-то причина! Вот послушай, Норрис: когда мы с тобой начали жить в деревне, жизнь здесь была прекрасной! А сейчас никого не осталось. Сначала из Рина ушли люди, а теперь и букшахи оставили его...

— Но, Шаран, мы-то все еще здесь! Слышишь, хранительница шелка? — оборвала ее Ланн.

Они подошли к пекарне. Староста распахнула обе створки двери, чтобы Норрис и Роуэн могли внести Бронден внутрь натопленного помещения.

Шаран закусил губу. Когда девочка заговорила вновь, голос ее дрожал.

— Сейчас мы здесь, но ведь скоро, очень скоро нам тоже придется уйти. С каждым днем становится все холоднее. С Горы спустились кровожадные чудовища. Они уже хозяйничают в полях, а скоро и на улицу выйти будет нельзя.

— Успокойся, сестра, — резко сказал Норрис. — Если они придут, мы сумеем себя защитить. Это я тебе обещаю.

Вместе с Роуэном они положили Бронден перед очагом, где еще теплились красноватые угольки.

— Тащи сюда одеяла, Роуэн, — приказала Ланн. Преодолевая боль в спине, старуха склонилась над неподвижным телом Бронден. — Неси бинты и целебный бальзам. Норрис, подбрось дров в огонь. А ты, девочка, тоже помогай — налей в чайник воды! И поторопитесь, нам еще много чего нужно сделать.

Шаран двинулась к кухне, но остановилась в дверях. Она обернулась и поглядела на Роуэна.

— Ланн не хочет говорить об этом, — покраснев, начала она, — и Норрис отворачивается, делает вид, будто занят. Но, Роуэн, ты знаешь — я говорю правду: ты знаешь больше, чем рассказываешь. — Глаза Шаран, всегда светившиеся мягкой добротой, потемнели, лицо было серьезным. — Роуэн, ответь, о чем вы говорили с Шебой? Что она открыла тебе? Я вижу в твоих глазах тревогу и страх, но ты молчишь. Расскажи нам обо всем, ирошу тебя, ведь настало время узнать правду, сколь бы ужасной она ни была.

У Роуэна сжалось сердце. Подозрения закрались в его душу еще тогда, когда он увидел сломанную изгородь и следы букшахов. Теперь подозрения переросли в уверенность.

«Когда придет время, ты сам все поймешь...»

— Да, время пришло, — хрипло сказал Роуэн. Обернувшись, Ланн обожгла его взглядом.

Норрис только хмыкнул.

— От Шебы я узнал, что с нами будет, — сказал Роуэн. — Но я не до конца понял смысл зловещего пророчества. А может, просто не решился вникнуть в истинное значение ужасных слов. Сейчас я, кажется, догадался, о чем шла речь в первых строках, но остальные...

Ланн, Норрис и Шаран, не говоря ни слова, смотрели на Роуэна. Мальчик вздохнул, глянул на огонь и стал читать:

Животные мудрые знают пути,
И следом за ними должны вы пойти.
Один будет грезить, другой — рыдать,
Третий — сражаться, четвертый — летать.
Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.
Но нет у вас к жизни другого пути —
Так просто от голода вам не уйти.
В ужаснейшем этом сражении, поверьте,
Найдете свой путь вы меж жизнью и смертью.

Он замолчал. Несколько минут в комнате стояла тишина — лишь потрескивали догорающие поленья. Наконец Ланн заговорила.

— «Чтоб стать добычей»? — хмуро переспросила она.

— Там говорится о животных... Имеются в виду снежные черви? — спросил Норрис.

Роуэн покачал головой:

— Нет, букшахи. За последние несколько недель они не раз ломали изгородь и уходили с пастбища, и все время я приводил их домой. Теперь я знаю, что нужно было отпустить умных животных на волю. Сегодня ночью сгорело сено. Букшахам больше нечего есть. И они ушли, показав путь, по которому мне надо идти вслед за ними.

Ланн недоверчиво посмотрела на Роуэна:

— В пророчестве говорится, что пойти должны четверо. Слышишь, четверо, а не ты один, но Бронден ранена, а я... Я очень слаба.

Было видно, что старухе не так легко признаваться в собственной слабости, но ни один мускул не дрогнул на ее лице — оно было будто высечено из камня.

Норрис приподнялся на стуле.

— Я пойду с Роуэном, — сказал он.

Ланн сжала губы.

— Ты не сможешь, — спустя какое-то время произнесла она.

— Нет, смогу, — возразил Норрис. Он обернулся к Роуэну — тот покачал головой, но Норрис настаивал на своем: — Даже и не думай, дружище, уйти втихаря. Я поползу следом. Что бы ни случилось, мы всегда будем вместе.

Роуэн услышал тихий голос Шаран:

— И я пойду с тобой.

— Нет! — крикнул Роуэн. — Норрис, скажи ей...

Но Норрис смотрел в сторону, не произнося ни слова.

Роуэн глянул на них и задумался. Как он мог им отказать?

— Успокойся, — сказала Ланн. — Ты, Норрис и Шаран — ведь вас только трое.

Роуэну вспомнилось злое пророчество Шебы. Видения поплыли перед глазами, подобно расписанным шелкам, что дрожали, раздуваемые ветром.

Вот трое бредут по снежной пустыне, а четвертый, невидимый, наблюдает за ними.

Трое прячутся в пещере, и снова тень четвертого где-то рядом.

Один будет грезить...

Мальчика била дрожь.

— Троих достаточно, — буркнул он.

— Откуда ты знаешь, что достаточно? — недоверчиво спросил Норрис.

Роуэн не знал, что ответить. Мысленно он проклинал себя за то, что проговорился.

«Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

Перед ним вновь возникло лицо Шебы. Он вспомнил ее злобную ухмылку и отвратительное хихиканье. Слюна собиралась в углах старухиног рта, когда она, склонившись над очагом, от которого исходил горьковато-терпкий запах, бормотала свои страшные заговоры. Жители деревни боялись Мудрейшей и не любили ее.

Нет, Роуэн не хочет быть таким, как эта отвратительная старуха. Да, он может предсказывать будущее, но пророческий дар, которым наградила его Шеба, подобен позорному клейму. Роуэн понимал, что провидческий дар придется скрывать, что никому не следует рассказывать о своих чудесных видениях. Если вдруг кто-нибудь узнает о них... Роуэн тут же представил себе, как в презрительной ухмылке исказится лицо Ланн. Нет, ни за что... Ведь даже его друзья Норрис и Шаран отвернутся от него, охваченные суеверным ужасом.

— Троих, — повторил Роуэн, — троих, должно быть, хватит.

— А как ты думаешь, куда пошли букшахи? — хрипло спросила Ланн.

Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.

Роуэн закусил губу.

— Я полагаю, к Горе, — ответил он наконец. — И нам следует отправиться туда же.

9. Сундук с резной крышкой

Сборы заняли не слишком много времени. Роуэн, Шаран и Норрис быстро упаковали одежду, еду, факелы, веревки и масло. Все уже было сложено, и оставалось только ждать рассвета. Роуэн понимал, что нет смысла пускаться в путь ночью, но все-таки беспокоился, ведь выпавший снег мог замести следы букшахов.

Ланн, дежурившая у постели Бронден (плотничиха так и не пришла в сознание), велела всем отправляться спать, но ее послушался только Норрис. С необыкновенной беззаботностью, которой так не хватало Роуэну, он лег и через минуту уже храпел.

Шаран отправилась в угол комнаты, туда, где была ее постель. Там Ланн не могла видеть девочку, и она, устроившись у подрамника, снова взялась за кисть.

Роуэн не мог заснуть. Он то и дело выбегал на улицу посмотреть, не замело ли следы букшахов. К счастью, ночью не было снегопада и следы животных оставались свежими.

Наконец стало светать. Когда Роуэн вышел за порог, он почувствовал, что с наступлением утра совсем не потеплело. На улице стоял лютый мороз, и по сравнению со вчерашним днем сильно похолодало.

Скрипнула дверь. Роуэн вздрогнул и обернулся. На пороге с фонарем в руке стояла старуха Ланн. Морщины на ее лице превратились в темные впадины — ночь, проведенная у постели Бронден, давала о себе знать.

— Вам скоро выходить, — сказала Ланн. Ее дыхание превращалось в пар. — Прежде чем вы уйдете, я хотела бы кое-что взять у себя дома. Я была бы рада, Роуэн, если бы ты мне помог.

Роуэн кивнул, и они вышли на улицу. У мальчика к горлу подступили слезы: он впервые задумался о том, что Ланн и Бронден в пустой деревне останутся одни. Калека и старуха... Почти без еды, почти без надежды на спасение.

— Как Бронден? — спросил он.

— Она так и не пошевелилась с тех пор, как мы внесли ее в дом, — грустно сказала Ланн. — Я дотронулась до нее — она совсем холодная. А ведь мы устроили ее у очага и завернули в одеяла. Сейчас с ней осталась Шаран.

— Ланн, я прошу у тебя прощения... — начал было Роуэн, но старуха, предостерегающе подняв руку, не дала ему договорить.

— Хранитель букшахов, ты делаешь то, что должен, — сказала она. — А мы с Бронден покоряемся воле судьбы. Больше здесь не о чем говорить.

Они подошли к дому, где до наступления холодов жила Ланн. Она ввела его внутрь. В доме пахло сандаловым деревом и выдубленной кожей. Мебели в комнатах почти не было.

Ланн оглядела кухню. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, но рука непроизвольно опустилась на спинку кресла, что стояло перед очагом.

Роуэн подумал: «Раньше она, наверное, в мире и спокойствии коротала здесь вечера, пока чудовищное бедствие не постигло наш край. Пока...»

— Ланн, Шеба проложила дорогу. Наши родные смогут дойти до побережья раньше, чем мы предполагали, — вдруг выпалил он. — Часть вернется — Джон мне обещал. Они спасут вас, принесут еды и масла...

— Они придут, в этом нет никакого сомнения, — отвечала Ланн. Глаза ее задумчиво скользили по стенам знакомой комнаты. — Но что они здесь найдут, когда вернутся...

Старуха покачала головой, сняла ладонь со спинки любимого кресла и двинулась в одну из дальних комнат — в прежние времена она, видимо, служила ей спальней. Роуэн шел следом за ней. Остановившись в дверях, Ланн указала посохом на железную кровать:

— Под кроватью — деревянный сундук. Выдвини его, пожалуйста.

Роуэн наклонился и стал вытаскивать сундук. Он оказался довольно тяжелым. Крышка была изукрашена богатой резьбой — об этом мальчик догадался, ощупав сундук руками. Роуэн подумал, что внутри, наверное, хранятся одеяла или шкуры букшахов.

Ланн посветила ему фонарем. Луч света упал на крышку, и Роуэн смог разглядеть причудливый узор из цветов, птиц и удивительных животных.

— Надо же, какая красота! — воскликнул Роуэн.

Спустя мгновение ему стало стыдно: можно было подумать — он так удивился потому, что столь дорогая вещь нашла приют в этом бедном доме.

Однако Ланн, казалось, вовсе не была обижена. Она глядела на резной сундук с не меньшим восхищением.

— Да, очень красивая вещь, — согласилась она. — Я давно его не доставала. Он тяжелый, поэтому вот уже много лет я не выдвигала и не разглядывала его. — Ланн наклонилась и потрогала резную крышку. — Хорошо, что он тебе нравится, ведь это работа Моргана, твоего деда. Это был его свадебный подарок.

Роуэн изумленно ахнул, а Ланн слабо улыбнулась.

— Да-да, — прошептала она, — ведь когда-то я была помолвлена с твоим дедом. — Старуха вздохнула. — Морган был красив. Твой отец был похож на него — жители Рина часто очень похожи на своих родителей. И когда Сефтон вырос и возмужал, я частенько смотрела на него и думала, что он мог быть моим сыном. Мог быть моим ребенком, если бы все сложилось чуть-чуть иначе.

Роуэн будто новыми глазами смотрел на старуху Ланн, ведь она говорила о его отце, который погиб, вытаскивая малыша Роуэна из пламени пожара.

Роуэн жил, зная тайные мысли своих односельчан: они думали, что лучше бы сгорел хилый мальчишка, чем всеми любимый богатырь Сефтон. И только сейчас Роуэн догадался об истинных чувствах Ланн: для старухи смерть сына Моргана была страшным ударом, но она не подавала виду.

Почему же сейчас Ланн решила заговорить с ним об этом?

— Все в деревне считали, что мы с Морганом будем прекрасной парой: мы вместе сражались против зиаков, — продолжала Ланн, глядя куда-то в сторону. — Но... — она поежилась, — свадьба не состоялась.

— Почему? — не подумав, выпалил Роуэн и сам удивился тому, что осмелился спросить об этом. Он думал, что Ланн тут же одернет его, но она не сделала этого.

— У Моргана был младший брат по имени Джоэль, — сказала Ланн, вглядываясь в причудливый узор на крышке сундука. Голос ее дрожал, и она с трудом находила нужные слова. — Джоэль был намного младше Моргана. Когда он родился, мать их была уже в годах. Джоэлю было всего десять лет, когда мы с Морганом решили пожениться. Родители братьев умерли, и о ребенке, кроме старшего брата, некому было позаботиться.

Руки Ланн, загрубевшие от тяжелой работы, задумчиво бродили по извивам замысловатой резьбы. Скрюченные пальцы касались раскинувших крылья птиц, прячущихся в густой траве ящериц, цветов, что сплетались в причудливый венок.

— Темноволосый Джоэль был слабым ребенком. Мечтатель, тихоня, он боялся

собственной тени. Не мог работать в поле, не мог сражаться с неприятелем. Дети смеялись над трусом, а взрослые презирали фантазера.

Кровь бросилась Роуэну в лицо. Ланн будто бы рассказывала о его собственном детстве. Ее тихий голос и потупленные глаза подтвердили его догадку: Ланн знала, что история Джоэля похожа на историю Роуэна.

— А Джоэль тоже был пастухом? — еле слышно спросил Роуэн.

— Да. Это было единственное, на что он был способен, — отвечала Ланн. — Ты же знаешь, что пастухами становятся либо малыши, либо самые слабые из жителей деревни. В прежние времена все было точно так же.

Помолчав, Ланн продолжила рассказ, но было видно, что каждое слово дается ей с огромным трудом.

— Я презирала Джоэля, — говорила она, — за то, что он был слабым и трусливым. Все то, за что его ценил Морган, — а он ценил доброту Джоэля и его любовь к животным, — все это для меня ничего не значило. С этим слюнтяем мне было стыдно выйти на улицу, но Морган ни за что не соглашался расстаться с братом. Он сказал мне, что пока Джоэль не подрастет, он будет жить вместе с ним. Из-за этого мы поссорились. Очень серьезно поссорились. Через несколько дней вся деревня знала о том, что между нами пробежала черная кошка. А потом все узнали о причине нашей размолвки — я и не скрывала, что мы поругались из-за Джоэля.

Ланн вздохнула. Ее пальцы задумчиво гладили крышку сундука. Она как будто надеялась, что этими прикосновениями, этим рассказом ей удастся смягчить в своем сердце горькие воспоминания.

— Я была молода, — продолжала она, — молода и зла. Да и ревнива к тому же. Я ревновала Моргана к младшему брату, которого он так любил. И случилось так, что мы все поплатились за мою глупость и гордость.

Роуэн молча вглядывался в морщинистое лицо старухи и не произносил ни слова. Ланн никогда не говорила о своих чувствах, никогда не рассказывала ему о себе. Насколько он знал, и с другими суровая староста была не слишком разговорчива.

— Что же произошло? — нехотя спросил Роуэн.

Эта грустная повесть производила на него тяжелое впечатление. Он понял, почему раньше никто не заводил с ним разговора о несчастном Джоэле. Роуэн уже не хотел слушать дальше — он догадался, чем закончилась эта печальная история.

— Джоэль погиб, — сухо сказала Ланн. — Бедняга боялся высоты, но дети дразнили его из-за нашей ссоры с Морганом, и он залез на дерево, но мальчишки не отставали. Они стали кидаться в него камнями. Джоэль лез все выше и выше и в конце концов сорвался. Может быть, в него попали камешком. Может быть, он просто оступился. А может, сам... прыгнул вниз.

Голос старухи дрогнул. Стало темнее, будто тени прошлых лет слетелись в комнату. Сердце Роуэна заныло, когда он подумал о слабом несчастном мальшке, которого затравили до смерти. А он...

— А он был таким же, как я, — пробормотал Роуэн.

Мысли его все время возвращались к прошлым временам. К тем минувшим столетиям, когда жители деревни были едины и смелые воины жили в дружбе с мечтательными художниками. Роуэн думал о тех далеких временах, когда его народ еще не был разделен на два колена жестокими зибакми — те отправили силачей в долину, а слабых оставили

томиться за морем.

«Когда Ланн смотрит на меня, она снова видит Джоэля. И снова вспоминает о том, что произошло тогда...» — пронеслось в его голове.

— Джоэль упал с того самого большого дерева, под которым мы пляшем в праздничные дни и под которым прощаемся с умершими, — прошептала Ланн. — И что за насмешка судьбы: вместе с бедняжкой Джоэлем я навсегда похоронила надежды на счастливую жизнь с Морганом.

Натруженные руки Ланн любовно поглаживали резную крышку сундука. Она глаз не сводила с диковинного орнамента.

— Той ночью ко мне пришел Морган и принес этот сундук, — еле слышно продолжала она. — Он сказал, что вырезал этот орнамент по рисунку Джоэля. Сундук должен был стать их общим подарком к нашей свадьбе. В ту ночь Морган ни единым словом не упрекнул меня и ничего больше не сказал, но я почувствовала, что мой жених переменялся ко мне, и решила разорвать помолвку.

Ланн выпрямилась и заглянула в глаза Роуэну:

— Прошли годы, и Морган женился на Эльзе, твоей бабушке. Я была рада, что он наконец-то нашел свое счастье. А может быть, просто убедила себя в том, что рада.

— А ты?.. — спросил Роуэн.

— А я так и не встретила того, кто бы мог сравниться с Морганом. Вот и осталась одна, — коротко ответила Ланн. К ней постепенно возвращалась ее всегдашняя резкость. — Все к лучшему, что и говорить. Я слишком себялюбива и вряд ли с кем-нибудь ужилась бы.

Роуэн потерянно молчал.

— Мне очень жаль, — пробормотал он.

— Брось. Все это уже быльем поросло, — отвечала Ланн. — Прошедшего не вернешь.

Они помолчали. Потом старуха повернулась к мальчику и сказала:

— Пожалуйста, открой сундук.

Металлическая защелка проржавела, но Роуэну все-таки удалось справиться с замком и откинуть тяжелую крышку. Сначала он почувствовал легкое разочарование: в сундуке лежали обыкновенные меховые накидки.

Ланн вздохнула и наклонилась над сундуком. Вытащив одну из накидок, она расправила ее, и Роуэн увидел, что это была вовсе не накидка, а длинный плащ с капюшоном. Плащ был сшит из цельной шкуры букшаха, шерстью наружу, а мягкой кожей внутрь.

Такие плащи он раньше видел только в книжках с картинками да на тех полотнищах, что висели в Книжном Доме.

И еще в том страшном сне поднимающиеся на Гору странники были одеты в точно такие же плащи с капюшонами.

— У меня есть четыре плаща, — сказала Ланн, — больше таких в деревне не осталось. В прежние времена в них ходили воины, но сейчас молодежь предпочитает кольчуги. Вон тот — мой, те два носили мои родители, а этот — Морган. Когда он умер, Эльза отдала его мне. Эти плащи многое повидали. И они согреют тебя и твоих спутников лучше всякой другой одежды.

Ланн достала еще три плаща, любовно расправила их и отдала Роуэну.

А мальчик не мог произнести ни слова. Какой-то странный шум стоял у него в ушах, но Ланн продолжала говорить, и Роуэн заставил себя прислушаться к ее словам.

— Хранитель букшахов, мы частенько ссорились с тобой, — говорила она. — Я

признаю, что порой была не права, как когда-то была не права перед Джоэлем. Знаю, иногда ты думал, что я слишком сурова. Но, оглядываясь на прожитые годы, я думаю: несмотря на то что мы с тобой такие разные, в чем-то важном мы все-таки сходимся.

Казалось, морщины на лбу Ланн разгладились, взгляд был устремлен вдаль.

— Я не притворяюсь, будто понимаю то... то, что возложено на тебя, — сухо сказала она, — потому что, если все обстоит именно так, как ты говоришь, это идет вразрез с моими представлениями о порядке вещей.

Ланн замолчала. Роуэн ждал, что она скажет еще. Старуха вздохнула. Было видно, что она пытается побороть какую-то тайную тревогу, терзающую ее душу.

— Я стара, и жизнь моя движется к закату, — наконец заговорила она. — Все, что я хотела сделать для своего народа, я уже сделала, но что касается тебя — тут дело обстоит иначе. Мне горько сознавать, что дряхлость мешает мне быть на твоём месте и встретить опасность лицом к лицу.

Роуэн знал, что на подобные признания не стоит отвечать словами благодарности и утешения. Лучше сказать правду.

— Ланн, даже будь ты сильна, как в былые годы, ты все равно не смогла бы пойти на Гору вместо меня, — резко выпалил он. — Ты могла бы, подобно Норрису и Шаран, идти следом за мной, но Шеба сказала, что только я один могу сделать то, что необходимо сделать.

Ланн недоверчиво хмыкнула.

— Значит, только ты? — переспросила она. — Только ты — тот, кто поднялся на Гору, встретился с Драконом и вернул жизнь Реке? Ты, который укрепил дружеские связи с водяным народом и бродниками? Только ты — тот самый, кто помог нам узнать о нашем прошлом и пережить атаку зибаков? Ты?!

Старуха отвернулась и прошептала:

— Почему мы должны расставаться с лучшими и храбрейшими?

Роуэна била нервная дрожь.

Здесь, в этом доме, где каждая вещь напоминала о прошлом старухи Ланн, в душу Роуэна закрался страх. До этого мальчик не боялся грядущего, стараясь не обращать внимания на тревожные предчувствия и зловещие предзнаменования, но сейчас...

Сердце билось как сумасшедшее. Бежать отсюда!..

Как просто можно было бы положить конец всему этому. Отшвырнуть плащи, кинуться в пекарню, схватить уже собранный мешок и бежать... по той самой тропе, которую проложила Шеба, через поля и холмы, все дальше и дальше...

И на следующий день он будет уже далеко. Идти придется долго, путь будет труден, но в конце концов он придет к побережью. Пусть даже жители Рина отвернутся от него. Пусть с отвращением прогонят изменника. Он будет жить вместе с бродниками или водяными людьми. И там, на побережье, начнется для него новая жизнь. Ему удастся избежать опасности...

Роуэн почувствовал, что медальон, висевший у него на груди, задрожал. Он дернул за шнурок, чтобы сорвать его с себя, но, как только его пальцы прикоснулись к тепловому металлу, он вновь услышал голос Шебы. Слова страшного пророчества зазвучали в сердце Роуэна. И в ту же секунду его глаза стали различать контуры грядущего.

Он увидел деревушку, оцепеневшую в снежном безмолвии. По ее заснеженным улицам

ползают снежные черви и хозяйничают в садах. Над Рином нависла огромная Запретная Гора, в ее дыхании — холод и смерть. Солнце больше не согревает долину, с каждым днем в ней становится все холоднее. Равнина, где недавно еще кочевали бродники, превратилась в снежную пустыню. Море, омывающее побережье, где обитает племя водяных людей, сковали льды.

Роуэн понял, что именно так все и будет. Земля превратится в снежную пустыню, если он сейчас струсит.

— Роуэн?.. — донесся еле слышный голос Хранителя Кристалла.

Видение, посетившее Роуэна, явилось и ему. Там, в своей пещере, в далекой земле водяного народа, Хранитель тоже увидел заснеженную равнину и скованное льдами море.

— Роуэн! Роуэн! — окликнули его где-то рядом.

Мальчик почувствовал, как на его плечо опустилась чья-то рука. Он пришел в себя и увидел старуху Ланн. Она с недоумением смотрела на него.

«Интересно, сколько времени я пробыл в забытьи, вглядываясь в то, чего ей не дано увидеть, и прислушиваясь к тому, чего ей не дано услышать?» — подумал Роуэн.

Страхам больше не было места в его душе, и ушло желание бежать — остался лишь горький осадок стыда.

— Пора возвращаться, — сказала Ланн, — вам скоро уходить.

10. «Все четверо...»

Роуэн, Шаран и Норрис ушли из деревни на рассвете, когда рев Дракона возвестил начало нового дня. Темной лентой убегала вперед протоптанная букшагами тропа. Вдоль русла замерзшей Реки, через рощу, она вела к Горе и там терялась среди деревьев, что росли у подножия ледяной великанши.

Роуэн и его спутники надели старинные плащи из шкур букшахов. Старуха Ланн не обманула: плащи были действительно очень теплыми и удобными, несмотря на то что Роуэну и Шаран они были явно длинноваты. Ланн пришлось немного укоротить их, иначе ребята спотыкались бы на каждом шагу.

Норрис взял меч, который ему вручила Ланн, и посох, чтобы опираться на него в пути, — ведь он все еще хромал. Шаран несла шкатулку с шелками — девочка наотрез отказалась оставить ее в деревне.

— Я — хранительница шелков, — упрямо повторяла она, когда Норрис и Ланн пытались отговорить ее от этой бредовой затеи, — и знаю, что ни при каких обстоятельствах не должна расставаться с картинами.

Выйдя из деревни, Роуэн и его спутники миновали безмолвную мельницу, огромное колесо которой вмерзло в застывшую Реку. Они шли все вперед и вперед, изредка присаживались отдохнуть, но почти не разговаривали. Роуэн знал, что солнце, должно быть, уже высоко, но его лучи не могли пробить пелену густого тумана. Снежная дымка заволокла окрестности. Было очень холодно.

Когда путники подходили к Горе, деревьев стало больше, тропа сузилась, и было видно, что букшам пришлось петлять между кустами.

Вокруг высились огромные ели, напоминающие суровых стражей. Под тяжестью снега их лапы гнулись к земле. От морозного воздуха саднило горло. А впереди белела злая Гора.

Роуэн брел вперед, глядя под ноги и стараясь ни о чем не думать. Теплый металл медальона согревал, и, сам того не желая, он вдруг сжал его в руке.

«Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

Вдруг до его слуха донеслось тихое журчание. Роуэн поднял голову — в просвете между деревьями он увидел трех странников в плащах из шкур букшахов. Они наклонились набрать воды из родника, бившего из отвесной скалы у подножия Горы. Вот один выпрямился, принялся отвинчивать крышку старой фляги и вдруг обернулся. Лицо его стало сосредоточенным — он смотрел прямо на Роуэна.

Опять это лицо! Роуэн будто гляделся в зеркало, но в темных глазах его двойника таилась тревога, они будто что-то высматривали, будто кого-то искали...

— Поглядите, вон там начинается Река, — послышался голос Норриса.

Роуэн зажмурился, а когда снова открыл глаза, призрачные фигуры уже исчезли. Теперь он видел только утес. Из него бил родник, впадающий в озерцо, которое лишь наполовину было затянато льдом.

Норрис отстегнул флягу и нагнулся зачерпнуть воды. Роуэн подошел к утесу, но остался стоять в стороне, в то время как Шаран тоже склонилась к воде, чтобы наполнить свою маленькую фляжку.

— Роуэн, что с тобой? — спросил Норрис, поглядев на друга. — Ты будто привидение увидел.

Роуэн подумал: «Что из того, что сейчас я не сдвинулся с места и не подойду к воде? Это будет глупо — я просто попытаюсь себе доказать, что посещающие меня видения не имеют никакого отношения к будущему, но что толку спорить с неизбежным?»

Роуэн шагнул к роднику, отвинтил крышку старой фляги, наклонился и набрал воды. Потом выпрямился и, сам того не желая, оглянулся на то место, где стоял всего несколько минут назад. Конечно, он никого не увидел — только лапы укрытых снегом елей, кружащийся снег да их собственные следы, что вели к деревне.

Вдруг краем глаза над верхушками деревьев Роуэн увидел ярко-желтое пятно. Оно приближалось к путникам, все четче выделяясь на фоне мрачного темно-серого неба. Вскрикнув, Роуэн выхватил нож и вскочил на ноги.

— Что это?! — в ужасе воскликнула Шаран.

Но ярко-желтое пятно уже было почти прямо над ними. Вдруг оно замедлило свой полет и стало резко снижаться. Роуэн ахнул, разглядев тоненькую фигурку в плаще из шкуры букшаха.

Он узнал Зеел.

В немом изумлении Роуэн глядел на девушку, на ярко-желтого воздушного змея, волочившегося за ней по снегу. Он слышал радостные крики Шаран и Норриса, но сам не мог произнести ни слова.

— Роуэн, ты не ждал меня? — смеясь, спросила Зеел. Она сложила шелкового змея и перекинула его за спину. — Ты разинул рот, как рыбка, которая водится в стране водяного народа! Но если серьезно, ты знал, что я прилечу?

Роуэн наконец нашел в себе силы ответить.

— Нет, — прошептал он. — Мне такое даже не снилось. Почему ты здесь? Как ты узнала где мы?

Зеел подошла к Роуэну и сжала в своих ладонях его руку.

— Бродники кочевали по земле водяных людей, — начала объяснять она. — На рассвете Хранитель Кристалла призвал Огдена в свою пещеру и рассказал ему о видении, которое явилось вам обоим. Огден быстро вернулся в лагерь, рассказал обо всем мне, и я тут же отправилась в путь.

«...Четвертый — летать» — эти слова снова зазвучали в душе Роуэна, а ведь сперва он думал, что эта строка сулит ему, Шаран и Норрису шанс каким-то образом избежать опасности. Однако Роуэн ошибся, как ошибался и тогда, когда думал, что он сам, переносющийся в своих сновидениях в будущее, и есть тот четвертый, о котором шла речь в пророчестве Шебы.

Но вот он — четвертый, о котором говорила колдунья: сильная высокая Зеел, старый друг Роуэна. И именно ей, приемной дочери Огдена, суждено стать четвертой в их обреченной на гибель команде.

«Почему мы должны расставаться с лучшими и храбрейшими?» Роуэн помнил печаль старой Ланн, когда она задавала судьбе этот бессмысленный вопрос.

Он почувствовал, как Зеел сжала его руку в своей.

— Пролетая над долиной, я видела черную дорогу и ринцев, идущих к побережью, — сказала девушка. — Я приземлилась в деревне, но не нашла там никого, кроме старой вояки Ланн и погруженной в оцепенение Бронден. От Ланн я узнала, что ты с Норрисом и Шаран по оставленному букшахами следу отправился к Горе. Роуэн! Почему, уходя, ты не позвал

меня с собой?

— Потому... потому что наш путь будет полон опасностей, — начал Роуэн.

— Я знаю! — воскликнула Зеел. — Именно потому я здесь.

В разговор вмешался Норрис.

— А я всегда думал, что для бродников наши зимы слишком холодны! — воскликнул он. — И я слышал, что вашему народу запрещено подниматься на Гору.

Норрис давно знал эту девушку — еще с тех пор, как Роуэну, хлебопеку Аллуну и Зеел удалось пробраться в столицу зибак и освободить его, Аннад и Шаран. Мужественная Зеел восхищала Норриса.

— Все это правда, — отвечала Зеел, улыбаясь и сверкая белоснежными зубами. — Но, Норрис, разве ты забыл? По рождению я не принадлежу к племени бродников. В моих жилах течет кровь зибак. Я — найденщ, выброшенный волной на прибрежный песок. Огден нашел меня и удочерил. Я могу делать то, что запрещено другим бродникам. Если нужно, могу подняться на Гору. Мне нипочем жестокие морозы, хотя... — Зеел поежилась, — так холодно мне еще никогда не бывало. Хорошо, что Ланн дала мне этот теплый плащ с капюшоном.

Зеел задумчиво погладила мех букшаха:

— А Ланн изменилась. В былые времена она бы ни за что не позволила кому-нибудь из бродников (я уж молчу о зибак!) надеть плащ, принадлежавший жителю Рина, но сейчас она мне его безропотно отдала, прибавив, что он как раз для меня.

— Это из-за пророчества Шебы, где говорится о четверых, которым суждено последовать за букшахами, — пробормотал Роуэн. — Но знаешь, Зеел, там ведь еще говорится о том, что мы станем добычей огня и льда.

Зеел кивнула, но улыбка ее погасла.

— Знаю, — сказала она. — Хранителю явилось то же видение, что и тебе, и о пророчестве он тоже знает. Я, как только услышала ужасные слова, сразу же поняла, что мне суждено разделить вашу участь. С тобой я хоть на край света пойду.

— Нет! — простонал Роуэн.

Зеел воскликнула с горячностью:

— Роуэн, наша земля в опасности! Почему ты думаешь, что только жители Рина должны стать жертвой Горы, если та жаждет мщения? Я добровольно последовала за тобой, Хранитель Кристалла и Огден благословили меня на этот шаг. Воздушный змей помог мне быстро добраться до вас. Я — представитель водяного народа и племени бродников и рада тому, что могу принять участие в этом походе.

Светло-голубые глаза Зеел встретились с испуганным взглядом Шаран. Девушка обернулась к Норрису, а затем снова посмотрела на Роуэна.

— Мы — части единого целого, — сказала она, — и каждый из нас должен выполнить то, что ему предназначено судьбой. Каждый незаменим. Пока неизвестно, что кому предстоит сделать, но скоро все выяснится. И пусть свершится то, чему суждено свершиться.

Следы букшахов вели вдоль подножия Горы. Путники миновали неприступные утесы восточной оконечности ледяной великанши и двинулись к ее южным склонам. Однако спустя некоторое время следы вновь повернули, и на этот раз — вверх.

Путники остановились, и их окружило ледяное безмолвие. Ни ветерка, ни шороха. Справа нависла неприступная громада Горы — она будто ждала, что будет дальше.

— Ну ладно, — сказал Норрис, потирая руки, — сейчас посмотрим, кто на что способен!

Роуэн удивленно поглядел на друга. В глазах отважного Норриса не было страха. Гордо откинута назад голова, широкие плечи, прямая осанка. На губах — радостная улыбка.

«Так, наверное, в прежние годы выглядела старуха Ланн, когда готовилась к схватке с зибакками, — подумал Роуэн. — Бесстрашный и сильный Норрис — гордость Рина».

За спиной у Роуэна послышался шорох. Сзади стояла Шаран. Она глядела на неприступную Гору со страхом, дрожащими руками прижимая к груди шкатулку с шелками.

Роуэн подумал о полных жизни и трепещущего света ярких картинах Шаран. Она была продолжателем дела предков — создательницей прекрасных полотен, исполненных правды и невыразимой прелести.

«Конечно, — подумал он, — ведь Шаран тоже дочь своего народа. Она — плоть от плоти Рина. Не того Рина, каков он сейчас, но Рина прежних веков — земли счастливого племени, еще не испытавшего ига зибакков, где художники жили вместе с воинами, а нежность и красота ценились так же высоко, как смелость и отвага».

Вдруг разрозненные мысли, как кусочки мозаики, сложились в единую картину. Внезапно Роуэн все понял.

Нас четверо... Мы — части единого целого...

Шаран и Норрис — живое свидетельство прошлого народа Рина, живое доказательство правдивости той истории, о которой рассказывают шелка.

Роуэн привел их в долину Рина.

А Зеел помогла ему сделать это.

«Гора разгневалась и наказывает нас».

У Роуэн от ужаса подкосились ноги.

Узкая тропа, проложенная букшахами, извивалась между утесами. Роуэн шел впереди, за ним — Норрис и Шаран, а позади — Зеел.

Путь был труден для всех, но особенно для Норриса, ведь у него сильно болела нога. Шаран тоже очень устала, но ни брат, ни сестра не просили об отдыхе. Начинало смеркаться, и все понимали, что до наступления темноты нужно выбраться из скалистого ущелья.

Скалы, окружавшие их со всех сторон, становились все выше и выше, огромные утесы закрывали собой небо. Тропа превратилась в еле заметную узкую стежку, петляющую меж черных скал. На утесах, что высились, как отвесные стены, Роуэн заметил длинные царапины. Он догадался, что это следы от рогов букшахов: для огромных животных тропка была слишком узкой.

Сердце Роуэна учащенно забилося — ему показалось, что вдруг задрожал волшебный медальон.

— Не нравится мне это место, — мрачно сказала Зеел. — Мы тут как в западне. Если кто-нибудь выскочит нам наперерез, и бежать будет некуда.

Норрис с ней согласился. До Роуэна голоса друзей доносились будто издалека. Тропа резко свернула, и внимание его поглотило странное зрелище — Роуэн знал, что никто, кроме него, этого видеть не мог. Впереди, совсем недалеко от них, огромные скалы образовали высокую арку. Из арки лился голубоватый свет. А там, за аркой, кто-то был, кто-то двигался.

Роуэн пригляделся и смог различить темную фигуру в тяжелом плаще, развевающемся

на ветру, за ним вторую, третью, четвертую. Странники в длинных плащах куда-то спешили, объятые голубоватым светом. Они шли быстро, один за другим, почти бежали...

Они боялись. Роуэн явственно ощущал это. Их страх стал его собственным страхом.

«Торопитесь! Не отставайте друг от друга! И не смотрите...»

Мурашки побежали у него по коже, но через несколько секунд фигуры странников уже растаяли в воздухе.

Роуэн прислонился к скале. Колени его дрожали. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Он отчетливо видел, что неприступные утесы и правда образовали высокую арку — оттуда и впрямь лился голубоватый свет. Роуэн услышал удивленные возгласы друзей: Зеел, Норрис и Шаран поравнялись с ним и тоже увидели волшебное сияние, но Роуэн не мог вымолвить ни слова.

Ему было ясно, что за высокими скалистыми сводами таилось что-то ужасное. Чтобы унять дрожь, Роуэн схватился за выступ в скале.

— Что это?! — воскликнула Шаран. — Что это за место? Что нам делать?

Роуэн внезапно ощутил жар, исходящий от медальона. Он дернулся от жгучей боли и попытался вытащить медальон из-под рубашки, но оторвать его от кожи ему не удалось. Металл становился все горячее, и чем яростнее Роуэн тянул за шнурок, тем сильнее впечатывался в его тело раскаленный медальон.

Роуэн сжал руками горло, закричал и упал на снег. Норрис, Шаран и Зеел кинулись к нему, но что они могли сделать, что? Раскаленный кусочек металла, висевший у него на шее, проник в его плоть — все тело горело, кости плавилась, а горло будто наполнилось пылающими углями. Роуэн задыхался, бился... Он хотел было снова закричать, но ни звука не вырвалось из искаженного судорогой рта.

Вместо крика из его горла вырывались пламя, дым и пылающие угли. Извиваясь в смертной муке, он вдруг понял, что это не угли, нет... это ужасные слова. Роуэн услышал скрипучий голос, читающий стихотворение, но не сразу осознал, что это стихотворение читает он сам.

В этой пещере мудрый — слепой,
Главное — справиться с головой!
Вода из источника — вот что спасет,
Ведь ненависть в чистой душе не живет.

Едва последнее слово сорвалось с его помертвевших губ, Роуэн закрыл глаза. Больше он ничего не помнил.

11. «В этой пещере мудрый — слепой...»

Роуэна мутило, голова шла кругом, в ушах звенело. Он чувствовал — чьи-то нежные руки касались его лица, слышал голоса друзей, но не мог открыть глаза. «Уснуть, — думал он, — и спать беспробудным сном, больше мне ничего не нужно».

— Очнись, Роуэн! — послышался голос Зеел. Она тормозила его, заставляя прийти в себя. — Мы больше не можем здесь оставаться.

— Его заколдовали! — сказал Норрис. — Это не его слова и не его голос...

— Открой глаза, Роуэн, — прошептала Шаран, склонившись к его лицу. — Вспомни, ты нужен букшам. Мы должны идти за ними. Разве ты забыл?

Букшахи...

Роуэн тут же все вспомнил. Друзья помогли ему подняться на ноги. Он огляделся. Дотронулся до груди, которая все еще помнила палящий жар раскаленного металла. Медальон по-прежнему висел на шнурке, но, к своему удивлению, Роуэн не обнаружил ожогов.

— Что это было? — спросил Норрис, потрясенный тем, что ему довелось увидеть и услышать. — Роуэн, ты бредил, произносил какие-то бессмысленные слова, закатывал глаза...

Норрис содрогнулся при одном воспоминании о том, что только что происходило с его другом.

— Медальон... — с трудом проговорил Роуэн. Он откашлялся и продолжил: — Шаран задала вопрос, и волшебный медальон подсказал, что ответить. Нет, не могу объяснить...

— Ладно, и не пытайся, — оборвала его Зеел. — Нас предупредили об опасности и дали хороший совет. Там, под аркой, — западня, но мы знаем, что делать и как не попасть в ловушку. А это все, что нам нужно сейчас знать. Поторопитесь, пора идти дальше. Сгущаются сумерки.

Роуэн кивнул, соглашаясь с Зеел, и, не говоря больше ни слова, заковылял вперед, туда, где мерцал голубоватый свет. Шаран двинулась следом. За ней — Норрис. Он постоянно оборачивался к Зеел, ища в лице мужественной девушки ответы на терзавшие его вопросы. Наконец он отважился спросить ее прямо:

— Ты говоришь, будто теперь мы знаем, что делать, но мы же так ничего и не выяснили!

— Норрис, ты что, не слышал? — раздраженно откликнулась Зеел. — В стихотворении сказано, что тот, кто слеп, — мудр. Это значит, что то, чего мы не видим, не может нам навредить.

— Что? — переспросил Норрис. — По-твоему, мы должны идти зажмурившись по незнакомой дороге?

— Нет, если мы закроем глаза, то не сможем идти вперед, — не оборачиваясь, ответил Роуэн. — Но нам нельзя смотреть по сторонам и оглядываться. Как только мы войдем под арку, нужно опустить голову и быстро идти по тропе букшахов.

Он говорил, а перед его глазами снова проплывали картины зловещего сновидения: спешащие вперед испуганные странники в длинных плащах...

Он вздрогнул, вспомнив их ужас, эхом отдававшийся в его собственном сердце.

«Торопитесь! Не отставайте друг от друга! И не смотрите...»

Подойдя к арке, Роуэн остановился и прислонился к скале. Синеватый туман окутал его.

Теперь он знал, откуда исходит свет, сияющий из арки: впереди словно лес стояли витые ледяные колонны, похожие на огромные сосны.

Снега в волшебной долине не было. Хотя вряд ли это можно было назвать долиной — скорее то была огромная пещера или проложенный в Горе тоннель.

— Мне кажется, только осел пойдет через это гиблое место, не глядя по сторонам. А при чем тут голова, о которой говорится во второй строчке, вообще непонятно, — сказал Норрис. — Кто знает, может быть, все эти пророчества — ложь.

— Неправда! — Зеел покраснела от гнева. — Сам ты осел, если так думаешь. И про голову понятно — просто ее надо опустить. Роуэн ведь только что говорил об этом.

Норрис побагровел от обиды.

— Может, я и осел, — расправив плечи, сказал он. — Дедушка вот тоже все время говорил, что я балбес, потому что у меня нет музыкального слуха и я не умею рисовать. Но зато я умею драться. В стране зибакров я несколько раз спасал деду жизнь, потому что был осторожен, бдителен и всегда готов к бою — в отличие от него и сестры.

— Да, это так, — прошептала Шаран. — Если бы не Норрис, мы бы пропали.

Зеел переступила с ноги на ногу.

— Прости, Норрис, — смущенно пробормотала она, — я сказала не подумав. Ты прав. Действительно, здесь все время нужно быть настороже. Но послушай, пророчествам Мудрейшей стоит верить. Мы с Роуэном уже не раз имели с ними дело.

— Хорошо. — Норрис кивнул, встретившись глазами с Зеел. — Но если нельзя смотреть по сторонам, давайте хотя бы держаться друг за дружку.

— Это разумно, — согласилась Зеел и положила руку на плечо Норрису.

Тот зарделся от удовольствия и положил руку на плечо Шаран, а та в свою очередь — на плечо Роуэну.

— Склоните головы, — послышался его приказ.

Зеел что-то недовольно буркнула.

Роуэн глубоко вздохнул и ступил под каменные своды арки. Его спутники двинулись следом за ним.

Голубоватый свет окутал путников, и в их душах зашевелился страх. Подобно каплям холодной воды, ужас, леденящий кровь, стал просачиваться в сердце Роуэна. Ему чудилось, что в этой пещере они не одни, что кто-то страшный и исполненный ненависти подстерегает их здесь.

Роуэн почувствовал, что ладошка Шаран, лежавшая у него на плече, вдруг задрожала, — девочка тоже испугалась.

— Не гляди назад, — шепнул он ей.

Несмотря на строгий приказ, отданный им самим, Роуэна одолевало желание поднять глаза и осмотреться по сторонам.

Краем глаза он видел витые ледяные колонны, отбрасывающие голубоватые тени. С трудом удавалось найти следы букшахов — на мерзлой земле отпечатки копыт были почти не видны. То и дело приходилось останавливаться, чтобы не сбиться с пути.

Вдруг узкая тропка пропала, и Роуэн не знал, в какую сторону повернуть, — впереди высился мощный ледяной столб.

Он помертвел от ужаса, остановился и стал смотреть под ноги, пытаясь отыскать утерянный след. На лбу его выступили мелкие бисеринки пота. Вдруг в его груди будто что-то оборвалось — он подумал о том, что, не найдя выхода из волшебной пещеры, они

затеряются в ледяном лабиринте и останутся здесь навсегда.

Шаран прижалась к его плечу, Норрис и Зеел напирали сзади.

— Я потерял дорогу! — крикнул Роуэн. — Подождите, я сейчас...

Но, услышав недовольное ворчание Норриса и Зеел, Роуэн разозлился. «Неужели они не понимают, как тяжело идти первым! — подумал он. — Если Норрис с Зеел такие умные, пусть сами ищут дорогу».

— Я делаю все, что в моих силах! — крикнул он. — Потерпите!

Сзади раздались гневные выкрики, послышался истошный вопль, и вдруг Шаран — ее, видно, сильно толкнули — упала на землю. Роуэн сам еле устоял на ногах, так сильно его дернули за полу плаща. Он догадался, что Шаран нарушила запрет и обернулась. Из горла Роуэна вырвался горестный стон.

Шаран громко плакала и звала его на помощь.

В этой долине мудрый — слепой...

Слова предостережения звучали в его ушах, но он их не послушался — резко обернувшись, он схватил плачущую Шаран и закрыл ее собой.

Теперь Роуэн был уверен, что они — в западне. Там, где огромные витые колонны подпирали каменные своды, по земле катались двое, ожесточенно колотя друг друга кулаками. Они бились не на жизнь, а на смерть. Дерущихся окутывала голубоватая снежная дымка, и Роуэн не мог разглядеть, кто это был — Зеел или Норрис — и кто был напавший. Он видел лишь блеск обнаженного кинжала да капли крови на снегу.

Бросив на землю мешок и нащупав на поясе нож, Роуэн ринулся на помощь. Вдруг один из дерущихся отшвырнул другого прочь, вскочил на ноги и кинулся на него.

Роуэн попятился. Перед ним, злобно ощерившись, стояла стражница из рода зибаксов. Ее ладони были в крови, а отличительный знак всех зибаксов — черная полоса на лбу — придавал лицу особо свирепое выражение.

Стражница подняла над головой кинжал и ринулась на Роуэна. Схватив ее за руку, в которой она сжимала свое смертоносное оружие, он сумел отвести удар, но стражница всем телом навалилась на Роуэна и прижала его к витой колонне. Под тяжестью их тел колонна пошатнулась, упала и разбилась на тысячи ледяных осколков. Нож выскользнул из рук Роуэна и отлетел в сторону.

Они покатались по усыпанным блестящими ледышками камням. Роуэн чувствовал жаркое дыхание стражницы и каждой клеточкой своего тела ощущал ее ненависть.

Снова сверкнуло лезвие кинжала, и снова Роуэн успел отвести удар, но секунду спустя окровавленное острие было приставлено к его груди. Руки у Роуэна были мускулистые — годы, проведенные в полях с букшами, не прошли для него даром, — но он чувствовал, что силы оставляют его, а пальцы начинают дрожать. Сколько еще он сможет продержаться? Сколько?..

За спиной у Роуэна послышался плач. Это плакала Шаран. Она громко звала Зеел, но та почему-то не отвечала. Почему? Почему она не помогала ему сражаться со стражницей?

Внезапно словно яркая вспышка озарила сознание Роуэна. Он понял все: Зеел не придет, она мертва. Погиб и Норрис, в этом нет никакого сомнения, ведь он шел последним. Кровожадная стражница убила их обоих.

Это был коварный план зибакров: они решили расправиться со всеми четырьмя в то время, когда те не оглядываясь будут идти сквозь мглу и туман. Они хотели, чтобы Роуэн и его спутники никогда не достигли цели.

Но зачем им это нужно? «Понятно зачем, — ответил он сам себе, — зибакри желают гибели той земли, которую им не удалось покорить, чтобы те, кто осмелился противостоять их натиску, все до единого умерли».

Ярость охватила Роуэна. Его пальцы сжали запястья врага, и он — сам не подозревая, что способен на это, — принялся бить стражницу об острый край расколотой ледяной колонны.

Стражница закричала от боли. Из ее израненных пальцев выпал кинжал. Роуэн схватил оружие врага и...

До его слуха вдруг донесся странный шум.

Он поднял голову и увидел, как прямо перед ним из земли вырастает что-то темное и ужасное. Роуэн присмотрелся и узнал неказистое деревце со скрюченными кряжистыми ветвями. Эти ветви, на которых пламенели жирные листья, тянулись к нему, в то время как страшные белые корни подползали к ногам.

Роуэн задрожал от страха. Это было ужасное дерево Унрина, жаждущее теплой крови. Такие деревья много лет назад погубили жителей Золотой долины.

Два года назад Роуэн и Зеел бились с этими чудовищами и только чудом не погибли. Гора была родиной этих деревьев, вот почему эта тварь и выросла здесь. Мерзкое растение протягивало к жертве свои алчущие корни.

Роуэна передернуло от отвращения. Он попятился, стараясь не наступать на отвратительные белые корни, которые, как голодные змеи, подбирались к нему все ближе и ближе, стараясь ухватить за ногу.

Роуэн путался в полах длинного плаща, спотыкался и чуть не падал. Он слышал плач и крики Шаран, но вдруг в душе его все перевернулось: Роуэн увидел, что девочка бежит к нему на помощь.

— Нет, Шаран! Не подходи! — что было сил закричал Роуэн.

Обрывки мыслей проносились в его голове: «А ведь та, из рода зибакров, должно быть, уже встала на ноги и ищет своего обидчика. У нее больше нет кинжала, но она такая сильная — она расправится со мной и голыми руками. Стражница сделает все возможное, чтобы нас уничтожить: сломает тоненькую шейку Шаран, вонзит мне в грудь кинжал... она убьет нас обоих...»

Но... в сердце Роуэна вдруг появилась надежда. Дерево Унрина! Ведь стражница не знает, как оно опасно. Вот если бы ужасным корням удалось поймать ее!..

Роуэн опасливо огляделся и замер от страха: прямо над собой он увидел белое тело гигантского червя и широко разинутую пасть с огромными зубами, напоминающими осколки голубоватого льда...

12. Слезы Шаран

Подняв над головой кинжал, Роуэн кинулся на снежного червя. Он был уверен, что его ждет неминуемая смерть, и в душе его больше не было ни горечи, ни страха. Все чувства вытеснила жгучая ненависть. «Если мне суждено умереть, — думал он, — то прежде я постараюсь уничтожить как можно больше врагов!»

Краем глаза Роуэн увидел, как на мерзлой земле корчится стражница. Ее лодыжку будто сжали железные тиски — это вокруг нее обвились ползучие корни дерева Унрина.

«Пусть только начнут сражаться, — пронеслось в голове у Роуэна. — В битве я убью их всех, одного за другим».

Снежный червь разинул свою ужасную пасть. Огромные зубы чудовища были похожи на осколки льда, а из-под чешуи сочилась какая-то мерзкая жидкость. Роуэна передернуло. Гадина зашипела и наклонилась к нему...

Роуэн сжал в руке кинжал и уже приготовился ударить, но вдруг... вдруг он почувствовал, как что-то теплое капнуло ему на лицо.

И в ту же секунду червь свернулся, сморщился и растаял в тумане. Там, где только что извивалось чешуйчатое туловище, стояла рыдающая Шаран — она наклонилась к Роуэну, по ее лицу текли слезы, а дрожащие пальцы сжимали драгоценную шкатулку со свитками.

Роуэн выронил кинжал — он глядел на девочку, ничего не понимая, но тут за спиной у Шаран появилось перекошенное лицо стражницы, сжимающей в кулаке кусок льда, острый, как лезвие ножа.

— Берегись! — закричал Роуэн, схватил за руку Шаран и оттолкнул от себя.

Смертоносное оружие не задело ее — оно лишь скользнуло по волосам девочки, а свирепая стражница оступилась и упала.

И только сейчас Роуэн узнал ту, которую чуть не убил. Зеел!.. Роуэн зажмурился — он не мог поверить своим глазам, но нет, ошибки быть не могло. Это Зеел! А ведь все это время он принимал ее за врага.

Девушка пыталась встать, кровь сочилась из ее израненных пальцев, но другой рукой она шарила по земле, пытаясь найти хоть что-то, чем можно ударить.

Удивление, ужас и радость оттого, что его подруга не погибла, переполняли сердце Роуэна. Но вдруг он заметил, что пальцы Зеел нащупали упавший кинжал — он был засыпан ледяными осколками разбитой колонны. Зеел схватила его, вскочила на ноги и грозно посмотрела на Роуэна. Лицо ее исказила гримаса гнева и отвращения.

— Умри, ишкин! — свистящим шепотом проговорила она и кинулась на мальчика.

— Зеел, не надо! — простонал Роуэн.

Он попятился, сумев уклониться от смертоносного удара, и вдруг его словно осенило — он понял все:

Главное — справиться с головой!

Роуэн проклинал себя за недогадливость — ведь он даже не попытался вдуматься в слова пророчества!

«Глупец! — бранил он себя, — Речь же шла не о том, чтобы просто наклонить голову, а о том, что у нас в голове! А что у нас в голове? Да конечно же! Как я мог не догадаться!

Именно человеческий мозг в этой пещере и становится той ловушкой, в которую попадают простаки. Мы видим перед собой призраков, созданных нашим воображением. Зеел меня не видит. Она смотрит мне в глаза, но видит ишкина — страшное чудище, которое водится в стране зибак. Да и сам я принял Шаран за огромного снежного червя. Вместо друзей мы видим врагов — тех, кого боимся и ненавидим...»

Роуэн посмотрел на свою ногу, которую, как ему казалось, обвивали кровожадные корни дерева Урина. Нет, это были всего лишь руки Норриса. Он лежал лицом в снег, мертвой хваткой сжимая ногу Роуэна.

Шаран вскрикнула. Роуэн поднял глаза и увидел, что Зеел снова изготавилась к схватке. Маленькая Шаран кинулась к нему — она хотела защитить Роуэна, заслонить его собой.

В следующую секунду на нее обрушился страшный удар: Зеел целила в сердце Роуэну, но Шаран будто щитом закрылась деревянной шкатулкой, и удар пришелся по ней. Доски треснули, драгоценные шелка посыпались на землю. Падая, они разворачивались...

От ужаса Шаран застыла, и тут к ней подскочила Зеел.

— Хотел скормить меня ишкину, негодяй? — свистящим шепотом спрашивала она, колотя бедную девочку. — Хотел, чтобы меня и моих друзей утащили под землю? Чтобы ишкин пооткусывал нам головы? Хорошо же. Я умру, но и ты погибнешь! — Обагранные кровью руки Зеел сомкнулись на горле Шаран.

— Не надо, Зеел, отпусти! — плакала Шаран, пытаясь вырваться из ее хватки.

Роуэн кинулся ей на помощь, хотел оттащить Зеел, но у него ничего не вышло.

Увидев, что обезумевшая девушка вот-вот задушит Шаран, он помертвел от страха, не зная, что и делать. Рядом лежал кинжал, но разве мог он обратить оружие против своего старого друга Зеел?

— За что она меня? — задыхаясь, прохрипела Шаран.

— Она думает, что ты — стражник зибак. Я тоже сперва принял ее за врага, но потом...

Вдруг Роуэн замолчал.

Что потом? Что разрушило колдовские чары пещеры? Почему наваждение вдруг отступило? Что произошло с ним в этот момент?

Слова пророчества звенели в его ушах:

Вода из источника — вот что спасет,
Ведь ненависть в чистой душе не живет.

В ту же минуту на Роуэна снизошло озарение.

— Шаран! — крикнул он. — Потри глаза, а потом коснись рукой лица Зеел! Давай! Скорей же!

Не колеблясь и не задавая ненужных вопросов, Шаран безропотно подчинилась его приказу. Она стерла с ресниц слезинки, а потом провела пальцами по щекам Зеел. Та, содрогнувшись, отпрянула и отпустила Шаран.

— Зеел! — радостно окликнул ее Роуэн.

Зеел глядела на него, ничего не понимая. Мало-помалу ее сознание прояснилось. Она посмотрела на Шаран, лежащую на земле посреди разбросанных свитков. Ужас отразился на лице Зеел, когда она поняла, кого только что пыталась задушить. Она глядела на свои руки,

будто не узнавая их, будто не веря, что это они секунду назад сжимали тоненькую шейку беззащитной девочки.

— Что... что я наделала? — прошептала она.

— Не брани себя, — с трудом произнесла Шаран, потирая горло. — Ты не виновата, Зеел. Говорю тебе, в этом не было твоей вины.

— Как и ты, Зеел, я был во власти злых чар пещеры, — сказал Роуэн. — И Норрис тоже. Только Шаран, она одна...

Он не договорил. Громкий стон Норриса заставил его замолчать.

Норрис поднял голову, открыл глаза и ненавидящим взглядом уставился на Роуэна. Губы его искривила злобная гримаса, лицо посерело от ярости. Норрис с удвоенной силой вцепился в ногу Роуэна.

Шаран вскрикнула и поползла к брату.

Роуэн оторвал от себя цепкие пальцы Норриса и ринулся к Шаран — он отер слезы, струящиеся по ее щекам, и влажными пальцами дотронулся до глаз Норриса. Тот вздрогнул всем телом. Черты искаженного безумной яростью лица мало-помалу разгладились, оно стало мягким, детским — таким, каким и было всегда.

— Мне... мне снился страшный сон, — пробормотал он. — Сестричка, ты жива? И ты, Роуэн? А мне снилось...

Вдруг Норрис всхлипнул и попытался подняться на ноги. Из ножевой раны на боку потекла кровь.

— Где-то прячется враг! — крикнул он. — Зибакская стражница убила Зеел и встала на ее место. Это произошло там, на тропе. Я даже и не услышал, как она к нам подобралась. Я понял, что случилось что-то ужасное, только когда повернулся к Зеел. В ту же секунду стражница на меня набросилась, и мы стали драться...

Норрис попытался выпрямиться, но снова застонал и схватился за бок.

— Еще я видел бойцового гарча... огромного убийцу! Я схватил его за лапу, чтобы он не бросился на вас... А сейчас почему-то никого не видно. Роуэн, Шаран, спрячьтесь за моей спиной!.. Да где же мой меч? Дайте-ка его сюда!

Роуэн схватил меч — он лежал на земле — и вложил его в руку Норрису.

— Держи. Но, боюсь, меч тебе сейчас не понадобится, — сказал он. — Тебе не с кем сражаться. Здесь не было ни гарча, ни стражницы. — Роуэн вздохнул и добавил: — Как не было и дерева Унрина.

— И ишкина тоже не было, — подойдя к ним, сказала Зеел. — Это были всего лишь видения, Норрис. Мы едва не убили друг друга, сражаясь с призраками, порожденными нашими же воспоминаниями.

Норрис недоверчиво покачал головой.

— Но я-то никого не видела, — тихо проговорила Шаран, держась за горло. — Только вас: вы дрались и хотели друг друга убить...

Тень воспоминания о пережитом ужасе пробежала по ее лицу. Она поежилась.

— Чары злой пещеры были не властны над тобой, Шаран, потому что у тебя нет врагов, — стал объяснять ей Роуэн, но Шаран при этих словах чуть не рассмеялась.

— Да брось ты! Что ты за глупости говоришь? — воскликнула она. — У меня столько же врагов, сколько и у вас, и боюсь я их так, что вам, вместе взятым, и не снилось.

— Ты их боишься, но в твоём чистом сердце нет ненависти, — объяснил Роуэн. — На свете нет существа, которое ты хотела бы уничтожить даже ради спасения собственной

жизни. Разве я не прав?

Щеки Шаран заалели от смущения. Она с укором поглядела на Роуэна, как будто он ее в чем-то уличил.

— Дедушка был таким же, — сказал Норрис. — И папа с мамой тоже. Защищать их было безнадежным делом.

— Могу себе представить, — пылко поддержала его Зеел. — Но сейчас вы поменялись ролями.

Норрис с удивлением посмотрел на нее, не понимая, о чем, собственно, идет речь.

«Да он же не знает, что произошло, — догадался Роуэн. — Он же так и не знает...»

— Шаран спасла нас, — сказал он. — Помнишь последние строки пророчества — там говорилось об источнике и о чистой душе, в которой нет места ненависти? На самом деле речь шла не о настоящем роднике, а о полном любви сердце Шаран. Ее слезы оказались целебной водой.

— В пророчестве Шебы тоже об этом говорилось, — вспомнила Зеел. — Значит, ты та, которая рыдает.

Шаран покраснела еще больше.

Норрис нахмурился.

— А почему в стихотворении прямо не говорится об этом? — проворчал он. — Зачем это нужно — чтобы мы бились над смыслом загадочных слов?

— Может быть, чтобы прийти к осознанию того, что вся наша жизнь — загадка, — предположила Зеел. — Мы живем и пытаемся разгадать самих себя.

Сказала она это вроде бы и в шутку, но глаза ее оставались серьезными.

Шаран принялась складывать в шкатулку рассыпавшиеся шелка, но вдруг сказала испуганно:

— Я не вижу следов букшахов. Мы, наверное, потерялись.

Но Роуэн уже заметил мешок, брошенный им на тропе в самом начале драки, — он лежал совсем недалеко.

— Не волнуйтесь, — сказал он, указывая на мешок. — Вон там я, наверное, и сошел с тропы.

— Все хорошо! — обрадовалась Зеел. — Мы не потеряли дороги! Перевязывайте раны, закрывайте шкатулку и скорее в путь! Прочь из этого гиблого места!

Роуэн, Зеел, Норрис и Шаран шли и шли вперед, а пещера все не кончалась. Вокруг высились витые ледяные колонны. Первой теперь шла Зеел — зоркая девушка в отличие от Роуэна ясно видела на мерзлой земле следы от копыт букшахов.

Все четверо были изранены и избиты, но больше всех досталось Норрису. Рана в боку сильно болела. Давала о себе знать и больная нога.

Но Норрис продолжал упрямо идти вперед, не произнося ни слова. «Почему он молчит? — недоумевал Роуэн. — Только ли из-за боли? Может быть, его гложет какая-нибудь тревожная мысль?»

Действительно, Норрис был темнее тучи. Даже когда впереди показалась высокая арка — выход из пещеры, он не приободрился и не присоединил свой голос к радостным крикам друзей.

Впереди уже можно было различить кусочек серого неба. Путники ускорили шаг: они наконец-то покидали пределы пещеры, где на их долю выпало столь ужасное испытание.

«Молчание Норриса ничего хорошего не предвещает», — подумал Роуэн. Он огляделся

вокруг и вдруг узнал то место, куда они вышли. Сердце его дрогнуло. Земля и каменистые склоны были покрыты снегом. Впереди чернели огромные утесы. Холодный ветер пронизывал до костей. Небо заволокли тучи, однако было еще светло. Следы букшахов вели через скалы наверх, туда, где высились утесы. Куда букшахи двинулись потом, Роуэн разглядеть не мог: пелена морозного тумана окутывала все вокруг.

«...Три человеческие фигуры. Они бредут по снежной пустыне, стараясь держаться поближе друг к другу».

Роуэн понял, что он уже видел все это во сне. В самом первом из его вещих снов.

«Нет, тот сон не был вещим, — поправил Роуэн сам себя. — Во сне я видел троих, а сейчас нас четверо. С нами Зеел».

И вдруг он услышал, что Зеел обращается к нему:

— Нам нужно где-то спрятаться. И чем скорее, тем лучше. Хорошо бы найти закрытое место и развести там костер.

«Трое в тяжелых плащах жмутся к угасающему костру...»

— Да, мы укроемся в пещере... — прошептал Роуэн.

— В пещере? — переспросила Зеел. — В какой пещере?

Роуэн потряс головой и пустился в путанные объяснения:

— Я... я только хотел сказать, что... что где-то, должно быть, есть пещера... Например, среди тех утесов, там, наверху...

Зеел исподлобья поглядела на него и спросила:

— А откуда ты знаешь, что там есть пещера?

Роуэн не знал, что ответить. Его друзья были уверены, что он умалчивает о чем-то очень важном... Роуэн был бы рад рассказать им обо всем, но ведь прежде он никому не признавался в том, что видит вещие сны. Так зачем же сообщать об этом сейчас, когда их маленький отряд находится на грани отчаяния, а со всех сторон высятся неприступные голые скалы.

Зеел возмущенно покачала головой:

— Ну и пожалуйста, можешь хранить свои тайны дальше! Только если ты действительно знаешь, где пещера, это глупо — не рассказать нам о ней. Мы в опасности! Так скажи же, куда нам идти и что делать!

И в ту же секунду Роуэн почувствовал жар, исходящий от медальона. В испуге он схватился за шнурок — вспомнилась жгучая боль, обычно сопровождавшая получение новых пророчеств. Снова возникло это ужасное ощущение, когда понимаешь, что не властен над собой и захвачен какой-то неведомой силой.

— Ой, Роуэн! Я совсем не хотела!... Прости меня! — услышал он крик Зеел. — Роуэн, не сопротивляйся! Пусть...

Голос девушки растаял где-то вдали.

«Не сопротивляйся...»

На этот раз вместо того, чтобы попытаться сорвать с груди пылающий медальон, Роуэн с силой прижал его к себе. Он чувствовал, что внутри у него все горит, но старался не кашлять, чтобы не мешать выходить наружу волшебным словам. И они действительно зазвучали — он выговорил каждое из них. Нельзя сказать, чтобы Роуэну это было просто — произнести пророчество вслух, но на этот раз он не почувствовал прежней жгучей боли.

Убежище ждет вас высоко в горах,

По лестнице смерти туда заберитесь,
Укройтесь в спасительных этих стенах,
В холодной тьме рассвета дождитесь.

13. Восхождение

Роуэн упал на колени в снег, едва последнее слово волшебного стихотворения слетело с его губ. Перед глазами все кружилось, в ушах звенело. Спустя несколько минут мальчик начал приходить в себя. Осмотревшись, он увидел, что на него, прикрыв ладошкой рот, испуганно смотрит Шаран, а Норрис смотрит на Зеел. Зеел же...

Зеел разворачивает своего воздушного змея.

— Не надо! — воскликнул Роуэн.

Он вскочил на ноги и пошатываясь — голова все еще шла кругом — двинулся к ней.

Зеел тихо сказала:

— Роуэн, я совсем не хотела опять подвергать тебя этой пытке, но, раз уж все сложилось именно так, пусть хотя бы твои страдания будут не напрасны. В пророчестве говорится об убежище высоко в горах. Речь, наверное, идет о пещере, которая находится где-то там, наверху. Я взлечу, осмотрю окрестности и найду место для ночевки.

— Нет! — возразил Роуэн. — Посмотри — ты вся изранена. И вообще летать здесь небезопасно. Если вдруг переменится ветер, ты разобьешься о скалы.

Зеел подняла руку, заставляя его замолчать.

— Ты забываешь, что у бродников я была предвестником, — спокойно сказала она. — При любой погоде я летела впереди племени, искала места для стоянок и предупреждала о приближении врага. Сейчас это мое умение как раз пригодится. Я, конечно, не рискну взять с собой кого-нибудь еще, но взлететь одна я смогу всегда, даже в моем теперешнем состоянии.

Ярко-желтый змей взмыл над головой Зеел.

— Еще увидимся, Роуэн! — сказала она.

Так друг с другом прощались бродники, отправляясь навстречу опасности.

— Еще увидимся, Зеел! — ответил он.

Зеел улыбнулась и сориентировалась по ветру. Он подхватил ее, оторвал от земли и понес.

Роуэн посмотрел на парящего в вышине желтого змея — ярким пятном он выделялся на фоне черных утесов и темно-серого неба, — а потом повернулся к Шаран и Норрису.

Они продолжали глядеть вслед улетающей Зеел. На лице Шаран отражалось восхищение, а в глазах Норриса застыла печаль. Он стоял, слегка пошатываясь на ветру, и, наморщив лоб, смотрел вверх.

Тревожные предчувствия переполняли сердце Роуэна. Он сказал:

— Прежде чем отправиться в путь, надо зажечь факелы, ведь дорога наша длинна и трудна и в любой момент на нас могут напасть... — Он встретился с Шаран глазами и замолчал. Зачем было напоминать бедной девочке о тех ужасных тварях, что в любую минуту могли появиться из морозного тумана и наброситься на них?

Норрис по-прежнему хранил молчание. Он не произнес ни слова даже тогда, когда Роуэн вложил ему в руку пылающий факел. Только отвернулся и двинулся дальше — по вытоптанной букшами узкой тропе.

Роуэн и Шаран переглянулись. Девочка с трудом скрывала беспокойство за брата.

— Пусть идет, — сказал Роуэн. — А мы — следом за ним.

Страх и жалость теснили его сердце, ведь он знал, что будет дальше, знал... но ничего

не мог поделаться.

«Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я».

На небольшом расстоянии друг от друга они брели вперед. Роуэн будто снова видел себя и своих спутников со стороны — так живо ему помнилось все, что когда-то приснилось. Вот идет высокий юноша — он хромает и опирается на посох. За ним — тоненькая хрупкая девочка, прижимающая к груди деревянную шкатулку. А позади — он сам.

Не в силах побороть искушение, Роуэн посмотрел назад. Конечно, он никого не увидел. Только черные скалы, белый снег да высокую скалистую арку, откуда лился голубоватый свет.

Шаран испуганно спросила его:

— Что случилось?

Но Роуэн только пожал плечами и ничего ей не ответил.

Норрис остановился и тоже обернулся. В его глазах застыли усталость и боль, но помертвевшие губы были крепко сжаты. За весь путь он не произнес ни слова.

«Нет, сейчас все по-другому, совсем не так, как во сне, — подумал Роуэн, и в его сердце затеплился огонек надежды. — Я ничего не сказал друзьям о вещих снах, и вот мне удалось изменить предначертанное!»

— Пойдемте, — сказала Шаран, — ведь скоро стемнеет.

Губы Норриса искривила злая усмешка.

— Да какая разница? — вдруг сказал он. — Какая разница, здесь ли мы остановимся на ночлег или поднимемся выше? Ночь будет или день? Все равно мы обречены на гибель.

Норрис отшвырнул посох и факел и упал в снег.

Шаран кинулась к брату, стала дергать его за рукав.

— Норрис! Норрис! — кричала она.

Но Норрис отвернулся от сестры и зарылся лицом в снег. Так маленькие дети, не желая вставать, прячут голову под подушку.

— Роуэн, да помоги же ты мне! — плакала Шаран.

Роуэн поднял факел, брошенный Норрисом, и попытался заставить себя думать.

«Во сне я видел всех нас в пещере, — говорил он себе, — значит, из этого испытания Норрису суждено выйти живым. Значит, все мы в конце концов окажемся в пещере целыми и невредимыми. Однако плач и уговоры не заставят Норриса встать и пойти дальше. Нужно действовать как-то по-другому».

Но как? Не может быть и речи о том, чтобы нести Норриса на руках. Подъем крут, а тропка узка, так что даже волоком они не смогут втащить его наверх.

— Норрис, поднимайся! Прощу тебя! — причитала Шаран.

Она опустила в снег и склонилась над неподвижным телом брата.

— Оставь меня в покое! — пробормотал Норрис. — Это конец.

«Это конец...»

Роуэн видел: Шаран хотела закричать, но лишь застонала. Он помнил, что на этом его сон оборвался — больше он ничего не увидел. Чем же все закончится наяву?

Роуэн подошел к Норрису и строгим голосом сказал:

— Послушай, дружище, это еще не конец, хотя ты и силишься его приблизить.

Норрис вздрогнул всем телом, глубоко вздохнул и перевернулся на спину. Он поглядел на Роуэна и сказал:

— Нет, наше путешествие действительно завершилось. Каждый из нас сыграл свою

роль. Помнишь: «Один будет грезить, другой — рыдать, третий — сражаться, четвертый — летать»? Ведь так говорилось в стихотворении?

Роуэн кивнул, но не произнес ни слова. Он ждал, что Норрис скажет дальше.

— Шаран заплакала, и ее слезы освободили нас от чар в этой ужасной пещере, — продолжал Норрис, уставившись в темное небо. — Ты, Роуэн, тот, кто грезит, — у тебя на груди медальон и ты произносишь пророчества. Зеел полетела. Ну а я...

Голос его оборвался, и Норрис закрыл глаза.

— Что — ты? Говори же! — воскликнул Роуэн. При одном упоминании о том, что он грезит, его сердце наполнилось чувством вины, но он уже не мог остановиться. — Говори! Тебе предстояло сражаться, разве не так?

— Да, так! — простонал Норрис. — В этом-то все и дело. Я думал, моя судьба — быть вашим защитником. Я был уверен, что смогу оградить вас от любой беды, и позволил слабенькой Шаран пойти с нами. Я хотел спасти вас обоих — и тебя, и ее.

Шаран всхлипнула. Норрис поглядел на сестру, но тут же отвернулся.

— Как я гордился тем, что мне предстояло быть вашим спасителем... — прошептал он. — Дедушка всегда считал меня за дурачка, и мне оставалось только доказать, что на самом деле я — отважный воин. И что же?..

Он горько рассмеялся.

— Норрис... — начал было Роуэн, но тот не слушал его.

— Когда пришло время сражаться, я бесстрашно ринулся в бой! — крикнул он, покраснев от стыда и вновь вспыхнувшей боли. — И лишь потом обнаружил, что разил не врагов, а тех самых друзей, которых поклялся защищать до последней капли крови. Теперь я изранен и превратился в обузу. Вновь оказался в дураках, еще раз доказав свою собственную глупость.

— Зеел и я тоже стали жертвами чар! — воскликнул Роуэн. — Не надо в том, что произошло, винить одного себя.

— Нет, надо. С меня — храброго воина-защитника — все и началось, — отвечал Норрис. — А теперь наше путешествие завершилось. Я понял это, увидев, как Зеел разворачивает воздушного змея. Шаран рыдала, я сражался, ты грезил, и, наконец, Зеел полетела. Каждый из нас исполнил предначертанное. Это конец.

Роуэн похолодел.

— Моя храбрость... — снова заговорил Норрис, — она не спасла нас, но, напротив, оказалась на руку тем злым силам, что сыграли с нами эту отвратительную шутку. Мы стали легкой добычей. И в этой игре я был всего лишь пешкой. — Слезы душили Норриса. — Оставьте меня здесь! — крикнул он. — Я не хочу дальше идти, ведь мы все равно погибнем. Силы зла сделали свое дело. Они заставили нас подняться на Гору, и здесь... здесь мы умрем!

Норрис уронил голову в снег, поджал ноги и съежился.

— Норрис! — закричал Роуэн и стал трясти его что было сил. — Норрис, даже если ты прав и нас завели в ловушку, разве можем мы так просто сдаться — лечь на землю и ждать смерти?

Но его друг даже не пошевелился.

Откуда-то сверху послышался громкий крик. Это был голос Зеел! Роуэн вскочил на ноги и поднял голову. Ярко-желтый змей парил в вышине. Его хвост слегка подрагивал и будто указывал вниз.

Огонек надежды вновь затеплился в сердце Роуэна. Зеел нашла пещеру! Нужно лишь забраться наверх — в пещере они будут почти в безопасности и смогут согреться и отдохнуть.

А тут этот Норрис, как бесчувственный чурбан, лежит на снегу и не дает им уйти из этого проклятого урочища. И что злило Роуэна больше всего, так это то, что дал слабину именно Норрис. А жители Рина так уважали его за отвагу и силу духа!..

Волна возмущения накатила на Роуэна. Он знал, что это недостойное чувство и что он не должен отдаваться его власти, но ничего не мог с собой поделать. «Вот если бы на своего любимчика сейчас посмотрела Ланн! Или Бронден! — думал он. — Что бы, интересно, они сказали?»

И вдруг он понял, что нужно делать. Ланн и Бронден сразу догадались бы, чем пробить ту броню отчаяния, в которую заковал свое сердце изверившийся Норрис.

Роуэн вздохнул и взял себя в руки.

— А ну вставай! — приказал он и презрительно пнул Норриса башмаком.

— Роуэн, как ты можешь? — ахнула Шаран. — Ведь он сам не знает, что говорит.

Но Роуэн, не обращая внимания на ее жалобные слова, еще раз ударил друга.

Тот открыл глаза.

— Оставь меня в покое, — простонал он.

— Трус! — глумливо сказал Роуэн. — Презренный трус!

Глаза Норриса, прежде безжизненные, вдруг вспыхнули огнем. Кровь бросилась ему в лицо, но Роуэн отвернулся — причем, как показалось Норрису, отвернулся с отвращением.

— Я трус? — медленно переспросил Норрис. — Ты меня назвал трусом?

Конечно, разъяренный Норрис не мог заметить, что его мучитель приложил палец к губам и подмигнул Шаран. Ужас и удивление, искажавшие лицо девочки, уступили место пониманию и надежде. Она больше не произносила ни слова и молча ожидала, чем все это закончится.

Норрис нащупал посох и медленно поднялся на ноги. Он был в снегу с головы до пят. Выхватив факел из рук Роуэна, он злобно сказал:

— Я еще покажу тебе, кто здесь трус. Иди за мной да постарайся не отставать!

Припадая на больную ногу, Норрис двинулся вперед, туда, куда вела вытоптанная букшахами узкая тропа. Роуэн и Шаран шли за ним.

Роуэн знал, что в своем сердце Норрис затаил на него жестокую обиду. «Но ничего, — думал он, — зато все остались живы».

«Это только сейчас все живы», — произнес в его душе тихий голос, но Роуэн гнал от себя тревожные мысли и продолжал идти вперед.

Подъем был долог и труден. Мороз крепчал, становилось все темнее. Дул северный ветер — он пронизывал до костей, выдувал слезы из глаз, старался потушить и без того чадившие факелы. И чем выше поднимались Роуэн, Норрис и Шаран, тем больше свирепствовал ветер и тем труднее было идти. Впереди — огромные черные валуны. Под ногами — лед и смерзшийся снег. Путники то и дело падали.

А в небе парил ярко-желтый змей: это Зеел кружила над ними, готовая предупредить их об опасности, если вдруг отвратительное белое туловище возникнет из морозного тумана, если вдруг зубастая пасть покажется из кружащейся поземки, что, оплетая ноги, стелилась по земле.

Вот перед ними выросла серая громада утеса. Следы букшахов уходили влево, но Зеел

устремилась вправо, и все последовали за ней. Они проваливались в глубокий снег, но все-таки шли вперед. Желтый змей, подобно яркой бабочке, парил над заснеженными скалами, в которых Роуэн заметил небольшую расщелину. Туда-то они и устремились.

Роуэн без труда понял, что расщелина — это вход в ту самую пещеру, которую он видел во сне. Хотя, не будь рядом Зеел, он наверняка прошел бы мимо нее, не разглядев узкого треугольного отверстия — издали его можно было принять за обыкновенную трещину в камне.

Оказавшись у подножия огромного утеса, Роуэн заметил, что расщелина находится не внизу, а на высоте нескольких метров над землей.

Убежище ждет вас высоко в горах...

Да, в пророчестве говорилось именно об этом месте. Пещера и была тем убежищем, что ждало их высоко в горах, но как туда забраться? Огромный утес был гладок — нечего было и думать о том, чтобы вскарабкаться по нему наверх.

Роуэн ускорил шаги, обогнал Шаран и Норриса и наконец побежал. Вот он у подножия утеса. Подняв вверх руку и встав на цыпочки, Роуэн прислонился к холодному камню. Нет, все равно не достать... Был бы вдвое выше — тогда без труда дотянулся бы до края расщелины.

По лестнице смерти туда заберитесь...

— Становись мне на плечи!

Не поверив своим ушам, Роуэн обернулся. Это был Норрис — усталый и измученный, он стоял рядом с Роуэном, и на его лице застыла горькая гримаса.

— Полезай первым, а оттуда протянешь руку Шаран, — продолжал он. — А потом я посажу Зеел.

— Норрис, ты не можешь... — начал было Роуэн, но Норрис покачал головой.

— Чтобы добраться до пещеры, нужно вскарабкаться вверх по лестнице смерти, — тихо проговорил он. — А я уже почти мертв.

Шаран, услышав последние слова брата, испуганно вскрикнула, но Норрис даже не оглянулся — он не мигая смотрел на Роуэна.

— Мне не суждено добраться до пещеры. Я тяжелый, и даже втроем вы не сможете втащить меня наверх, — говорил он. — Но я могу вам помочь. Возможно, вы трое выживете и вернетесь домой... Для меня это очень важно. Роуэн, соглашайся, прошу тебя!

Роуэн не смог отказать другу. Он кивнул, и Норрис присел, подставив ему свою широкую спину. Роуэн встал Норрису на плечи. Шаран заплакала, но они даже не обратили внимания на ее всхлипывания. Норрис стал медленно выпрямляться, и Роуэн сумел наконец ухватиться за край узкой расщелины, ведущей в пещеру, и немного подтянуться, но башмаки его бессильно скользили по гладкому камню. Казалось, он вот-вот сорвется и упадет на землю, — тогда и боль, и страдания Норриса — все будет впустую. Нет! Одна лишь мысль о том, что жертва друга может оказаться напрасной, придала Роуэну сил. В следующую секунду он уже был в пещере.

Роуэн, тяжело дыша, лежал на полу. Пещера оказалась небольшой. Он огляделся. Нет, в

темных углах никого нет. У дальней стены — хворост. Здесь спокойно можно остановиться на ночлег. Роуэн вновь подполз к узкому входу и высунулся наружу.

Норрис сидел на снегу. Сестра обнимала его за плечи.

— Шаран! — окликнул ее Роуэн и протянул руку.

Но девочка покачала головой.

— Норрису плохо! — прокричала она. — Я не могу оставить его одного.

Роуэн услышал предостерегающий крик и поднял голову. В небе кружился ярко-желтый змей — он то нырял, опускаясь почти до земли, то вновь взмывал в небо. Так Зеел сигналила об опасности. Роуэн поглядел вниз, и сердце его сжалось: он увидел, что укрывающий землю снег у подножия утеса пришел в движение и, медленно оползая, вспенивается, подобно морской волне.

Ужасное животное, извиваясь, ползло к Норрису и Шаран. Огромное тело взрезало толщу снега, подобно гигантскому угрю, рассекающему воды.

— Снежный червь! — закричал Роуэн. — Норрис! Шаран! Берегитесь!

14. В пещере

Норрис резко выпрямился. Сжав зубы, он схватил Шаран и с неожиданной силой подбросил сестру вверх. Роуэн едва успел поймать девочку.

Они покатались по песку, устилающему пол пещеры. Роуэн быстро вскочил на ноги, подбежал к узкому входу и выглянул наружу.

Зеел нигде не было видно. «Наверное, она испугалась, что снежные черви схватят ее, и приземлилась на вершине утеса, — подумал оцепеневший от ужаса Роуэн. — Но что же Норрис...»

Норрис стоял внизу, прислонившись к гладкой каменной стене. Когда он поднял Шаран и кинул ее Роуэну, рана у него в боку открылась и теперь сильно кровоточила. В руках Норрис сжимал факелы — они служили ему щитом, защищавшим от подбиравшегося сбоку червя.

— Норрис! — крикнул Роуэн. Он высунулся наружу и протянул ему руку. — Хватайся за меня!

Но Норрис не принял помощи.

— Не высовывайся! — крикнул он в ответ. — Ты все равно не сможешь втащить меня наверх. Защищайтесь там сами! Разожгите у входа огонь. Я буду сдерживать натиск этой твари сколько смогу, но потом...

Снег у его ног вдруг зашевелился, вспучился и стал оползать. Появилась отвратительная безглазая морда, но мужественный Норрис не дрогнул. Он выставил вперед факелы, и зубастая гадина с шипением отступила. Она извивалась и корчилась на снегу, готовясь к новой атаке.

Оттащив Шаран от входа в пещеру, Роуэн выхватил из мешка факелы. Он пытался зажечь их, но у него ничего не получалось — сильно дрожали руки.

Снизу послышался крик Норриса. Он остервенело размахивал факелами. Огромный червь, ощеривая зубастую пасть, извивался в нескольких шагах от него и пытался укусить.

Но вот в воздухе мелькнула ярко-желтая вспышка и исчезла. Это была Зеел — одной рукой она держалась за воздушного змея, а в другой сжимала пылающий факел. Роуэн догадался: девушка приземлилась на вершине утеса, однако совсем не затем, чтобы спрятаться от кровожадного червя, — там она зажгла факел и сразу же ринулась вниз на помощь Норрису.

Огромный червь зашипел и лязгнул зубами, захватив край желтого змея. Тонкая шелковая ткань вмиг превратилась в лохмотья. Змей задрожал на ветру и стал снижаться. Ужасное чудовище, оставив Норриса, поползло к Зеел, изготавливаясь к нападению.

Эта маленькая передышка дала возможность Норрису воспользоваться нечаянной удачей. Издав яростный крик, он кинулся к огромному червю и метнул все три факела, что у него были, прямо в голову зубастой гадины.

Послышалось громкое шипение. В лицо Норрису ударил кислый запах. Вместе с шипением из разверстой пасти червя исторглись синеватые клубы морозного тумана. Смертная дрожь прошла по телу огромного животного. Норрис отскочил, а чудовище осталось лежать неподвижно, распростершись у подножия того самого утеса, в расщелине которого скрывались Роуэн и Шаран.

Не веря своим глазам, Норрис смотрел на мертвого червя — около скалы высились

гигантские кольца, почти достигающие края расщелины, где прятались друзья. Норрис даже не обернулся, когда к нему подошла Зеел, волоча за собой порванного змея. Он покорно позволил ей взять себя за руку и подвести к трупку поверженного врага.

Зеел пнула издохшую гадину ногой. Снежно-белая чешуя уже начинала тускнеть, а от удара Зеел на теле животного осталась глубокая вмятина.

— Норрис, ты убил его! — В голосе Зеел звучало неподдельное восхищение.

— Но ведь это был только ожог, только маленький ожог на таком огромном теле, — тряс головой Норрис. — Как это могло его убить?

— Наверное, огонь для него смертелен, — подумала вслух Зеел. — Он действует на него так же, как если бы в его кровь проник яд. Но, Норрис, как ты набросился на него! Будто одержимый!

— Ты дала мне шанс, и я им воспользовался, — пробормотал он.

Зеел пожала плечами.

— Я сделала все, что было в моих силах, — сказала она, — но только благодаря твоей отваге мы остались живы.

Зеел слышала, как из груди Норриса вырвался сдавленный вздох. Она заметила, что суровые морщины на лице ее спутника вдруг разгладились, жесткие складки вокруг рта исчезли, а глаза радостно засияли.

«Я же ничего особенного не сказала. С чего это он вдруг так разволновался? — изумилась Зеел. — Я сказала правду, но что с того?»

Девушка недолго ломала голову над причиной странной перемены, произошедшей с Норрисом. Недолго скорбела она и о разорванном змее. Мысли ее обратились к насущным проблемам. Зеел заметила, что Норрис, чей плащ намок от крови, едва стоит на ногах. Она обняла его за плечи и подвела к мертвому телу червя, высившемуся у подножия утеса.

— Лезь! Вот она — лестница смерти, о которой говорилось в пророчестве. Осталось только забраться в пещеру.

Роуэн и Шаран звали их, высунувшись из расщелины. И Норрис с Зеел полезли наверх, цепляясь за чешую, покрывавшую туловище издохшего врага. Безжизненные кольца источали отвратительную слизь, и руки Норриса скользили, когда он пытался покрепче уцепиться за чешую. Зеел сжала зубы, в ее глазах застыл страх. Норрис дрожал всем телом, но продолжал карабкаться наверх.

Скоро они уже были в пещере. Роуэн обнял друзей и тут же принялся разводить костер. Он знал, что Шаран и без него позаботится о ранах брата. Догадывался он и о том, что Зеел следует оставить в покое — нужно было дать ей время погоревать о разорванном желтом змее. Сам же Роуэн должен был позаботиться о том, чтобы сделать пещеру безопасной.

Темнело. Роуэн вскипятит воду и заварил чай. Ломтики хлеба ребята поджарили на огне и съели с сыром. Потом принялись за мед и сушеные фрукты, которые принесла с собой Зеел.

Жар костра и вкусная еда немного приободрили их. Все отдохнули и повеселели. Ожил даже израненный Норрис — его закутали потеплее и посадили у стены.

Не сговариваясь, друзья решили не обсуждать события прошедшего дня и не говорить о будущем. Вместо этого они стали болтать о пустяках — о том, кому что нравится из еды.

Роуэн рассказал про соленую рыбу, которую он ел в Водяной стране. Шаран и Норрис — про то, как в стране зибакон они выращивали различные овощи и фрукты. Зеел же

рассказала о пчелах — племя бродников путешествовало вместе с ними, кочуя по цветущим лугам равнин.

Вдруг Зеел умолкла. Роуэн догадался, что девушка, должно быть, подумала о том, что скоро наступят времена, когда на земле не будет ни цветущих лугов, ни пчел, ни самого племени бродников. Грядет нескончаемая зима, которая холодным белым покрывалом укроет все вокруг.

Роуэн вздрогнул. Он гнал от себя тревожные мысли и зловещие предчувствия.

— Может, попробуем заснуть? — спросил он. — Чур, я первый стою на страже!

— Чур, я вторая! — быстро сказала Зеел, прежде чем Норрис успел открыть рот. — Только вовремя меня разбуди.

Вскоре все в пещере погрузилось в сон. Пол был жестким, но Норрис, Зеел и Шаран так устали, что даже боль от недавних ран не помешала им заснуть, свернувшись калачиком под теплыми шкурами.

Не спал один Роуэн. Он сидел у костра и глядел на пляшущие языки пламени. Время от времени мальчик подкидывал в огонь очередную ветку, и каждый раз, когда он брал ее из охапки на полу, сердце его сжималось: хвороста было очень мало. А вдруг нападут снежные черви... Вдруг тысячи безглазых тварей окружают пещеру, и они окажутся в западне... Что тогда?

«У нас, конечно, есть еда и питье, — думал Роуэн. — Но ничто не поможет, если не будет огня».

Воображение Роуэна рисовало ужасные картины. Вот костер погас и тысячи червей ползут к расщелине — их уже ничто не в силах остановить. Они выгонят ребят из пещеры и переловят их, подобно тому как ящерицы ловят по весне еще не оперившихся птенцов...

Укройтесь в спасительных этих стенах,
В холодной тьме рассвета дождитесь.

Роуэн содрогнулся. Что, если здесь их путешествие подошло к концу? Что, если в этой засыпанной снегом пещере им суждено встретить смерть?

Едва он подумал об этом, как в тишине морозной ночи послышался слабый шорох.

Роуэн прислушался, и холодный пот выступил у него по спине. Да, сомнений быть не могло — кто-то полз по скале над входом в пещеру... О камни терлось огромное тело...

Жуткие звуки приближались. В пещеру посыпался снег, на пол полетели ледышки.

Зеел тут же проснулась и вскочила на ноги. Норрис и Шаран открыли глаза и зашевелились под шкурами.

— Это началось недавно, — прошептал Роуэн. — Я думаю, что сначала к утесу подобрался один. А потом и остальные...

Зеел сжала зубы, Шаран затрепетала, но мужественный Норрис не дрогнул — его лицо было будто высечено из камня. Роуэн знал, что каждый из его друзей в эту минуту представляет себе крутящийся клубок огромных змеевидных тварей с оскаленными голубоватыми клыками. Безглазые головы наклоняются к расщелине, ищут вход, пытаются проникнуть внутрь...

Роуэн подбросил сухую ветку в костер. А что он мог еще сделать?

— Костер — наше спасение, — тихо сказала Зеел, однако она явно не была уверена в

том, что на этот раз им суждено спастись.

Роуэн лихорадочно думал, о чем бы поговорить. Да о чем угодно! Только бы не слышать этих ужасных звуков!

— Зеел, ты, наверное, видела наших ринцев, когда пролетала над равниной, — начал он. — Расскажи нам о них!

— Хорошо, — согласилась Зеел, догадываясь, почему Роуэн решил завести этот разговор. — Я торопилась к вам, боясь, как бы не переменился ветер, и поэтому решила не спускаться к идущим по дороге, но сверху я видела, как люди твоего племени быстро продвигаются к побережью. Глаза их были устремлены к горизонту — ты же знаешь, ринцы всегда стремятся к намеченной цели.

Зеел улыбнулась, хотя сейчас всем было не до смеха.

— Оглянулся только Аллун. Видно, кровь бродников, что течет в его жилах, дала о себе знать. Он махнул рукой — наверное, заметил меня. Хотя я в этом не уверена, потому что быстро летела — я спешила к вам.

— А как Ланн и Бронден? — спросила Шаран, тоже заставив себя принять участие в беседе. Роуэн видел, что губы девочки побелели. Она была до смерти напугана. — Как там они?

— Когда вы ушли, Ланн времени не теряла, — принялась рассказывать Зеел. — Она огородила пекарню старой ненужной мебелью, чтобы поджечь ее и защитить себя и Бронден, если вдруг на деревню нападут...

Зеел замолчала, досадуя, что неосторожным замечанием напомнила друзьям о грозящей им всем опасности. В наступившей тишине все четверо вновь слышали шорох и скрипы, доносящиеся откуда-то сверху.

Вот шорох послышался уже почти рядом. Роуэн понял, что новые и новые черви ползут к утесу, прорывая в толще снега, укрывшего камни, извилистые ходы. Он слышал, как огромные чешуйчатые тела трутся о камни.

Взгляд Зеел упал на шкатулку, которую Шаран держала на коленях.

— Шаран, дай мне еще раз взглянуть на картины, — попросила она.

Сердце Роуэна сжалось. Конечно, сейчас все происходило не совсем так, как во сне, но все равно от неизбежного не уйти. Зеел попросила именно то, о чем Роуэн наяву просить был не намерен.

— С тех пор как Огден у вас в деревне увидел эти шелка, он только о них и говорил, — задумчиво сказала Зеел. — Казалось, он постоянно думал о них. Непонятно, правда, почему.

Девушка наклонилась к огню, не заметив, что ее друзья словно оцепенели. Роуэн, Шаран и Норрис переглянулись — в этот момент они подумали об одном и том же.

Может быть, Огден чувствовал, что картины на шелке таят в себе опасность для всей страны, ведь вождь племени бродников — Роуэн только сейчас подумал об этом — поспешно покинул деревню, едва бросил взгляд на драгоценные полотна.

«Огден не поделился со мной своими опасениями, — припоминал Роуэн, — но, может быть, он специально промолчал, желая сначала все хорошенько обдумать. Если так, то он думал слишком долго. Хотя... жители Рина вряд ли обратили бы внимание на какие-то глупые фантазии бродников. Мы ведь были так рады, что хоть что-то узнали о своем прошлом!»

Роуэн снова посмотрел на Зеел. Она глядела на огонь и говорила о картинах. Конечно, Ланн ничего не рассказывала ей о страшных предсказаниях Нила и о попытке горшечника

сжечь шелковые полотнища. Зеел и не подозревала, что каждое ее слово наполняло сердца Норриса и Шаран страхом и болью.

— Все это очень и очень странно, — говорила девушка. — Огден постоянно расхваливал мастерство, с которым выполнены ваши картины, постоянно повторял, что расписанные шелка — лучший способ запечатлеть на века события прошлого. Однако он находил в них что-то... что-то тревожное. Однажды, задумавшись, Огден произнес, будто бы обращаясь к самому себе: «Что же делать? Рассказать о своих подозрениях или оставить все как есть?» — но когда я спросила, о чем это он, Огден отвернулся и ничего не ответил. — Зеел тряхнула головой. — Просто тайна какая-то, но я непременно узнаю, в чем тут дело! А сейчас можно мне посмотреть на шелка?

Шаран вздохнула и стала открывать деревянную шкатулку.

Та сильно пострадала. Одна ее стенка была надколота, но с этой стороны заботливая хранительница подложила суровую ткань, чтобы не испортились драгоценные шелка. Дрожащими руками Шаран отомкнула замок и откинула крышку.

«Шаран, не надо!» — подумал Роуэн, но девочка уже принялась доставать шелковые свитки. Вот она вытащила один, вот его развернула... У Роуэна мороз пробежал по коже: Шаран держала в руках ту самую картину, над которой работала в пекарне и которую он видел во сне.

Когда злополучное полотнище снилось Роуэну, ему казалось, что краски были тусклее. Наяву они оказались ярче, но в остальном это была та же картина — страшная, наполняющая страхом сердца. Роуэн всматривался в знакомые фигуры, в черные, белые, голубые и серые пятнышки, видел жителей Рина, бредущих по темной, уходящей вдаль дороге, букшахов, сгрудившихся на заснеженном лугу.

Роуэн со страхом поглядел на Гору. В ту ночь перед рассветом, когда они должны были отправиться в путь, Шаран не только завершила начатый эскиз, но и добавила к прежнему наброску что-то новое. Она изобразила тысячи огромных безглазых червей. Они выползали из обволакивающего Гору морозного тумана и разевали гигантские пасти. Зубы — будто зазубренные осколки голубоватого льда...

Бросив взгляд на картину, которую Шаран держала в руке, Зеел вздрогнула и отвернулась. Норрис застонал.

— О, простите меня! — воскликнула Шаран и трясущимися руками принялась сворачивать злополучный шелк. — Я хотела правдиво изобразить то, что было на самом деле. Я совсем не думала, что тем самым напому вам о...

Ужасный грохот потряс все вокруг. Путникам показалось, что трещат скалы и рушится мир. Роуэн упал наземь и заткнул уши.

Сквозь шум обвала он слышал плач Шаран, крики Зеел и проклятия Норриса.

Внезапно погас огонь. Тьма и холод поглотили пещеру.

15. Призраки

Букшахи поднимались по узкой лестнице, высеченной в скале. Как они изменились! Роуэн помнил их совсем другими. Животные гордо несли свои головы, увенчанные огромными белыми рогами. От пушистой шерсти исходило сияние. В лучах яркого солнца копыта блестели золотом.

Роуэн карабкался вверх, вслед за букшахами, шел по следу, оставленному их сверкающими копытами. Ему было страшно. Болели ноги, но он знал, что останавливаться нельзя. У него просто не было выбора.

Нужно идти следом за букшахами...

Роуэн поднял глаза и осмотрелся. Там, где заканчивалась каменная лестница, в огромной скале зияла темная дыра. Из ее черной пасти вырывались клубы дыма.

Голод...

И эта огромная разверстая пасть, готовая поглотить и его, и букшахов...

Перед глазами Роуэна все плыло. Вперед, только вперед, по следам от сверкающих копыт, все выше и выше...

«Это только сон. Я сплю и вижу сны...»

Роуэн очнулся. Во рту пересохло, сердце было готово выскочить из груди. Он открыл глаза, но непроницаемая тьма окружала его со всех сторон. На мгновение ему почудилось, будто он ослеп, но потом Роуэн услышал голоса Норриса, Шаран и Зеел — они окликали друг друга и звали его. Он вспомнил, как упал на песчаный пол пещеры и потерял сознание.

А в голове снова зазвучали слова пророчества — они звенели в ушах, будто смеясь над его недогадливостью:

Укройтесь в спасительных этих стенах,
В холодной тьме рассвета дождитесь...

Роуэн проклинал собственную глупость. В последних строках стихотворения прямо говорилось о том, что их ожидало, но он опять ничего не понял.

Нависавший над их укрытием каменный уступ обломился под тяжестью снега и тел огромных червей. Лед и тяжелые глыбы обрушились вниз — они погребли под собой узкую расщелину и загородили вход в пещеру.

Роуэн почувствовал, как неприятный холодок пополз по спине. Теперь они замурованы, заживо погребены. Тьма обступала их со всех сторон, сжимала в своих холодных объятиях.

Роуэн достал из мешка факелы и стал на ощупь искать огниво. Наконец нашел, чиркнул кресалом, и внезапная вспышка озарила все вокруг. Роуэн увидел неподалеку от себя дрожащую Шаран. Зеел сидела, уронив голову на колени, а Норрис сжимал в руках тяжелый посох. Поблескивал замурованный вход в пещеру — это светился белый снег, которым их завалило.

Норрис резко повернулся к Роуэну. Было видно, что каждое движение причиняет ему жестокую боль.

— Потуши огонь! — крикнул он. — Нам будет нечем дышать! Тут и так мало воздуха.

Роуэн поспешно повиновался. Он слышал, как Норрис с силой бил посохом по стене.

Под его ударами снег начал с хрустом осыпаться. Норрис стал колотить еще сильнее. Вдруг послышался его радостный крик, и Роуэн почувствовал, как из образовавшейся брешки потянуло холодком.

— Нам повезло! — воскликнул Норрис. — Вход завалило снегом, а не камнями, и мне удалось пробить дыру.

Норрис снова принялся бить посохом по стене из снега. Вскоре брешь расширилась, и пещера озарилась тусклым светом. Ребята почувствовали, как к ним ворвался свежий ветерок.

— Черви... — прошептала Шаран. — Они караулят нас.

— Лучше сразиться с тысячью червей, чем сидеть в этом каменном склепе, — ответила Зеел. — Но безопасности ради все-таки разумнее зажечь огонь. Шаран, займись факелами, а мы с Роуэном и Норрисом расчистим вход. Если снежные черви решат напасть, мы сумеем постоять за себя.

Шаран зажгла факелы, но они горели тускло и сильно чадили. Тем временем Норрис, Зеел и Роуэн расширили брешь в стене. Теперь можно было выползти наружу.

Один за другим они выбрались из расщелины. Перед входом в пещеру возвышалась гора осыпавшегося снега и обвалившихся камней. Роуэн и его спутники увидели множество снежных червей, но все они были уже мертвы — свалившиеся сверху камни раздавили их.

Занимался рассвет, и небо на востоке заметно посветлело. Поскальзываясь и оступаясь, четверо друзей спустились вниз. Скрюченные тела мертвых червей, расплюснутые тяжелыми валунами, они старались обходить стороной.

Роуэн осмотрелся и только сейчас заметил, что обвалился не только нависавший над пещерой уступ, но и часть того гигантского черного утеса, у подножия которого приютилась пещера. Памятных ему огромных валунов, что прежде лежали внизу, Роуэн не увидел — они были погребены под сугробами и камнями.

И всюду лежали истерзанные тела мертвых червей.

«Да сколько же их тут?!»

Эти слова будто кто-то шепнул прямо Роуэну в ухо. Он потряс головой. Нет, этого не может быть. Конечно, рядом были друзья, но они болтали между собой — никто из них ничего ему не говорил.

— Черви, погибшие во время обвала, — наверняка только малая часть тех, что сползлись сюда прошлой ночью. Представляете, сколько их еще, — сказал Норрис. — На нас двигаются тысячи и тысячи этих тварей.

— Откуда же черви знают, что мы здесь? — спросила Шаран.

— Я думаю, они чувствуют тепло, — отвечала Зеел. — Но как бы то ни было, нам очень повезло, что мы остановились в пещере, а не заночевали под одним из валунов. Тогда, даже если бы нас не сожрали снежные черви, мы все равно бы погибли под обвалом. Мы выжили только благодаря тому, что спрятались в расщелине.

«Никто не выживет... Никого не останется... Лютый холод, смертельный холод... Неисчислимые полчища ужасных чудовищ... Тысячи и тысячи кровожадных червей...»

Эти слова нашептывались Роуэну прямо в ухо. Вдруг он увидел, как со всех сторон его окружают призраки. Истощенные лица, провалившиеся рты, пустые глазницы. Внезапно Роуэн догадался, кто это. Голод и непосильные страдания исказили знакомые черты, но он все равно узнал эти лица. Вот Силач Джон, вот Бронден, это Тимон, а там... там его мама...

Роуэну показалось, будто земля уходит у него из-под ног. Его бросало то в жар, то в

холод, а в ушах продолжали звучать голоса. Все они что-то ему говорили, все торопились, перебивали друг друга...

«Их так много... так много... В чем мы провинились?..»

Роуэн зажал уши и крепко зажмурился, но напрасно. Он все равно слышал этот шепот и различал знакомые лица, чьи черты вдруг так переменились. Он видел поседевшие волосы Джиллер, ее глаза, покрасневшие от горя и слез...

«Мы знали одновременно и много и мало... мы ошибались... жестоко ошибались... И теперь нам приходится платить злой Горе за свои ошибки...»

Роуэн почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо.

— Роуэн! — окликнул его знакомый голосок.

При первом же звуке тихого голоса Шаран призраки отступили. Их шепот замер где-то вдали. Роуэн покачнулся.

— Тебе нехорошо? — спрашивала Шаран. — Ты вот-вот потеряешь сознание. Норрис! Зеел! — позвала она остальных.

Роуэн услышал встревоженные голоса друзей и почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили его. Он сел на землю и опустил голову, чувствуя, как головокружение мало-помалу проходит и постепенно останавливается отчаянно вертящийся перед глазами мир. Рядом стояли Норрис и Зеел. Шаран склонилась над ним, предлагая воды.

Роуэн отпил. Яркий свет начинающегося дня резал глаза.

— Простите, — пробормотал Роуэн. Он был так благодарен друзьям за заботу! — Это от меня не зависит...

— Еще одно пророческое видение? — нетерпеливо спросил Норрис. — Так скажи нам!

— Нет, не видение, я слышал и... — Он вдруг задрожал и осекся.

Зеел внимательно посмотрела на него.

— Я думаю, Роуэн, тебе следует все нам рассказать, — проговорила она. — Но сейчас для этого не время и не место. Здесь слишком опасно. Ты можешь идти?

Роуэн кивнул, и Зеел помогла ему подняться на ноги.

— Мы пойдем медленно, — обнадежила она его, — и я тебе помогу.

Норрис огляделся и нахмурился:

— Был обвал, и следов букшахов не видно. Мы, кажется, потеряли дорогу.

Зеел покачала головой.

— Вчера вечером, пролетая над скалами, я видела следы, — сказала она. — Букшахи обогнули западную оконечность утеса и вошли в рощу, где растут вечнозеленые деревья. Они, наверное, пасутся там. Пойдемте туда, и мы снова отыщем их следы.

Все четверо двинулись в путь. Стараясь не отходить далеко от утеса, они брели все вперед и вперед — через сугробы, валуны и глыбы льда. Дорога была трудной, но теперь, по крайней мере, вокруг не было глубокого снега. Одно это наполняло их сердца радостью и надеждой, ведь здесь на них не могли напасть кровожадные черви.

Сначала Роуэн шел, опираясь на плечо Зеел, но скоро уже был в состоянии идти самостоятельно, несмотря на то, что все еще чувствовал легкое головокружение. Ему становилось страшно при мысли о том, что ужасные призраки появятся вновь, но Зеел все время была рядом с ним. Она что-то непрерывно ему рассказывала, будто чувствовала, что Роуэна надо отвлекать от тяжелых воспоминаний.

Уже, наверное, был полдень, когда Роуэн, Зеел, Норрис и Шаран добрались до южной

оконечности утеса. Здесь обвала не было, и друзья без труда отыскивали тропу, по которой раньше прошли букшахи.

— Ну вот! Видите?! — воскликнула Зеел, указывая на следы от копыт.

Они вели туда, где у подножия Горы зеленели деревья. Это была та самая рощица, о которой говорила девушка.

Туда все и поспешили. Свежая зелень, выделяющаяся на фоне белого снега и серых скал, будто притягивала ребят к себе, но Роуэн вдруг насторожился. Он ощутил, что сейчас, даже если бы они захотели повернуть в другую сторону, им бы вряд ли удалось это сделать. Слева от них земля пошла под уклон и вскоре превратилась в глубокую пропасть. Справа возвышался неприступный утес. У букшахов не было иного пути — только вперед. У Роуэна и его спутников тоже не было другой дороги.

Деревья, растущие вдоль тропы, затрудняли движение. Идущим приходилось переступать через кряжистые корни.

Сердце Роуэна сжалось. Эта дорожка, с которой нельзя было свернуть ни вправо, ни влево, напомнила ему узкое скалистое ущелье, ведущее к пещере, где они чуть не поубивали друг друга. Роуэн видел беспокойство на лицах Норриса, Зеел и Шаран. Они замедлили шаги и опасливо озирались по сторонам.

Увидев, что деревья перед ними сгущаются, ребята остановились, тем более что в воздухе появился какой-то странный, неприятный запах, похожий на запах тухлых яиц.

— У меня такое ощущение, будто я сюда пришла не по своей воле, — тихо сказала Зеел. — Не нравится мне это место.

— Мне тоже, — согласился Норрис. — Но пока вроде бы все спокойно. Букшахи вошли в рощу, не чуя опасности. Это видно по их следам.

— С букшахами и в пещере тоже ничего не случилось, — напомнила брату Шаран. — Может быть, животным в роще ничего и не угрожает, но нас могут подстеречь неприятности.

— А возможно, и букшахов тут ожидало что-то страшное, — сказала Зеел. — Животные вошли в рощу, но кто знает, вышли ли они из нее. Этот ужасный смрад...

— Здесь не пахнет смертью, Зеел, — быстро перебил ее Роуэн, но тревога в его душе нарастала. Он чувствовал, что букшахи где-то рядом.

Странная тишина царила кругом.

— Звездочка! — позвал он свою любимицу.

Горное эхо повторило его крик и замерло вдали. Роуэну никто не ответил.

— Может, они уже давно ушли из рощи и не слышат тебя? — прошептала Шаран, теребя его за рукав.

Роуэн понимал, что она всего лишь пытается его успокоить, но что он мог ей на это ответить? Ему хотелось сейчас же войти в рощу. Останавливало лишь одно: Роуэн знал, что следом пойдут его спутники. А мог ли он бездумно вести их навстречу опасности? Следовало хотя бы оглядеться.

Каждая минута промедления наполняла его сердце страхом.

Невозможно было увидеть, что таилось в глубине таинственной рощи. При обвале с вершины утеса упали вывороченные из земли деревья. Сухие корни переплелись с зеленеющими ветвями — свет едва проникал в рощу, и разглядеть что-либо было совершенно невозможно.

Роуэн тщательно осмотрел растущие неподалеку деревья. На первый взгляд они не

казались опасными — совсем не то, что ужасные растения провала Унрин.

Деревья были похожи одно на другое — невысокие, с раскидистыми ветвями, с мясистыми резными листьями. Различались они только корой. У деревьев, растущих по краям таинственной рощи, стволы были серыми, но Роуэн разглядел, что в глубине рощи деревьев с серой корой не было. Там, где темнели свежие следы букшахов, виднелись только белые стволы.

Роуэн заметил, что вокруг потеплело. На земле и на ветвях деревьях почти не было снега.

Все это было более чем странно.

— Мы ведь все утро карабкались вверх, — сказала Зеел, будто прочитав его мысли. — Мы поднимались в гору. Должно было стать холоднее, а тут резко потеплело.

Тревожное молчание повисло в воздухе.

— Так что же нам делать? — воскликнул Норрис.

И в ту же секунду Роуэн почувствовал жар от волшебного медальона.

16. В роще

Слова вырывались из груди Роуэна без того удушья и боли, что обычно сопутствовали их произнесению. Голос, бормотавший пророчество, был похож на голос Роуэна, но от этого смысл загадочных строк казался еще более утрашающим. Сердце Роуэна сжималось, его бросало в дрожь, когда он задумывался над тем, о чем шла речь в новом стихотворении. Трепетали от страха и его спутники.

Спешите! Идите скорее вперед!
Умерших отбросьте — ведь время не ждет.
Уныние прочь — так недолго пропасть,
Поможет спастись вам целебная грязь.

Когда с губ Роуэна сорвались последние слова, он собрал всю волю в кулак, чтобы устоять на ногах. Правда, Роуэну в этом смысле не о чем было беспокоиться — Зеел, Шаран и Норрис стояли рядом и в случае чего были готовы его поддержать.

— Шеба говорила: «Когда узнаешь, что это, станешь таким, как я», — прошептал Роуэн. — Теперь я понял, что она имела в виду... Лучше бы мне никогда этого не знать.

— Любой нормальный человек чувствовал бы то же самое, — вдруг выпалил Норрис. — Роуэн, я прошу у тебя прощения за то, что порой говорил глупости. Но что обидно: на этот раз твои страдания пропали зря. Эти ужасные слова — сплошная загадка. Они ничем не могут нам помочь.

Умерших отбросьте — ведь время не ждет.

Роуэн поежился.

— В пророчестве говорится, что нам следует поторопиться, — возразила Зеел. — И еще — что нельзя отчаиваться и падать духом. Это-то, по крайней мере, ясно сказано. А что касается остального, то там будет видно.

Зеел повернулась к Роуэну:

— Ты можешь идти?

Не отвечая ей, Роуэн заковылял вперед, к зеленой роще. Его спутники двинулись следом за ним.

Они шли по тропе букшахов. Впереди высились деревья — они были похожи на мрачных стражей, охраняющих покой волшебного леса. Гладкие беловатые сучья нависли над головами смельчаков. Деревья окружали их со всех сторон. Роуэн, Зеел, Норрис и Шаран шли друг за дружкой, то и дело оглядываясь в ожидании того, что из глубины рощи вдруг появится неведомое чудовище и бросится на них. Но не было слышно ни звука, ни шороха — лишь сгущались тени да огромные деревья в молчании смыкали над путниками тяжелые ветви.

Роуэн и его друзья почти не разговаривали во время пути, а если что-то и говорили, то только шепотом.

Сучья и ветви склонялись все ниже и ниже. Скоро высокому Норрису пришлось

пригнуть голову. Еле заметный туман, поднимаясь с земли, мешался с дыханием путников, и ужасный запах, который они почувствовали, войдя в рощу, становился все сильнее.

Вдруг Роуэн заметил, что впереди забрезжил неяркий свет. Сердце его затрепетало. Неужели это выход из рощи?

— Зеел! — тихонько окликнул он девушку.

— Да, я вижу, — слышался шепот. — Я думаю, там небольшая поляна. И запах идет оттуда.

У Роуэна перехватило дыхание. Его так и подмывало ринуться к таинственной поляне.

«Как жарко! — вздохнул он. — Тут и теплая одежда не нужна».

Мальчик подумал, что неплохо бы снять плащ, но решил не останавливаться.

Поляна была уже совсем близко, но Роуэн, как ни старался, ничего не мог разглядеть — в воздухе висела пелена густого тумана. Вдруг на фоне непонятных ярко-зеленых, белых и серых пятен появились размытые очертания лежащих на земле тел. Затем показалось что-то черное, но по-прежнему все было неподвижно кругом.

Роуэн ускорил шаги.

— Осторожно, — слышался откуда-то сзади голос Зеел. — Роуэн...

Внезапно раздался истошный крик.

Роуэн с Зеел обернулись. Они увидели, как лицо Шаран исказилось от боли и ужаса. Она держалась за плечо, а испуганный Норрис тщетно пытался отвести ее руку, чтобы посмотреть, в чем дело.

— Снимите это с меня! Снимите! — плакала Шаран.

— Да что случилось? — резко спросила Зеел. — Шаран, убери руку и успокойся. Нам же не видно...

— Они и на вас тоже! — плача и дрожа от отвращения, кричала Шаран. — Они повсюду! Какая гадость!

Она раздвинула пальцы, и у Роуэна мороз пошел по коже. Он вдруг увидел, что к плечу Шаран присосалась серая толстокожая тварь — формой своей она напоминала звезду, но заметить ее было непросто, потому что по цвету она почти не отличалась от серого плаща.

Еще одна впилась Шаран в бок, а другая вцепилась в руку. На запястье у Зеел сидели сразу две. И вон там, сзади, на шее. А у Норриса на капюшоне повисли целых четыре...

Откуда же их столько?

Едва лишь Роуэн подумал об этом, как огромный сук, нависший над ним, задрожал и

кусочек коры, по форме похожий на звезду, оторвался от ветки и свалился прямо на спину плачущей Шаран.

— Это... это кора деревьев, — еле смог выговорить Роуэн. — Только это не кора, а...

Он опустил голову, и из его груди исторгся вопль ужаса. Только сейчас он увидел, что серые звезды — эти диковинные существа, впившиеся в его друзей, — копошатся у него на груди. Некоторые подергивались, устраиваясь поудобнее, другие же были неподвижны — тела их на глазах набухали...

«Они пьют мою кровь!» — догадался Роуэн.

Он попытался сбросить с себя отвратительных тварей, но они мертвой хваткой впились в его плоть. Он пытался отодрать их от себя, но его тело пронзала острая боль, будто в него вонзались тысячи иголок. И все было напрасно.

Нащупав висящий на поясе нож, Роуэн хотел было разрубить пухлого кровососа, впившегося ему в шею, но в ту же минуту огромная ветвь над его головой задрожала, кусочек серой коры соскользнул вниз и оказался у него на ладони.

Роуэн вскрикнул, замахал руками, и серая кора упала на землю. Он вдруг увидел, что деревья просто кишат этой мерзостью. Кора на толстых стволах оползала, и полчища серых существ скользили по ветвям, готовясь спрыгнуть вниз и броситься на людей.

— Скорее! — еле выдохнул он. — Прочь от этих деревьев!

Все четверо завернулись в плащи и, опустив головы, побежали к поляне. Спотыкаясь и чуть не падая, они с плачем и криками неслись вперед.

Наконец ужасные деревья остались позади. Сначала Роуэн, а за ним и все остальные выскочили на ту самую поляну, откуда шел неприятный запах. И здесь, посреди поваленных деревьев, они наконец увидели букшахов.

Животные лежали на поляне и были неподвижны, словно камни. К их мохнатым шкурам присосались кровожадные твари, от которых убегали Роуэн и его друзья. Тела отвратительных существ набухли. Кровососов было так много и сидели они так близко друг к другу, что казалось, будто букшахов покрывает живой серый ковер из отвратительных копошащихся существ.

Звездочка, предводительница букшахов, лежала, опустив морду в грязь. Ее могучие рога цеплялись за корягу. Она тоже вся была покрыта кишящей мерзостью.

Увидев свою любимицу, Роуэн выронил факел и с громким криком кинулся к ней. Приходилось карабкаться через стволы сухих деревьев, путь его преграждали колючие побеги и цепкие лишайники, но Роуэну было все нипочем — он бежал к Звездочке. Вот наконец он опустился перед ней на колени и позвал ее по имени.

Звездочка его слышала. Блеснул зрачок, и огромное животное тихонько замычало, словно говорило хозяину, что по-прежнему любит его и верит ему.

Сердце Роуэна затрепетало от радости.

— Она жива! — срывающимся голосом крикнул он. — Она не погибла, и остальные тоже живы... может быть...

Роуэн встал на ноги и принялся осматривать других букшахов. Вот совсем еще молодая Жемчужинка, родившаяся этой весной. Единственная в стаде она была с черной шерстью. Глаза Жемчужинки были закрыты, и она даже не пошевелилась, когда хозяин ласково потрепал ее по загривку, но Роуэн почувствовал, что животное все-таки дышит, что оно еще живо.

А ведь если не умерла молодая Жемчужинка, значит, есть надежда, что не погибли и

остальные букшахи. Роуэн обошел все свое стадо. Он окликал букшахов по имени, ласково поглаживал их, хотя порой с трудом находил место, куда положить руку, — везде кишели отвратительные кровососы. И животные, слыша знакомый голос и чувствуя тепло родной руки, будто оживали — открывали глаза, выпускали глубокие вздохи и хрипло мычали.

Но он опоздал, он пришел слишком поздно. Роуэн и сам уже понял это. Понял, заглянув в поскучевшие глаза Звездочки и услышав ее тихий стон.

Сколько времени прошло с тех пор, как букшахи вступили в рощу? Усталые животные не торопились в пути, они, наверное, то и дело останавливались, чтобы пожевать листьев.

А сколько времени прошло с тех пор, как кровожадные серые существа упали вниз, прямо на ничего не подозревающее стадо? Роуэн только сейчас догадался, почему близ тропы стволы деревьев были не сероватыми, а белыми и гладкими.

Роуэн понимал, как все произошло. Должно быть, к тому моменту, когда букшахи выбрались на поляну, они уже совсем ослабели и были сплошь покрыты кровососами. Звездочка хотела миновать поляну и идти дальше, но один за другим букшахи падали на землю и больше уже не вставали. Жизнь по капле вытекала из них.

Роуэн огляделся. Голова шла кругом, и в глазах почернело. Он не понимал, где его друзья. Почему Зеел, Шаран и Норрис не придут на помощь?

Вдруг Роуэн увидел своих спутников, которых он оставил у края поляны. Друзья его не двинулись с места. Шаран стояла на коленях, и лицо ее было белым словно мел. Норрис склонился к ней. Зеел смотрела на Роуэна.

— Зеел! Помоги мне! — крикнул Роуэн. — Быстрее! Принеси факелы!

Но Зеел покачала головой и поманила его к себе. Досадуя на задержку, Роуэн поспешил обратно. Ему снова пришлось перелезть через поваленные деревья.

Зеел, Норрис и Шаран медленно двинулись ему навстречу.

— Вы должны мне помочь! — закричал Роуэн, приблизившись к ним. — Букшахи умирают! Нужно сейчас же...

— Все бесполезно, Роуэн, — тихо ответила Зеел. — Ты думаешь, что, пока тебя не было, мы просто стояли и ничего не делали? Что мы не пытались отодрать от себя этих тварей? У нас ничего не вышло. Они будто каменные. Кинжал их не режет. Я даже попыталась прижечь их каленым железом. Их даже огонь не берет. Я и это попробовала.

С изумлением и страхом Роуэн смотрел на отважную девушку.

— Что ты говоришь? — потрясенно спросил он.

Девушка протянула руку, и Роуэн увидел, что к нежной коже, на которой пламенел страшный ожог, присосались две толстые серые твари.

— Зеел! Что ты наделала! — прошептал Роуэн.

Шаран всхлипнула, а лицо Норриса словно застыло от боли.

— Мы не успели ее остановить, — мрачно сказал он.

Зеел пожала плечами.

— Нужно же было попробовать, — пробормотала она, — ведь по капле они высасывают жизнь.

— И я боюсь, что скоро все будет кончено, — подхватил Норрис. — Уж если они за день справились с букшахами, то нас они сожрут еще быстрее.

Шаран уселась на корягу. На лице ее было написано уныние и покорность судьбе.

Уныние прочь — так недолго пропасть...

— Погодите! — закричал Роуэн. — Мы ведь совсем забыли о стихотворении!

Спешите! Идите скорее вперед!
Умерших отбросьте — ведь время не ждет.
Уныние прочь — так недолго пропасть,
Поможет спастись вам целебная грязь.

— Все верно! Если мы отчаемся и впадем в уныние — все погибнем. Это и про букшахов тоже, в этом сомнения нет, — сказал Норрис. — Смысл этой строки мне понятен, но что делать с остальными? Где эта целебная грязь и чем она нам поможет? О чем говорится в первых двух строчках? О том, что нужно бросить букшахов на произвол судьбы и двинуться дальше, чтобы спастись самим?

Роуэн закусил губу. Да, эта мысль уже приходила ему в голову, но он гнал ее прочь, не желая верить страшному приказу.

— За поляной снова дебри, — сказала Зеел. — Посмотрите на деревья, которые там растут! Ветви все серые, и на каждом суку тысячи этих гадов.

— Может быть, они способны жить только в роще, — предположила Шаран. — Может, если мы сумеем выбраться из нее, они сами отвалятся?

Норрис радостно встрепенулся, но Зеел покачала головой.

— Вряд ли. Эти твари живут везде, где только есть деревья, — сказала она, указывая на сухую корягу, на которой сидела Шаран.

На омертвевшей коре все еще виднелись очертания отвратительных тел, по форме похожих на звезды.

— Сухие деревья упали с вершины утеса, — продолжала Зеел. — Когда-то эти стволы и ветви тоже были усеяны злыми кровососами. Это ведь те же деревья, что растут в роще. Наверное, обычно эти гады кормятся соком стволов и ветвей, но при этом всегда не прочь отведать чего-нибудь повкуснее.

— Может, из-за того, что мертвые деревья упали вниз, на деревьях в этой роще так много кровососов, — подумала вслух Шаран. — Деревья на вершине утеса умирают и падают вниз...

И вдруг Роуэн догадался.

— Умершие! — воскликнул он. — Это о тех деревьях, которые лежат на поляне! Их-то мы и должны отбросить прочь!

— Зачем? — удивленно спросила Зеел.

— Потому что под ними грязь! — подхватил Норрис. — Целебная грязь, которая нам поможет! Хотя и не знаю как...

— Но поглядите вокруг. Вся поляна завалена сухими стволами. Как мы сможем оттащить их в сторону? Они повсюду, а у нас так мало времени и так мало сил! — возразила Зеел.

— Не надо оттаскивать все, — сказал Роуэн.

Он поглядел на лежащую неподвижно Звездочку. Роуэн знал, что его любимица не сдавалась до последнего и изо всех сил боролась с кровопийцами, терзавшими ее усталое тело. Она хотела спасти свое стадо. Когда же бедняжка не смогла больше стоять на ногах,

она опустилась наземь. Роуэн обратил внимание, что рогами Звездочка цеплялась за грязную корягу, будто все еще пыталась сдвинуть ее с места.

— Вот здесь! — показал он друзьям. — Чувствуете? Там, где лежит Звездочка, запах сильнее всего и из земли поднимается теплый пар. Нужно отбросить сухие стволы, и мы отыщем то, что нам нужно!

17. Целебная грязь

Роуэн потерял надежду на спасение. Зеел, правда, была настроена решительно, да и Шаран не жалела сил, но все они очень устали. Так что, если бы не Норрис, Роуэну, Зеел и Шаран ни за что бы не удалось выполнить то, о чем говорилось в пророческом стихотворении.

Практичный Норрис сразу же понял, что нечего и думать о том, чтобы руками оттащить тяжелые стволы. Он принялся обвязывать огромные коряги веревками и отыскивать крепкие палки, чтобы использовать их как рычаги.

Зеел и Шаран натягивали веревки, а Норрис и Роуэн подкладывали палки, поднимали с их помощью толстые стволы и откатывали их. Они старались изо всех сил, и пот с них лился просто ручьем. Слышался резкий скрип и громкий скрежет — это сдвигались с места деревья, но внизу Роуэн опять видел стволы, корни и сухие ветви. Снова приходилось браться за ту же работу.

Лицо Норриса посерело от боли, на лбу пролегли суровые морщины. Рана в боку открылась, а поврежденная нога страшно болела, но упрямец не останавливался и продолжал работать. Снова и снова обвязывал стволы веревками и подкладывал под коряги крепкие палки. Снова и снова объяснял друзьям, что нужно делать, и хватался за рычаг, чтобы приподнять тяжелый ствол очередного дерева.

«Третий — сражаться...» — вспомнил Роуэн. Он подумал, что Норрису нельзя так напрягаться, что он может просто истечь кровью и умереть на месте. А может, и все они умрут, так и не вернувшись в деревню. Пережить все то, что они встретили на своем пути, вряд ли кому под силу.

В голову то и дело лезли грустные мысли. Роуэн ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал, как отвратительные твари, присосавшиеся к груди, лишают его последних сил.

Вдруг Норрис пошатнулся и упал на землю рядом со Звездочкой и Жемчужинкой. Шаран громко вскрикнула и склонилась над братом.

Роуэн посмотрел на Зеел.

— Давай вытащим еще одно дерево, — сказал он и вложил в безжизненную руку девушки конец веревки.

Зеел равнодушно кивнула и встала на место Норриса. Роуэн подсунул длинную палку под ствол.

— Давай! — крикнул он.

Собравшись с силами и призвав на помощь всю свою волю и все свое желание выжить, Роуэн навалился на рычаг.

Сначала ему показалось, что ничего не произошло и дерево не сдвинулось с места, но потом узловатые корни вдруг зашевелились. Роуэн услышал ободряющий крик Зеел и увидел, как натянулась в ее руке веревка. Он снова надавил на рычаг. Еще! И еще раз! Но нет, дерево не поддавалось, будто что-то держало его снизу и не хотело отпустить.

— Шаран! — закричал он. — Иди сюда! Помоги!

Он звал ее, но на самом деле почти не надеялся, что девочка подойдет. Но Шаран была уже рядом. По ее бледным щекам струились слезы, но она встала рядом с Зеел, схватилась за веревку и потянула что было сил.

И чудо свершилось! Раздался громкий чмокающий звук. Дерево с шумом откатилось в

сторону. Из неожиданно открывшейся в земле расселины повалил густой пар.

Роуэн и его спутники, пошатываясь от усталости, стояли и молча смотрели на это диво.

У самых их ног бурлила и пенилась жидкая грязь. Звездочка и Норрис лежали на самом берегу возникшего у них на глазах озера.

Шаран села на землю. Она не могла поверить своим глазам.

Зеел наклонилась и кончиками пальцев попробовала воду.

— Горячая! — изумилась она. — Горячий ключ бьет прямо из земли! Чудеса, да и только. — Зеел села на корточки, принялась и наморщила нос. — Фу, как противно пахнет!

Поможет спастись вам целебная грязь...

Роуэн на мгновение онемел, но когда он вдруг вспомнил эти слова, огонек надежды затеплился в его сердце. Он наклонился к воде и осторожно опустил в нее руки. Пальцы ощутили жар и приятное покалывание, но ничего особенного не произошло. Зачерпнув воды, Роуэн подошел к Звездочке.

— Эй, Звездочка! — позвал он. — Может, ты это искала? Попробуй, вдруг поможет!

Звездочка открыла глаза. Она увидела мокрые пальцы Роуэна, почувствовала резкий запах, поднимающийся от воды, и попыталась встать на ноги.

Она не стала лизать пальцы хозяина, а лишь потерлась носом о его ладонь. И Роуэн догадался, что воду не следует пить — в ней нужно омыться.

— Зеел! — закричал он. — Опустит туда руку!

Зеел по локоть опустила обожженную руку в диковинное озеро. Когда она вытащила ее из воды, все кровососы отвалились, и их скрюченные тела плавали на поверхности.

На это-то и надеялся Роуэн. Именно поэтому он и заставлял друзей оттащить в сторону сухие стволы. Когда же Роуэн заметил, что на руке Зеел нет больше пятна от ожога, он просто глазам своим не поверил. Пораженная Шаран, поглядев на подругу, вскрикнула от изумления. Кожа на руке Зеел снова стала гладкой — на ней не осталось даже шрама.

Сама Зеел смотрела на собственную руку с не меньшим удивлением.

— Нет... это невозможно, — пробормотала она.

— Просто колдовство какое-то, — прошептала Шаран. — Будто живая вода из волшебной страны, о которой мне давным-давно рассказывал дедушка.

Шаран побежала к брату. Роуэн и Зеел — за ней. Норрис в глубоком обмороке лежал в грязи у берега. Втроем ребятам удалось затащить его поглубже в воду.

Тот очнулся, едва лишь тело его погрузилось в волшебный источник. Сперва Норрис кашлял и стонал, но потом успокоился. Лицо его странно переменилось. В широко распахнутых глазах не было больше усталости и боли — лишь радостное изумление.

Оставив барахтающегося в воде Норриса на попечение Зеел и Шаран, Роуэн поспешил к букшам, но, когда он увидел Звездочку, слезы выступили у него на глазах. Его любимица изо всех сил старалась встать, но у нее ничего не получалось. Роуэн попытался ей помочь, но безуспешно.

Прибежали Норрис, Шаран и Зеел. С них ручьями текла вода, но зато воды волшебного озера смыли с них отвратительных кровососов. Друзья склонились над Звездочкой. С их волос и одежды струилась вода, и капли чудодейственной влаги падали на спину

несчастливого животного. И едва лишь эти капли касались серых звезд, те начинали корчиться и отпадать.

Громкое мычание вырвалось из груди Звездочки. Она еще раз рванулась и наконец поднялась на ноги. Пошатываясь, Звездочка стояла на берегу бурлящего ручья, но в воду войти не спешила. Громким ревом она созывала букшахов, приказывая им следовать за ней.

Лежащие на поляне животные зашевелились. Затрепетали мохнатые уши, и букшахи открыли глаза. Звездочка снова замычала и вдруг кинулась в бурлящий источник. Брызги полетели во все стороны, и мощное тело тут же ушло под воду.

Озерцо вспенилось, и большая волна хлынула на берег. Она омыла неподвижные тела Жемчужинки и других букшахов.

А тем временем Звездочка погружалась все глубже и глубже...

Испустив крик ужаса, Роуэн кинулся за ней. Он всмотрелся в глубину темных вод, но разглядеть ничего не мог. Лишь листья плавали на поверхности да из глубины поднимались пузыри. Вдруг ему почудилось, что там, под водой, что-то шевельнулось. Он зажмурился и нырнул.

Закрыв глаза и вытянув вперед руки, Роуэн погружался все глубже и глубже. Вот кончиками пальцев он коснулся острых рогов. Мальчик схватил Звездочку за рога и попытался вытащить свою любимицу, но это ему было не по силам. Звездочка, будто тяжелый камень, тянула его ко дну. Роуэн задыхался, ему казалось, что легкие его вот-вот разорвутся.

Внезапно он почувствовал, как чья-то сильная рука ухватила его за край плаща. Друзья хотели спасти его, но Роуэн не мог разжать пальцев и дать своей любимице утонуть.

И тут Роуэну показалось, что огромное тело Звездочки шевельнулось. В следующую секунду его выкинуло наверх. Он забился, судорожно хватая воздух ртом. В ушах звенело, отчаянно кружилась голова. Когда Роуэн смог наконец открыть глаза, он увидел, что рядом барахтается мокрый Норрис. В руках он все еще сжимал край плаща Роуэна. Норрис тащил его к берегу и что-то кричал, но слов Роуэн разобрать не мог.

Из воды появилась Звездочка, и друзей отбросило в сторону. Роуэн с восторгом смотрел на свою любимицу — подняв голову, гигантское животное гордо плыло к берегу. Глаза Звездочки горели, высокие белые рога блестели, а с пушистой шерсти стекала вода. Роуэн кинулся к ней. Он подплыл совсем близко, но Звездочка вдруг отпихнула его от себя. Роуэн вернулся, но Звездочка упрямо толкала его на мелководье.

Оказавшись у берега, он попытался встать, но не смог удержаться на ногах и в изнеможении опустился на колени. Норрис вдруг схватил его за плечи и стал трясти. Роуэн наконец-то разобрал, что кричали ему друзья. А те вопили изо всех сил:

— Роуэн, отойди! Они затопчут тебя! Дай дорогу!

Роуэн увидел, что в мутные воды волшебного озерца окунулась не одна Звездочка — Жемчужинка уже зашла в воду по шею, Дымка с Феей плескались рядом. Еще трое букшахов стояли у берега.

Роуэн посмотрел на свое стадо. Тощие изможденные животные стояли на поляне, и их тела были сплошь покрыты серыми кровососами, но на некоторых животных попали брызги целебной влаги и уничтожили злобных тварей.

Вдруг стадо букшахов ринулось к озерцу. Они неслись как бешеные, сметая все на своем пути. Хорошо еще, что Норрис успел оттащить Роуэна в сторону! Обезумевшие животные растоптали бы обоих.

Животные погрузились в бурлящие воды. Они мычали от удовольствия, ведь, омываясь в целебном источнике, они освобождались от мерзких кровососов. Вдоволь накупавшись, стадо выбралось на берег. Там их уже ждала Звездочка.

Исцеленные великаны стояли на поляне. От их разгоряченных тел шел пар, а с длинной шерсти стекала вода. Роуэн, Зеел, Норрис и Шаран собрали свои вещи и подошли к букшам.

Путники решили заночевать на поляне. Букшахи обступили их плотным кольцом. Все насквозь промокли, но, как ни странно, им не было холодно. Роуэн даже подумал, что вечер на поляне чем-то похож на теплый летний вечер в родной деревне. Но нет, в Рине никогда так отвратительно не пахло!

Друзья развели костер, вскипятили воды и заварили чай. Потом поджарили хлеб и съели его с сыром и медом. Когда стемнело, они улеглись спать. Сон их был крепким и безмятежным, ведь они знали, что снежных червей в этой роще нет.

Глубокой ночью Роуэн проснулся оттого, что Звездочка легонько толкала его в бок. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой огромные белые рога.

— Что такое, Звездочка? Зачем ты меня разбудила? — зевнув, спросил Роуэн и перевернулся на спину. — До рассвета еще далеко.

Звездочка недовольно замычала, топнула копытом и отвернулась. Роуэн сел и с удивлением увидел, что все стадо уже проснулось. Букшахи стояли и ждали свою предводительницу. Она приблизилась к ним, и стадо двинулось вперед, через сонную рощу.

Роуэн поспешно разбудил друзей. Те быстро встали, наскоро позавтракали пригоршней сухих ягод, глотнули воды, зажгли факелы, повесили на спины мешки и пошли за букшахами. До конца не проснувшаяся Зеел терла глаза и зевала.

Тропу то и дело преграждали стволы упавших деревьев, но букшахов ничто не могло остановить. Они шли напролом, сметая все на своем пути. Роуэн и его спутники брели следом. Их переполняло ощущение радости и свободы, ведь жгучая боль исчезла и серые кровососы больше не мучили их.

Свет факелов падал на растущие вдоль дороги деревья, и Роуэн видел, что они сплошь покрыты отвратительной серой коркой, но кровожадные существа больше не смели нападать на людей и букшахов. Те же, что все-таки падали с ветвей, сразу же погибали. Одежда друзей была все еще мокрой, и спасительная влага волшебного источника убивала кровососов.

В лесу было тепло, и одежда скоро высохла. Роуэн начал было беспокоиться: а вдруг они снова станут уязвимыми для укусов злых тварей? Но его опасения были напрасны. Серые гадины, что порой падали сверху, все равно умирали. Целебная грязь, даже высохнув, надежно защищала путников.

Будто в дивном сне люди и животные шли через рощу, но скоро настало жестокое пробуждение. Солнце еще не взошло, а путники уже снова оказались среди голых скал и белого снега.

Осмотревшись, они увидели, что стоят на ровной площадке, а вокруг — высокие горы и крутые утесы. Впереди громоздились серые валуны.

Утесы были окутаны туманной дымкой. На их вершинах лежал снег и темнели вывороченные с корнем деревья.

Слева чернела ужасная пропасть, и дна ее не было видно. Почему-то это место показалось Роуэну знакомым.

Зеел поежилась.

— Мы достигли западной оконечности Горы, — тихо сказала она. — Мы возле провала Унрин.

18. Перед восходом солнца

— Что это за провал Унрин? — тихо спросила Шаран.

О жителях Рина брат с сестрой слышали много легенд, но о провале Унрин им никто не рассказывал. Да и кому бы захотелось говорить об этом гиблом месте?

Роуэн, запинаясь, принялся объяснять:

— Провал Унрин — это мрачное ущелье... В нем живет смерть... и растут ужасные деревья... А когда-то здесь была Золотая долина, где обитало славное племя — союзники бродников и водяных людей.

— Золотая долина? — переспросил удивленный Норрис, ведь это о ней на собрании говорили Тимон и Нил! Они вспоминали о древнем народе, который разгневал Гору, и из-за этого началась эра холодов.

Роуэну показалось, что вокруг стемнело. Холод пробирал до костей, а обжигающий ветер, будто нарочно, старался задуть факелы. Косматые животные, как ожившие призраки, брели в тумане меж мрачных скал.

«Вот мы и пришли, — печально подумал Роуэн. — Здесь нам суждено погибнуть».

— Давным-давно, много-много столетий назад, случились страшные холода, — вдруг начала рассказывать Зеел. — Оскорбленная Гора решила людей наказать, но жителям Золотой долины удалось умиловить ледяную великаншу — морозы прошли, и в эти края вернулось лето. Долго и счастливо жили здесь люди Золотой долины, но внезапно все они исчезли. Никто не знал, что с ними произошло. И только недавно стало известно, что в долине выросли ужасные деревья, которые погубили обитателей этих мест. Огден считает, что корни этих деревьев подрыли западную оконечность Горы и из-за этого случились страшные обвалы. Гигантские валуны и огромные камни скатились вниз...

— Но как же так? Разве может целый народ бесследно исчезнуть с лица земли? — не поверила Шаран. Она испуганно поглядела на пропасть, чернеющую у самых ее ног. — Почему жители долины не позвали на помощь бродников? Разве союзники...

— Бродники были тогда далеко, — печально сказала Зеел. — Той зимой они, как всегда, разбили лагерь близ столицы водяных людей. Наступили холода, и на обитателей побережья напали зиаки. Бродники и водяной народ мужественно сражались с врагом, но на город надвигались все новые и новые отряды зиаков, а силы водяных людей и так были истощены бесконечными войнами. Хранитель Кристалла был стар и немощен и не мог защитить свой народ. Жителям Золотой долины послали письмо с вестью о том, что страна в опасности. Союзники никогда не отказывали водяному народу и всегда приходили на помощь...

— Но на этот раз никто не откликнулся, — догадался Норрис.

Он придвинулся к Зеел и ловил каждое ее слово. Легенды о битвах прошлых лет завораживали его, словно волшебные сказки.

Зеел кивнула:

— Воины Золотой долины не пришли к побережью, и гонцы бродников не вернулись назад. Все подумали, что, так и не добравшись до цели, предвестники замерзли. В тот год рано выпал снег и стояли сильные морозы.

Зеел отвернулась и умолкла. Роуэн не просил ее продолжать печальный рассказ. Он знал, что по рождению Зеел принадлежала к племени зиаков, но воспитана была бродниками. Она не любила легенд о давних войнах, и ее очень печалила извечная вражда

между двумя племенами.

Однако от Норриса так просто было не отделаться.

— А что было потом? — тут же спросил он. — Зеел, ну пожалуйста! Букшахи отдыхают. А может, они просто не знают, куда дальше идти. Что нам еще делать — только и слушать твои рассказы!

Зеел посмотрела на Норриса и грустно улыбнулась. Она поняла, что он не оставит ее в покое, пока не услышит всю историю до конца.

— Столица водяных людей пала под натиском врагов, и жители побережья были вынуждены скрываться в пещерах — там их еще мог защитить Хранитель Кристалла. Зibaки думали покорить бродников и сделать их своими рабами, но наше племя ускользнуло и отправилось на север. — Зеел мрачно усмехнулась. — Что было после, никому не известно. Ни водяных, ни бродников в городе не было, и никто не знал, что там происходило, но когда весной бродники вернулись на побережье, они обнаружили, что столица водяного народа полностью разграблена, а зibaки празднуют победу. Вражеские корабли с богатой добычей уходили за море. — Зеел покачала головой, удивляясь недогадливости зibaков. — Но для бродников война только-только начиналась. Они снова послали гонцов к жителям Золотой долины, но и сами не теряли времени даром. Бродники стали гнать с побережья зibaков. Они устраивали засады, нападали с воздуха, крали еду и оружие, делали ночные вылазки...

Роуэн и Норрис не произнесли ни слова. Даже не любившая рассказов о войнах Шаран вся обратилась в слух.

— Враги лишились покоя и сна. Скоро запасы провизии истощились, и доведенные до отчаяния зibaки стали бояться каждого куста. В это время старый Хранитель Кристалла умер. Новый избранник стал правителем, и вся земля снова озарилась светом волшебного Кристалла. Водяной народ вышел из пещер, объединенный новой надеждой. Теперь жители побережья могли дать отпор зibaкам, и они действительно разгромили врага, выгнали его за пределы своей страны. — Зеел поморщилась. Взгляд ее был устремлен вдаль. Девушка задумчиво смотрела на черные утесы, покрытые шапками белого снега. — Все праздновали победу, но в разгар торжества возвратились гонцы, и день радости стал днем скорби. Вестники сообщили, что Золотой долины больше нет. Там, где прежде жили красивые смелые люди, теперь громоздились огромные валуны. Будто два великана дрались в долине не на жизнь, а на смерть. Где когда-то зеленели поля, теперь чернела ужасная пропасть. Страшное ущелье было названо провалом Унрин. Этот провал — жилище смерти, ибо здесь растут кровожадные деревья, чьи корни убивают все живое. А народ Золотой долины исчез с лица земли.

Роуэн не раз слышал эту грустную историю, но впервые легенда о гибели Золотой долины произвела на него столь сильное впечатление. Огден частенько вспоминал о битвах бродников и зibaков, но его сказки, полные красочных подробностей, явно не могли соперничать с бесхитростной повестью Зеел. Рассказ девушки брал за душу, и Роуэн словно собственными глазами видел все то, о чем она говорила.

Вдруг раздался голос Шаран.

— В истории все решает случай, — сказала она, и Роуэн удивился тому, что Шаран словно прочла его мысли. — Только подумайте! Ведь если бы зibaки напали на город водяных людей несколькими неделями раньше... а снег выпал бы чуть позже... и если бы гонцам удалось добраться до долины... ее жители поспешили бы на помощь водяному народу, и деревья Унрина не убили бы их.

— Тогда бы обитателей долины убили зибак, — мрачно сказал Норрис. — И вообще, кто знает, что произошло бы, сложились все иначе? Зачем строить предположения, Шаран? Вот меня в этой истории интересует только одно: как жителям Золотой долины удалось примириться с Горой? Если бы бедняги не погибли, мы бы узнали, что они для этого сделали.

Зеел вздохнула и поглядела на букшахов.

— Знание о том, что сделал народ Золотой долины, чтобы умиловить Гору, погребено в глубине веков, — сказала она. — Жители долины не рассказывали об этом даже своим друзьям бродникам. Вероятно, они возгордились. А может быть, напротив, устыдились. Огден, вождь нашего племени, знает много тайн. Я спрашивала его о людях Золотой долины и об этой их истории с Горой, но он сказал, что ничего не знает.

«Правда ли он ничего не знает? Может, просто не захотел рассказывать», — подумал Роуэн. Он вспомнил сумрачное лицо Огдена, вождя бродников, его крючковатый нос, черные глаза, пронзительный взгляд... А как он смотрел на него тогда, в день их первой встречи!

Старый сказочник Огден сразу же обратил внимание на Роуэна. Жители Рина только недоумевали: что храбрый воин нашел в этом трусливом мальчишке?

«Действительно, как-то странно, — размышлял Роуэн, ведь он тогда расспрашивал меня обо всем на свете. И о родителях, и о букшах, и о том, что со мной было в детстве... Зачем ему все это было нужно?»

На самом деле Роуэн уже знал, в чем дело. Догадка пришла ему на ум еще тогда, когда он с друзьями сидел в пещере. Зеел, рассматривая шелковые свитки, вспоминала Огдена и говорила, что ее отец очень интересовался расписанными шелками, вдруг появившимися в деревне Рин.

Сейчас догадка превратилась в твердую уверенность.

Огден, едва лишь увидел Роуэна, почувствовал, что худенькому мальчугану предстоит сыграть в истории Рина важную роль.

Бродники были хорошими друзьями и надежными союзниками, но Огден... Роуэну всегда казалось, что старый сказочник что-то скрывает, тая в душе неясные подозрения, о которых ему не хочется говорить вслух.

Огден совсем не удивился, когда Роуэн, сопровождаемый Норрисом и Шаран, возвратился из страны зибак. Он словно знал, что мальчик вернется целым и невредимым. И лишь однажды Роуэн видел, что Огден сильно взволнован, — это было тогда, когда Шаран развернула шелковые картины. Жители Рина, восхищенные их красотой, столпились вокруг чужестранки и принялись рассматривать диковинные полотна. Увидев их, Огден отвернулся, сжал зубы и поспешил прочь.

Наверняка старый сказочник догадался тогда, что грядет нечто ужасное, ведь, сам того не желая, Роуэн стал причиной всех бед — это он привез в деревню Шаран и ее брата, а с ними и шелковые полотна.

«Всей этой истории суждено завершиться здесь», — подумал Роуэн, посмотрев на лица усталых друзей. Он оглянулся на букшахов и увидел, что животные, как серые тени, бродят меж черных камней и заснеженных скал.

— Скоро станет светать, — сказала Зеел.

Роуэн внимательно на нее поглядел. В голосе Зеел было нечто, заставившее его насторожиться.

— Что случилось? — спросил он.

Зеел резко поднялась с земли и, вытянув шею, встала на цыпочки. Она понюхала воздух, а потом подняла факел высоко над головой. Желтоватое пламя озарило ее густые брови и широкие скулы.

— Не знаю... — еле слышно прошептала она.

«Что это? — спрашивал себя Роуэн. — Как мне поступить?»

В эту самую секунду он почувствовал жар волшебного медальона. Словно тысячи игл вонзились в грудь Роуэну, и дымка окутала его сознание. Он почувствовал, что волшебные слова уже готовы сорваться с его губ.

«Нет! Не надо!» — подумал он, но было уже поздно. Роуэн задал вопрос, и теперь, хотел он того или нет, он должен был узнать ответ.

Факел выпал из ослабевших пальцев Роуэна, губы его разжались, и в морозном воздухе зазвучали слова пророчества:

Когда сотрясающий землю гром
Объявит начало нового дня,
Разбитое сердце узнает свой путь
И снова бесстрашный покажет себя.
И там ручей золотой течет,
Где скрытая лестница к тайне ведет.

Роуэн произнес последние слова, и в его памяти тут же возникли картины недавнего сновидения. Он совсем забыл об этом сне, а теперь вдруг все вспомнилось — как вслед за букшахами он карабкается вверх по сверкающей лестнице, как впереди зияет чернота...

В ушах звенело. Голова шла кругом. Не нужно об этом думать...

«Когда же мне это снилось? — спрашивал себя Роуэн. — И как я мог об этом забыть?»

Мало-помалу головокружение прошло. Роуэн пришел в себя и обнаружил, что стоит, опираясь на плечо Зеел. Норрис крепко держал его под руку, не давая упасть. Роуэн мягко отстранил друзей. Он и сам уже мог стоять на ногах и больше не нуждался в их помощи.

Вдруг он все вспомнил. Это приснилось ему в пещере. Тогда Роуэн испугался, что они замурованы, и страх заставил его забыть о явившемся во сне пророчестве.

А ведь все, что ему до этого снилось, сбывалось. Так или иначе, но все равно сбывалось. Значит, им суждено пройти и через этот ужас. Все случится наяву, причем в самом скором времени.

Когда сотрясающий землю гром
Объявит начало нового дня...

Может быть, это произойдет тогда, когда на рассвете зарычит Дракон и взойдет солнце? У Роуэна звенело в ушах, будто тысячи пчел вились над его головой. Он посмотрел на вершины утесов, укрытые шапками белого снега. Потом его взгляд скользнул вниз...

Роуэн вздрогнул.

Ему показалось, что на одном из утесов что-то сереет. Присмотревшись внимательнее, он убедился, что там, где огромные валуны, словно каменные ступени, уходили к вершине Горы, действительно виднеется какое-то серое пятно.

Если бы не сон, Роуэн решил бы, что гряда камней и есть волшебная лестница, по которой нужно взобраться наверх. Но нет — той ночью в пещере он видел, что по ее ступеням должны подняться букшахи, а по этим валунам животные не смогут вскарабкаться наверх.

Лестница, волшебная лестница, приснившаяся ему в ту ночь, должна была находиться где-то здесь. Просто до поры до времени ее не было видно.

И мудрые букшахи тоже чувствуют, что они на верном пути. Поэтому животные остановились у подножия черных утесов и бродят кругом, обнюхивая землю. Букшахи тоже знают, что лестница где-то здесь, но не могут ее найти.

«На рассвете мы увидим ее. Восходящее солнце озарит вершины Горы, и золотые ступени засияют в его лучах. Мы увидим ее, — подумал Роуэн. — Нужно лишь немного подождать».

Ему вдруг стало спокойно на душе.

В ушах по-прежнему звенело, но сейчас Роуэн узнал голоса друзей и смог различить отдельные слова.

— Почему он молчит и не отвечает? — с тревогой в голосе спрашивал Норрис, и Роуэн понял, что друзья уже несколько минут окликают его и задают какие-то вопросы.

Он повернулся к ним и взгляделся в их взволнованные лица. Перед глазами все плыло, но он смог разглядеть знакомые черты. Вот они — Зеел, Шаран и Норрис, лучшие из лучших, храбрейшие из храбрейших.

Внезапно Роуэн понял, что ему нужно сделать для того, чтобы исполнить приказ волшебного заклятия. Он знал, что это следует сделать перед восходом солнца, до того как рев Дракона возвестит начало нового дня. Потом лучи дневного светила озарят ступени золотой лестницы, и Роуэн один отправится навстречу судьбе.

«Смерть неизбежна, — говорил он себе, — Но погибнуть суждено не всем. Во сне я видел, что по сверкающим ступеням поднимаются только букшахи и вместе с ними я. Больше там никого не было».

Невыносимое одиночество охватило Роуэна. Вспомнились слова пророчества:

Разбитое сердце узнает свой путь,
И снова бесстрашный покажет себя.

Сначала ведь он не понял, что значат эти строки, и ломал голову, пытаясь догадаться, о чем же в них идет речь, но теперь все стало ясно. Роуэн понял, что нужно делать.

Едва шевеля пересохшими от волнения губами, он сказал:

— Настало время вам покинуть меня. — Мальчик сам не узнал своего хриплого голоса. — Дальше я пойду один и сделаю то, что нужно сделать для спасения нашего народа.

19. Признание

Норрис, Зеел и Шаран в один голос твердили, что расставаться не нужно ни в коем случае. Роуэн с самого начала знал, что они с ним не согласятся и начнут спорить. Стихотворение обрекало их на разлуку, но дружба, связывающая всех четверых, была сильнее любых пророчеств.

Роуэн понимал, что есть только один способ переубедить друзей. Он должен рассказать им о своем сне и о том, что он видел золотые ступени, ведущие к смерти. Сердце Роуэна сжалось при мысли о том, что ему придется говорить об этом сновидении, но иного способа убедить друзей, что его следует оставить здесь одного, он не видел. А ведь если говорить о последнем сне, придется признаться, что ему и раньше снились вещие сны, о которых он молчал.

«Если я скажу им об этом, Зеел, Норрис и Шаран перестанут мне доверять и нашей дружбе придет конец, ведь до этого я ни словом не обмолвился о пророческих снах, — с тоской думал Роуэн. — Но может, все к лучшему. Зеел, Норрис и Шаран были хорошими друзьями и не подозревали, что я что-то от них скрывал. Узнав это, они поймут, что настоящей дружбы между нами не было. Их обратный путь в Рин будет трудным, но целебная грязь из чудесного источника в роще поможет им преодолеть все опасности. Да и какие опасности могут сравниться с тем ужасом, что ждет их, если они останутся здесь».

— Вы ничего не понимаете! — громко сказал Роуэн. — И не можете понять, потому что все это время я вам лгал.

Зеел, Норрис и Шаран замолчали и удивленно посмотрели на Роуэна. Он опустил голову и, собравшись с духом, принялся рассказывать.

Он признался им во всем. Он говорил быстро и старался, не вдаваясь в детали, донести до друзей главное. Те, не перебивая, слушали его.

— Я должен был рассказать вам об этом раньше, но не сделал этого, — говорил Роуэн, не решаясь посмотреть своим слушателям в глаза. — Просто хотел сохранить нашу дружбу. Думал, что если вы узнаете о моих вещих снах, то с отвращением отвернетесь от меня. Я боялся стать таким же изгоем, как Шеба, которую недолюбливают все жители нашей деревни. Я ведь и так в родном Рине всегда чувствовал себя чужаком. Сейчас я понимаю, что все это было глупо. Мне нет прощения.

Повисла тишина. Роуэн — он по-прежнему стоял опустив голову — подумал было, что Зеел, Норрис и Шаран уже ушли и оставили его одного. Он поднял глаза...

Его друзья по-прежнему были рядом. Они не двинулись с места с тех самых пор, как он начал говорить. Лица их были печальны и суровы. На ресницах Шаран повисли слезинки. Взглянув на друзей, Роуэн подумал, что лучше бы они все, не говоря ни слова, просто ушли.

Вдруг Шаран кинулась ему на шею.

— Роуэн, я не могу поверить! — воскликнула она. — Не могу даже представить себе, что все это время ты один нес это тяжкое бремя. И все ради нас! Я бы так не смогла!

— И я бы не смог, — согласился Норрис. Он пожал Роуэну руку.

— Я бы, наверное, смогла, — сказала Зеел, — но, к счастью, мне пока не приходилось этого делать.

Роуэн с изумлением смотрел на них: ведь он действительно лгал друзьям, скрывая от них самое главное, а они в ответ готовы были простить его и даже восхищались им. Этого он

не ожидал.

— Я догадывалась, Роуэн, что ты о чем-то умалчиваешь, но даже и предположить не могла, насколько твоя тайна ужасна. Ты ведь даже нам боялся о ней рассказать, — задумчиво произнесла Зеел. — Но вот чего я до сих пор не могу понять: почему мы должны были отвернуться от тебя, узнав, что ты обладаешь редким и бесценным даром предвидеть будущее?

— Это проклятие, а не дар! — пробормотал Роуэн.

— Не важно, как это называется, — сказала Шаран. Она слегка отстранилась от Роуэна и, сжав ему руку, заглянула в глаза. — Если кого-то любишь, разве можно разъять на части душу и решить, что вот эта часть мне нравится, а эта — нет. Друга принимаешь таким, какой он есть, со всеми его достоинствами и недостатками!

— А главное, Роуэн, вот в чем, — перебил сестру Норрис. — Вчетвером мы составляем единое целое. Если ты думал, что тебе удастся отослать нас домой, ты жестоко ошибся.

Шаран кивнула, соглашаясь с братом.

— Я не стану тебя обманывать и говорить, будто не боюсь того, что нас ждет впереди, — сказала она. — Очень даже боюсь, но назад все равно не пойду.

— Но... разве ты не поняла, о чем я говорил? — запинаясь начал Роуэн. — Когда я увидел во сне золотую лестницу, мне стало ясно, что всех нас ждет верная смерть.

— И что с того? — спокойно спросила Зеел. — Хранитель букшахов, не тебе решать, оставаться нам здесь или отправляться в деревню! К тому же в пророчестве Шебы ясно говорится о том, что за букшахами должны идти четверо. — Зеел поглядела на Шаран, затем ее взгляд скользнул по лицу Норриса, и она вновь обратилась к Роуэну. — Мы пойдем вслед за мудрыми животными, куда бы ни привела нас эта дорога. Не думай, что мы это делаем только из любви к тебе. Мы остаемся, потому что любим нашу страну!

Роуэн пристыженно молчал.

Норрис откашлялся и сказал:

— Ладно, хватит об этом. Давайте лучше подумаем о том, что нам делать дальше. Что бы там ни говорилось в пророчествах, но мне совсем не нравится эта идея — сидеть на месте и ждать рассвета. Как будто мы уже приговорены и не можем распоряжаться собственной судьбой.

— Лестница, которую Роуэн видел во сне, вела к какой-то темной дыре. Наверное, это вход в пещеру, — предположила Зеел.

— Вряд ли, — возразила Шаран, — ведь оттуда вырывались клубы дыма.

— Во сне самые обыкновенные вещи часто видишь по-другому, — сказал Норрис. — Ведь и букшахи во сне выглядели не так, как наяву. Правда, Роуэн?

Роуэн не знал, что ответить. С одной стороны, Норрис прав, но с другой...

Зеел посмотрела вверх, туда, где, окутанная шапкой морозного тумана, белела злая Гора.

— Вон на утесе что-то виднеется. Может, это и есть тот самый вход в пещеру. Я думаю, нужно забраться туда прямо сейчас. Мы должны узнать, что там, наверху. Когда рассветет и мы снова полезем наверх, это нам пригодится.

Шаран хотела было возразить, но Зеел и Норрис даже не стали ее слушать. Для них сложный подъем в темноте был в сто раз легче бессильного ожидания. Роуэн не произнес ни слова. В предложении Зеел забраться наверх и узнать, что там — не пещера ли, — был определенный смысл, но что-то в этой затее его настораживало...

«Наверняка все это не нравится мне только потому, что ребята решили все сами, без меня, — подумал он. — Кажется, я слишком раскомандовался».

Мысль эта заставила Роуэна улыбнуться, хотя сейчас ему было не до смеха.

— Мне туда не забраться, — буркнула Шаран, посмотрев вверх.

Норрис рассмеялся.

— Да зачем же тебе туда лезть, — сказал он. — Мы с Зеел заберемся вдвоем. А потом спустимся вниз и расскажем вам с Роуэном, что мы там увидели.

Сердце Роуэна тревожно дрогнуло. Лучше бы этого не делать! Он чувствовал — нет, он точно знал, — лезть вверх не надо, но разве мог он приказать Норрису и Зеел остаться внизу, ведь они считали, что сделают нужное и полезное дело.

«Но все равно мне не следует сидеть внизу, когда другие лезут на утес, — тут же решил он. — Нужно самому узнать, что там».

— Я с вами, — сказал он. — Думаю, что сумею одолеть этот подъем.

— А как же Шаран? — воскликнул Норрис. — Разве можно оставить ее одну?

— Конечно можно, — обиженно сказала Шаран. — Я прекрасно обойдусь без няньки! Буду сидеть внизу и сторожить вещи. Если будет хоть малейшая опасность или вдруг букшахи двинутся в путь, я вас позову.

На том и порешили. Через несколько минут Роуэн, Зеел и Норрис уже карабкались по скалам.

Звездочка увидела, что ее хозяин полез вверх, и заволновалась. Роуэну показалось, что она хотела его остановить, но не знала, как это сделать. Он оглянулся на свою любимицу. Она рыла копытом землю, будто тоже хотела вскарабкаться вверх, но не могла — подъем был слишком крутым. Роуэн и его друзья лезли все выше и выше. Звездочка смотрела им вслед и, вытянув шею, недовольно мычала.

Сердце Роуэна тревожно заныло. «Звездочке тоже не нравится эта затея», — подумал он. В эту минуту камень из-под его ноги покатился вниз, и Роуэн чудом удержался на ногах — ему удалось ухватиться за выступ в скале.

— Осторожно, Роуэн! — крикнула сверху Зеел. — Эти скалы — опасная штука, особенно когда лезешь в темноте. Нельзя карабкаться вверх и при этом думать о чем-то постороннем.

Зеел была права. Роуэн последовал ее совету и, выкинув из головы тревожные предчувствия, продолжил подъем.

Наконец трем друзьям удалось добраться до вершины утеса. Воздух здесь был заметно холоднее, стелился леденистый туман. Роуэн поежился, взглянув на серое пятно, которое сейчас было прямо перед ним. Нет, ему снилось другое место. Роуэн не знал, радоваться этому или печалиться.

Серое пятно, снизу казавшееся крошечным, на самом деле оказалось довольно большим. И был это вовсе даже и не вход в пещеру. Пятно скорее было похоже на вкрапление серого цвета в горной породе.

Друзья принялись его рассматривать. Нет, все-таки это цельный камень, только он гораздо светлее темной породы, из которой состоит утес, и поэтому хорошо заметен снизу.

Норрис снял перчатки и потрогал камень пальцем, но тут же отдернул руку. От изумления он даже разинул рот.

— В жизни такого не видел! — воскликнул он. — На ощупь он твердый, но мягче, чем

камень. И что самое удивительное — он теплый, почти как моя рука.

— Норрис, ну разве можно быть таким неосторожным! — принялась выговаривать ему Зеел. — А вдруг это какой-нибудь ядовитый мох. Кто знает, что с тобой может случиться, если ты будешь трогать все, что тебе попадется под руку!

Норрис поспешно вытер пальцы о край плаща.

Зеел вытащила кинжал и вонзила его в необычное серое пятно.

— Если это мох, то какой-то очень плотный, — с удивлением сказала она, погружая нож все глубже и глубже.

Вдруг она резким движением выдернула нож, и кусочек чего-то серого попал ей на рукав. Зеел потрясла рукой, и он упал на землю.

— Чудеса, да и только, — прошептала она.

Зеел снова воткнула нож по самую рукоять и принялась ковырять необычный мох.

— Зеел, брось! Не надо! — сказал Роуэн, хотя отлично понимал, что она его не послушается.

Он посмотрел вниз. Шаран сидела на камне, а рядом толпились букшахи. Они явно были чем-то обеспокоены.

— Зеел... — снова начал он, повернувшись к девушке, — лучше бы нам...

Но Зеел не слушала его. Она вскарабкалась выше — теперь, чтобы достать ножом до серого пятна, не нужно было вставать на цыпочки и тянуться вверх. Зеел проделала в камне небольшую дыру и, припав к ней глазом, посмотрела, что там, внутри. Вдруг она вздрогнула и отпрянула от скалы. Роуэн удивленно взглянул на нее, но так и не понял, что произошло, — лицо Зеел по-прежнему было спокойным и бесстрастным.

— Сам посмотри, — невозмутимо сказала она.

Чтобы заглянуть в дыру, Роуэн стал карабкаться выше, но быстрый Норрис опередил его. Он заглянул в отверстие и тоже резко отпрянул, будто чего-то испугался.

— Что там? — нетерпеливо спросил Роуэн.

Лицо Норриса было белым как мел, а глаза потемнели от ужаса. Он слышал вопрос друга, но помертвевшие губы, бессильно шевелясь, не могли произнести ни слова.

Сердце Роуэна тревожно заныло, он заглянул в дыру.

Сначала он ничего не увидел — только бело-голубой туман, от которого заболели глаза и потекли слезы.

«Там, внутри, гораздо холоднее, — подумал он. — Хотя, странно, сам серый камень на ощупь вроде действительно теплый».

Он не сразу догадался, что серое пятно просто не пропускало ни холода, ни тепла.

«Что-то вроде шкуры букшаха — защищает и в жару, и в лютый мороз, — подумал Роуэн. — Да-да, я все понял. Из-за этой шкуры холодный воздух, находящийся внутри, не может выйти наружу. А то тепло, что снаружи, не может попасть внутрь. Этим веществом кто-то залепил все отверстия, через которые можно было проникнуть в ледяные недра Горы. Из-за этих серых печатей в чреве великанши круглый год лютый мороз, но кто это сделал и зачем?»

Роуэн вытер слезы и снова заглянул в отверстие, стараясь сквозь пелену клубящегося перед ним тумана хоть что-нибудь разглядеть. Постепенно его глаза привыкли к этой голубоватой дымке, и тут он увидел... большую пещеру — нет, не большую, а просто огромную. Четыре такие деревушки, как Рин, спокойно могли уместиться под ее необъятными сводами. Стены были покрыты голубоватым мхом — такой мох Роуэн уже

видел, когда несколько лет назад поднимался на Гору. Со сводов пещеры свисали беловатые изгрызенные плети. Присмотревшись, Роуэн понял, что это корни деревьев, растущих над пещерой.

Взгляд Роуэна лихорадочно скользил по гигантским стенам. Он увидел сотни сводчатых проходов, через которые можно было попасть в другие пещеры, столь же огромные. Бесчисленные ходы вели к центру Горы, к самому ее сердцу.

И тут вдруг Роуэн разглядел снежных червей — несметное количество этих отвратительных животных. Сотни, нет, не сотни — тысячи, десятки тысяч снежных червей... Их извивающиеся чешуйчатые тела покрывали весь пол пещеры. Они громоздились один на другом, их хвосты свивались в огромные кольца. Исполинские тела скользили по всем проходам — снежные черви прорывали новые и новые ходы и пещеры. Ужасные зубы все время что-то жевали. Роуэн понял, что жвачка снежных червей и есть то самое вещество, которым запечатаны расщелины.

Внутри Гора была пустой. Там было гигантское гнездо, в котором каждую минуту рождались тысячи новых червей. Роуэн заметил, что в углах пещеры лежат маленькие белые червячки — они скоро вырастут и станут такими же, как их родители!

В следующую секунду Роуэн увидел, что снежные черви, находившиеся поблизости от проделанного Зеел отверстия, вдруг повернули свои безглазые головы к дыре и со злобным шипением поползли прямо на него. Их зубы, похожие на острые осколки льда, были уже рядом.

20. Сотрясающий землю гром

Роуэн отпрыгнул и чуть не сорвался вниз. Спасло только то, что в последний момент ему удалось зацепиться за скальный выступ. Норрис и Зеел испуганно вскрикнули, а Шаран — она ждала их внизу — завизжала.

— Назад! — крикнул Роуэн друзьям. — Они почуяли тепло! Они уже здесь...

И тут все увидели, как от крохотной дырочки по скале побежали трещины. Вещество, которым была заделана расщелина, крошилось на глазах, и дыра ширилась, с каждой секундой становясь все больше и больше.

Роуэн, Зеел и Норрис поспешили вниз. Спускаться было непросто. Усталые ноги с трудом находили опору, а исцарапанные руки совсем онемели.

Тем временем гигантский червь сначала высунул голову, потом целиком вылез наружу и кинулся их догонять. Огромное тело, извиваясь, скользило по скалам. Из рта исполинского чудовища вырывались клубы леденистого тумана. Белая морозная дымка окутала все вокруг.

— Вниз! — кричала Шаран. — Спускайтесь!

Скорее, скорее вниз! Там теплее, чем наверху, и есть факелы. А неподалеку теплая рошица с волшебным источником.

Роуэн поскользнулся и чуть не сорвался вниз. Широко открытым ртом он хватал морозный воздух, и скоро у него отчаянно заболело горло. Роуэн поднял голову и поглядел наверх.

Снежный червь был прямо над ним. Отвратительная безглазая морда приближалась, сверкали острые зубы... Чудовище было огромным — его хвост обвивался вокруг вершины утеса, а голова спускалась к самому подножию. Роуэн посмотрел на скалу, откуда вылезла эта тварь, и не поверил своим глазам: от дыры не осталось и следа — как только снежный червь выполз наружу, отверстие кто-то аккуратно заделал.

«Как они быстро управились!» — подумал Роуэн, а ноги его тем временем отыскивали выбоины в скале, на которые можно было встать. Сердце билось как сумасшедшее. Роуэн не мог забыть отвратительных чудовищ, которых только что видел в пещере. Их было бесчисленное множество. Чешуйчатые тела извивались, огромные челюсти все время шевелились. Там получали вещество, которым заделывали расщелины... Так снежные черви сохраняли драгоценный холод внутри Горы...

Снаружи снежных червей было не столь много, но внутри Горы их было тысячи и тысячи. Они рыли тоннели, обгладывали корни деревьев, строили себе гнезда...

«Тысячи и тысячи? Да нет, миллионы и миллиарды!»

Роуэн даже застонал, подумав о том, сколько их там. Гора источена ходами, а в каждой пещере — сотни маленьких червячков. Сейчас стоят лютые морозы, а в холоде они растут быстро. Скоро они заполонят собой всю землю и на ней не останется ничего живого — ни людей, ни животных, ни дерева, ни кустика. Одни снежные черви!

Роуэн соскользнул ниже, еле удержался на ногах и с трудом перевел дыхание. Здесь уже было теплее, это точно. Вот наверху действительно мороз, а тут ощутимо дуновение теплого ветерка.

Снежный червь тоже почувствовал, что воздух потеплел. Он остановился, покачал огромной головой и злобно зашипел. Чудовище больше не чувствовало себя в своей стихии, однако оно упрямо продолжало ползти вниз.

Роуэн услышал крики и нашел глазами Норриса и Зеел — друзья были рядом, просто они успели спуститься чуть ниже. Вот Норрис протянул руку, и Роуэн заметил, что у подножия утеса движется огонек. Это спешила на помощь Шаран. Девочка карабкалась вверх, сжимая в руке факел.

Роуэн еще раз глянул вниз и увидел сгрудившихся букшахов. Шаран, видно, пришлось потолкаться, чтобы животные пропустили ее и позволили залезть наверх.

«Бедняжка ведь до смерти их боится», — подумал Роуэн и невольно улыбнулся. Шаран боялась безобидных букшахов, но не утратилась Запретной Горы и ужасного червя, который яростно шипел и разевал огромную клыкастую пасть.

Да она же запросто может поскользнуться и сорваться вниз! Роуэн с замиранием сердца смотрел на дрожащий огонек — забраться на скалу непросто, а Шаран еще и держится только одной рукой из-за того, что в другой у нее факел.

— Роуэн! — услышал он крик Зеел и чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Он стал смотреть туда, куда ему показывала девушка. Вершину Горы заволокло снежной дымкой. Роуэн вгляделся и похолодел от ужаса. Утес кишел отвратительными тварями. Их чешуйчатые тела извивались, они спускались все ниже и ниже. Огромные пасти, словно голубоватые ледниковые пропасти...

«Этого и следовало ожидать, — пронеслось в голове у Роуэна. — Глупо было думать, что всего лишь один червь выйдет защищать гигантское гнездо. Взрослые черви, конечно, снова залепили дыру, чтобы теплый воздух не попал внутрь, но у самой вершины Горы вечная мерзлота, и расщелины замазывать не нужно. Вот оттуда и лезут эти твари...»

Роуэн стал торопливо спускаться. Ему было страшно, но он, стиснув зубы, старался ни о чем не думать, кроме того, куда поставить ногу и как покрепче ухватиться за утес. Роуэн понимал, что, если он сорвется и упадет, снежный червь догонит его и проглотит с потрохами.

Разъяренное чудовище злобно шипело. Вокруг резко похолодало. У Роуэна перехватило дыхание, он закашлялся и посмотрел наверх.

Голова белого червя нависала прямо над ним, а огромного тела даже не было видно — морозная дымка заволокла все вокруг. За ним ползли другие черви. Тысячи и тысячи белых безглазых червей. В их дыхании — холод и смерть...

Неожиданно страшная догадка поразила Роуэна. Он заметил, что там, где копошились снежные черви, утес обледенел.

«Им не просто хорошо на холоде. Они сами замораживают все то, к чему прикасаются. Чем больше червей, тем холоднее на нашей земле... — думал Роуэн и сам холодел от ужаса. — От них нет спасения, от их ледяного дыхания не уйти!»

И в это мгновение гигантское чудовище кинулось на Роуэна. Он отпрыгнул, закричал, поскользнулся и покатился вниз. Мальчик пытался за что-нибудь ухватиться, но тщетно. От гибели Роуэна спасло лишь то, что на его пути оказался уступ, на который он и свалился, к счастью удачно.

От пережитого ужаса у Роуэна дрожали руки и ноги. Он поднял голову. Зубастая пасть свирепого чудовища покачивалась над ним. Исполинский червь быстро полз вниз — он, видно, решил не мешкая разделаться с Роуэном.

В этот момент чья-то ловкая рука запустила зажженным факелом прямо в морду кровожадному гаду. Снежный червь отпрянул и зашипел. Вместе с шипением из широко раскрытой пасти исторгались синеватые клубы морозного тумана. Предсмертная дрожь

прошла по телу огромного животного, и оно осталось неподвижно лежать на снегу.

Чьи-то сильные руки подхватили Роуэна и поставили его на ноги.

— Давай, быстро! — крикнул Норрис.

Снежные черви, увидев гибель своего собрата, устремились к ребятам с удвоенной скоростью. Роуэн с Норрисом поняли, что им следует поторопиться. Зеел и Шаран тоже быстро спускались вниз.

«Только бы они не упали! Только бы остались живы!» — волновались Норрис и Роуэн за девочек.

Когда через минуту они опять посмотрели на Зеел и Шаран, те уже были рядом с букшами. Норрис и Роуэн прибавили ходу, а когда тоже очутились внизу, обнаружили, что стадо передвинулось, а вместе с ним и Зеел с Шаран. Теперь букшахи стояли довольно далеко от того места, откуда Норрис, Зеел и Роуэн начинали свой подъем к серому пятну. Гигантские животные взяли девочек в кольцо, и им уже было не выбраться из стада.

Роуэн и Норрис, громко крича, кинулись к стаду. Когда ребята приблизились, букшахи сначала расступились, а потом окружили их.

— Ты почему здесь стоишь? — спросил у сестры Норрис, но Шаран ничего ему не ответила. Она лишь молча смотрела на брата потемневшими от ужаса глазами.

Он схватил ее за руку и начал трясти:

— Шаран, ты что, не видишь? К нам сползаются тысячи и тысячи червей! Спрячемся в роще! Только там мы будем в безопасности!

Норрис потянул сестру за собой и хотел было бежать, но букшахи его не пустили. Животные сгрудились вокруг ребят, не давая им выйти из стада. Букшахи стояли неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, — порой они принюхивались и тихо мычали, а иногда легонько тыкали носами Роуэна, Норриса и Зеел, будто хотели их подбодрить. Шаран они не трогали — видно, чувствовали, что девочка их боится.

Норрис звал букшахов, убеждал их выпустить его и все порывался бежать к роще, но напрасно. Стадо не двигалось с места.

— Роуэн! — крикнул Норрис. — Скажи им, чтобы они расступились!

Но Роуэн знал, что никакие уговоры тут не помогут. Звездочка — она стояла рядом — пристально смотрела на хозяина, и в ее черных глазах Роуэн видел решительность и непреклонность. Она не сдвинется с места и не даст ему выйти наружу.

Животные мудрые знают пути...

Роуэн не знал, что делать.

— Они нас не выпустят, — сказала Зеел. — Когда мы спустились с утеса, стадо окружило нас. Букшахи хотят, чтобы мы вместе с ними остались здесь.

В голосе Зеел чувствовалось беспокойство. Она вглядывалась в даль и будто чего-то ждала.

— Зеел, в чем дело? — шепотом спросил Роуэн.

— Прислушайся! — отвечала она.

Роуэн весь превратился в слух, но... но так ничего и не услышал. Только кровь стучала в висках, над ухом сопел Норрис да под копытами переступающих на месте букшахов поскрипывал снег.

Стихли завывания ветра, и над стадом повисла гнетущая тишина. Роуэну почудилось, будто ледяная великанша Гора тоже затаила дыхание и словно чего-то ждет.

Тишина становилась невыносимой. Роуэн не находил себе места. Он весь покрылся потом, у него зуб на зуб не попадал и слезы были готовы брызнуть из глаз.

Преодолевая страх, Роуэн заставил себя поднять голову и посмотреть наверх. Снежные черви, спускавшиеся с вершины, остановились на полпути. Клубился холодный туман, и Роуэн видел, что чудовища тоже как будто чего-то боятся.

— Чего же?.. — начал было Норрис, но осекся и замолчал.

На востоке небо окрасилось в кроваво-красный цвет. Занималась заря.

Далеко-далеко в своей пещере, затерянной среди заснеженных утесов, рычал Дракон.

Внезапно Роуэн услышал... раскаты грома. Все запрыгало у него перед глазами, и земля вдруг заходила ходуном. Он увидел, как огромные скалы рушатся и падают, словно карточный домик, задетый неосторожной рукой ребенка. Огромные валуны скатывались вниз, в своем падении увлекая за собой другие. Камни летели на снежных червей, оказавшихся на утесе, и давили их.

Вся Гора пришла в движение. Она сотрясалась, и камни с оглушительным грохотом катились туда, где всего несколько минут назад стояли Роуэн и Норрис. Они катились и дальше — туда, где чернел мрачный провал Унрин.

Роуэн упал на колени и уткнулся лицом в пушистый бок Звездочки. Он не мог больше этого видеть. Ему казалось, что рушится мир и что скалы вот-вот раздавят их всех.

Роуэн закрыл глаза, но от раскатов подземного грома было не скрыться. Он заткнул уши, но сам воздух дрожал от немыслимого грохота. Сотрясалось даже огромное тело Звездочки. Гудело все вокруг.

Такого гула и грохота Роуэн никогда не слышал. Рев Дракона, прячущегося на вершине Горы... голодное урчание кровожадных деревьев провала Унрин... шипение гигантского змея, которого он видел в Водяной стране, — ничто не могло сравниться с этими ужасными звуками, которые издавала разъяренная Гора.

Роуэн сжался в комок. Ему казалось, что сердце у него в груди вот-вот разорвется. Волна жаркого воздуха накрыла Роуэна с головой. Он зашатался и упал на землю.

21. Волшебная лестница

Болела голова. Звенело в ушах. Роуэн чувствовал, как Звездочка легонько подталкивает его, заставляя встать. Предводительница стада не могла больше ждать — вокруг нее недовольно мычали букшахи. Они били копытами и требовали, чтобы их хранитель немедленно встал и двинулся с ними в путь.

Из глаз Роуэна текли слезы, он почти ничего не видел. Наконец ему стало лучше и он увидел Звездочку — она стояла рядом, ожидая хозяина.

На небе светило солнце, ужасное утро миновало.

— Пора! — прошептал Роуэн. В его душе не было страха. Слыша раздраженное мычание букшахов, он понимал, что время пришло.

Роуэн с трудом встал на ноги. Голова шла кругом, и, чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за гриву Звездочки. Он почесал свою любимицу за ухом и заметил, что после купания в горячем источнике ее шерсть так и осталась жесткой.

Пастух вместе со стадом притихших букшахов двинулся к Горе. Всю дорогу Роуэн спотыкался и тер глаза. Вот наконец они приблизились к утесу.

Не стало прежде громоздившихся здесь огромных камней и валунов — будто гигантская рука великана смела все прочь. На их месте Роуэн увидел волшебную лестницу, явившуюся ему во сне. Лестница вся светилась в лучах... нет, не солнца, а какого-то загадочного золотистого сияния. Роуэн щурился — все виделось ему будто в какой-то дымке. Или это слезы набегали на глаза?

Вдруг он заметил, как вверху, рядом с волшебной лестницей, из расщелины вытекает сверкающая струя. Эта струя давала начало золотому ручью. Его воды были густыми, словно патока, и от них шел пар. Горячий ручей тек рядом с волшебной лестницей, а внизу спускался в лощину — полчаса назад там стояли букшахи и рыли копытами землю. В лощине ручей расширялся, и золотая вода неслась прямо к провалу Унрин.

«Это сон», — не веря своим глазам, подумал Роуэн.

Но нет, это было наяву.

Разбитое сердце узнает свой путь...

«Сердце великанши Горы разбилось сегодня утром и выплеснуло свою тайну наружу», — догадался Роуэн. Потоки расплавленного золота, вязкие, будто кровь, текли, струясь и журча, и падали вниз, в мрачный провал Унрин.

Роуэн знал, что Зеел, Норрис и Шаран тоже не могут отвести от этого чуда глаз. Он слышал их дыхание, чувствовал, что друзья рядом, но не говорил им ни слова. Молчали и они.

Звездочке наскучило ждать хозяина. Предводительница стада, а за ней и остальные букшахи двинулись к волшебной лестнице. Обходя лужи, наполненные остывающей золотой влагой, животные шли к Горе.

Вот они начали карабкаться по сверкающей лестнице. Только теперь Роуэн заметил, что букшахи стали такими, какими он видел их во сне. Они устали и сильно исхудали, но на гордых головах красовались высокие белые рога, от шерсти исходило сияние, а копыта блестели золотом. Роуэн видел, что там, где прошли букшахи, на земле оставались золотые следы от их копыт.

«Нужно идти следом за букшахами...»

Роуэн приблизился к золотой лестнице и начал подниматься по ее высоким ступеням. Он знал, что его спутники идут следом за ним, но не оглядывался и не заговаривал с ними. Мальчик упорно шел вверх. Золотой ручей, что тек рядом с лестницей, напротив, с веселым журчанием стремился вниз. Ущелье, куда он нес свои воды, было подобно кровавой ране на сердце ледяной великанши Горы.

Это был сон, неожиданно превратившийся в явь. Роуэн не знал, чем он закончится. Все сплелось здесь — и настоящее, и будущее, и старинные предания о давным-давно позабытых временах. Ему было страшно. Он понимал, что, может быть, впереди его ждет холодное молчание смерти.

Миновав расщелину, откуда вытекал золотой ручей, Роуэн поднял глаза и осмотрелся. Немного ниже жилища снежных червей — он заметил серые пятна на скалах — был вход в пещеру, напоминавший разверстую каменную пасть. Роуэн сразу вспомнил это место, ведь он уже видел его во сне.

Клубы горячего пара вырывались из пещеры, сумрачные тени укрывали вход в нее. Если сама пещера напоминала гигантскую пасть, то широкий уступ перед ней был словно чудовищный подбородок великана.

«Мы с Норрисом и Зеел, когда карабкались наверх, не видели никакой пещеры, — подумал Роуэн. Он глядел на крутые склоны Горы и представлял себе золотое сердце ледяной великанши. — Ее пылающее сердце прямо под нами. Оно разорвалось, исторгло из себя сверкающие потоки и, убив снежных червей, спасло нас от неминуемой гибели. Оно спасло нас... оно сохранило нам жизни для того, чтобы...»

— Для того, чтобы мы сейчас сделали то, что должны сделать, — вслух произнес Роуэн.

Он снова посмотрел на чернеющий впереди вход в пещеру и вдруг заметил, что на самом деле пещера немного отличается от той, которую он видел во сне. Если приснившаяся ему была похожа на беззубую черную пасть, то та, которую он сейчас видел перед собой, была еще ужаснее. Перед входом в нее, словно огромные клыки, из земли выпирали острые серые камни.

Роуэна охватил страх.

Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.

Он оглянулся и посмотрел на друзей.

— Вот мы и пришли, — спокойно сказала Зеел, глядя Роуэну прямо в глаза.

За ней стояла Шаран, крепко прижимая к груди драгоценную шкатулку с шелками, а рядом с ней Норрис.

Над головами смельчаков высился утес, увенчанный белой шапкой снега. То тут, то там на нем виднелись серые печати — это снежные черви замазывали расщелины, чтобы уберечь свои гнезда от тепла. Шумел горячий золотой ручей, обрушивая вниз свои сверкающие волны.

Чтоб стать добычей огня и льда.

Букшахи столпились у входа в пещеру. Они недовольно мычали и рыли копытами снег. Камни, выпиравшие из земли, не давали им войти внутрь.

«Они хотят идти дальше, — догадался Роуэн, — но им мешают эти страшные острые камни, которые так похожи на зубы».

Роуэн обрадовался. Что бы ни случилось в этой мрачной пещере с ним и его друзьями, букшахи останутся снаружи и не погибнут. Они показали своему хозяину дорогу к пещере — они совершили то, что им было предназначено судьбой.

Роуэн и его спутники двинулись к серым камням. Букшахи не хотели их пропускать. Животные фыркали и отталкивали ребят. Они не трогали только Шаран — наверное, не забывали, что девочка их боится.

— Букшахи меня не любят, — сказала Шаран.

— Да нет же — они просто понимают, что ты напугана, — ответил Роуэн, а сам подумал: «Если букшахи чувствуют, что она боится, тогда почему они окружили меня и не дают мне пройти? Я весь дрожу от страха. У меня мурашки бегут по коже и зуб на зуб не попадает. В душе — смертельный ужас. Разве по мне не видно?»

Роуэн приблизился к пещере. Влажный пар и золотистое сияние исходили оттуда. Под предводительством храброй Звездочки букшахи пытались пробиться сквозь каменное заграждение, мешавшее им войти внутрь. Наконец один камень дрогнул, но проход все равно был слишком узок.

Нет, букшахам не суждено войти в пещеру.

— Звездочка, не трать силы, — спокойно сказал Роуэн и ласково потрепал ее по холке. — Все равно ничего не получится.

Звездочка подняла голову и посмотрела мальчику в глаза. В ее взгляде Роуэн прочел грусть — предводительнице стада было стыдно за собственное бессилие.

— Ты вместе со стадом привела нас к пещере — этого достаточно, — утешал ее Роуэн, а у самого к горлу подступали слезы. — Теперь оставьте нас. Дальше мы справимся сами.

Звездочка замычала, упрямо топнула ногой и снова навалилась на камни, громоздившиеся у входа.

— Назад, Звездочка! Назад! — крикнул Роуэн. — Отведи стадо в рощу и жди нас там. В роще тепло и нет снежных червей. Вы поедите листьев и попьете воды из ручья. А потом...

может быть... растает снег, и вы сможете вернуться домой.

«Снег растает, если мы сделаем то, что надлежит, — думал Роуэн. — Если мы все-таки решимся это сделать. Если у нас хватит на это сил».

Роуэн потерял щекой о мохнатую шею Звездочки, в последний раз потрепал ее за ухом и скрылся за серыми камнями.

Там, внутри, стелился золотистый туман. Роуэн почти ничего не видел. Он вытянул руку, ощупал стены и дотронулся до низкого потолка. Вдруг он вспомнил, что огромное гнездо снежных червей находится прямо над ним, и мысль эта заставила его содрогнуться.

Норрис, Зеел и Шаран были рядом. Роуэн чувствовал, как они дышат ему в затылок. Он двинулся дальше.

Оставшиеся снаружи букшахи не переставали мычать. Роуэн различал голос своей любимицы Звездочки. Эхо на все лады повторяло их громкий тревожный рев, и вот уже вся пещера наполнилась скорбным, разрывающим душу стоном.

— Я вижу впереди свет, — прошептала Зеел.

Роуэн прищурился. Да, Зеел была права. Несмотря на то, что вход в пещеру остался позади, впереди становилось все светлее и светлее. В воздухе разлилось огненно-золотое сияние, и чем дальше шли друзья, тем ярче оно становилось.

Туман исчез. От него осталась лишь легкая дымка, сквозь которую легко было разглядеть каменный тоннель с низким потолком. По этому тоннелю они двинулись вперед.

Огненно-золотое сияние становилось все ярче. В конце тоннеля что-то светилось. Вот-вот они узнают, откуда льется странный свет, зачем они сюда пришли и что им следует делать. Потом их путешествие закончится. Но чем оно закончится?

Дрожали колени, и кружилась голова. Роуэну хотелось припасть к каменной стене, уцепиться за нее обеими руками и остаться здесь... Но было уже слишком поздно. Какая-то неодолимая сила влекла Роуэна к свету, и он, вместо того чтобы замедлить шаги, вдруг ускорил их.

Вот он уже в конце тоннеля. Яркий слепящий свет... Волны удушающего жара...

Друзья остановились и осмотрелись. Над их головами навис низкий свод пещеры. Серый, в отличие от каменных стен, он состоял из какого-то неизвестного вещества. Черные стены были в золотистых прожилках. Они блестели и переливались, озаряемые сиянием, исходившим из круглого отверстия в полу.

Больше в пещере ничего не было — только невыносимый жар да дрожащие тени. Только еле слышные отзвуки мычания букшахов.

Будто зачарованный, Роуэн медленно двинулся к круглому отверстию в центре пещеры.

Он заглянул в него и обмер. Глазам его открылась неизмеримая глубина гигантского жерла, на дне которого кипело и плавилось золото.

Это и было сердце великанши Горы. Роуэн не дыша смотрел на золотое бурление и не мог оторвать от него глаз. Он стоял ни жив ни мертв, и ему казалось, будто кровь застыла у него в жилах.

Но нет у вас к жизни другого пути —
Так просто от голода вам не уйти.

— Роуэн, отойди! Отойди от края!

Он узнал голос Шаран, но так и не понял, что она хочет сказать. Слух его наполнился другими голосами, и в ушах звучали иные слова.

Он слышал крики Нила: «Это — проклятие! Гора разгневалась и наказывает нас!»

Нила перебивал Норрис, вспоминая бесславную гибель жителей Золотой долины: «Как жителям Золотой долины удалось примириться с Горой? Если бы бедняги не погибли, мы бы узнали, что они для этого сделали».

Слышался взволнованный голос Зеел: «Знание о том, что сделал народ Золотой долины, чтобы умиловать Гору, погребено в глубине веков... Жители долины не рассказывали об этом... Они возгордились... А может быть, напротив, устыдились...»

— Они, конечно, устыдились, — бормотал Роуэн. — Наверное, цена этого примирения была слишком велика! Вот и жители Рина никогда не узнают, как мы здесь погибли. Гора будет молчать, и никто никогда не расскажет им о нашей смерти.

Из голодного чрева Горы послышалось недовольное ворчание. Великанша затаила дыхание и ждала, что будет дальше.

— Если нам суждено здесь погибнуть, то я готова умереть, — сказала бесстрашная Зеел.

22. Голод

Она взяла Роуэна за руку. Девушка стояла у края жерла, на дне которого плавилось золото. На секунду они встретились глазами. В этот момент Зеел была прекрасна — в ней соединились изящество бродников и сила зибаксов.

— Я готова умереть, — повторила Зеел. Норрис — он тоже стоял у жерла кипящего кратера — положил руку на плечо девушки и сказал:

— Мы не расстанемся. Я погибну с вами.

Роуэн посмотрел в честные глаза друга, и в его груди будто что-то оборвалось — скоро они все погибнут!

Лишь Шаран не двигалась с места и хранила молчание, но вот она заговорила неожиданно твердым голосом.

— Никто не должен умирать. Это неправильно! — сказала она.

— Шаран... — начал было Норрис, но она даже слушать его не стала.

— Гора таит множество загадок. Ее волшебные недра полны чудес, но она всего лишь нагромождение камней, земли и льда. Зачем ей чья-то любовь или чей-то страх, — твердила Шаран. — Вы говорите, что мы должны принести себя в жертву Горе, но что ей наши жизни? Нет, ей нужно другое...

Роуэн поднял голову, начиная освобождаться от своего наваждения.

Вдруг он почувствовал на груди жар волшебного медальона.

Шаран стояла у самой стены, и по ее щекам струились слезы.

— Шаран, ты не веришь пророчеству, потому что боишься, — тихо сказала Зеел.

— Конечно боюсь! — вскричала Шаран. — Любой, в ком есть хоть капля здравого смысла, будет бояться. Но вовсе не потому я отказываюсь умирать. Просто это глупо!

Роуэн, Зеел и Норрис непонимающе уставились на нее.

— Вы смелые и бесстрашные, но есть у вас головы на плечах или нет? — Шаран даже топнула от возмущения. — Вы что думаете — броситесь в кипящую лаву, и в Рине тут же растает снег, зацветут цветы и погибнут снежные черви? Ваша смерть ничего не изменит!

Роуэн подумал, что Шаран, пожалуй, права, и отошел от края пропасти.

Глухой гул донесся из чрева Горы. Под ногами ходуном заходил каменный пол.

— Некогда раздумывать! — тихо сказала Зеел. — Великанша злится, вы же слышите это. Я больше не могу...

— Роуэн, а как же твой медальон? — воскликнула Шаран. — Пусть он подскажет, что делать!

— Нет, — отвечал Роуэн. — Каждый из нас уже задал ему свой вопрос. Боюсь, что если мы будем спрашивать еще... нам никто не ответит.

Роуэн был уверен, что у него ничего не получится, но все равно протянул руку к волшебному медальону и неожиданно для себя ощутил ответный жар. Медальон трепетал, будто живой, и Роуэн почувствовал, что слова уже готовы сорваться с его губ. Он открыл рот... и услышал то, что давным-давно знал наизусть.

Животные мудрые знают пути,
И следом за ними должны вы пойти.
Один будет грезить, другой — рыдать,
Третий — сражаться, четвертый — летать.

Все четверо вместе пойдете туда,
Чтоб стать добычей огня и льда.
Но нет у вас к жизни другого пути —
Так просто от голода вам не уйти.
В ужаснейшем этом сражении, поверьте,
Найдете свой путь вы меж жизнью и смертью.

Отзвучали последние слова. Роуэн ждал, что будет дальше. Он чувствовал легкую усталость, но ни головокружения, ни боли не было.

— И что?.. — тихо спросила Зеел.

— А то, что четверо должны пойти туда, где они станут добычей огня и льда, — мрачно сказал Норрис. — Нам суждено погибнуть здесь, в этом огненном жерле, в самом сердце ледяной великанши. Я уверен, в пророчестве говорится именно об этом.

Роуэн снова и снова повторял про себя эти строки, пытаясь разгадать страшную загадку, от которой зависели жизнь и смерть его друзей. Он вспомнил Шебу. В ушах зазвучал ее свистящий шепот. Сам Роуэн произносил пророчества так же, как их произносила она. Повторял слово в слово. Не искажал ни единого звука, сохранял интонацию, делал паузы в тех же местах. И все-таки...

— Понимаете, в той строке, где говорится о том, что мы должны стать добычей огня и льда, в конце стоит точка. И только через одну строку та, где говорится, что так просто от голода нам не уйти, — начал объяснять он. — Но между ними — точка, пауза, и, значит, по смыслу они слабо связаны между собой. Я раньше не обращал на это внимания, а сейчас вдруг заметил, что это все меняет!

— Ну и пусть там будет пауза. Смысл-то остается тем же, — не согласилась Зеел. — Нам суждено погибнуть. Мы станем жертвой огня и льда.

— Да нет же! Все не так! — перебил ее Роуэн. — Мы должны были прийти в то место, где соединяются огонь и лед. И вот мы здесь — в самом центре огромной ледяной горы, на краю кипящего жерла. Дальше в пророчестве говорится, что от голода нам так просто не уйти, но наш путь был полон опасностей, и каждый ради общего дела был готов жертвовать самым дорогим. Шаран едва не лишилась драгоценных шелков. Помните, она подставила под удар шкатулку, когда мы дрались друг с другом в той страшной пещере! Норрис уже приготовился к смерти, у входа в ущелье сражаясь со снежным червем. Ты, Зеел, лишилась воздушного змея и сама чуть не погибла, а все ради того, чтобы спасти Норриса. А я... — Роуэн смущенно улыбнулся и на мгновение замолчал. — Я готов был пожертвовать самым дорогим, что у меня есть, — дружбой с вами. Я хотел вас спасти и только поэтому собирался идти дальше один.

— Да, ты прав, — сказала Шаран. — Мы явились сюда и тем самым стали добычей этого страшного места. Наш путь был непрост, но мы все-таки пришли к своей цели. А теперь мы должны совершить то, ради чего мы здесь. Это нужно сделать до того, как....

Шаран не договорила, потому что земля вдруг снова задрожала.

«До того, как начнется новый камнепад, — догадался Роуэн. — Если мы не успеем, золотую лестницу засыплет и нам отсюда будет не выбраться. Под обвалом погибнут и букшахи».

— Там что-то говорилось про путь, который между жизнью и смертью, — слышался

голос Норриса. — Это о чем?

Роуэн напомнил ему последние слова пророчества:

Но нет у вас к жизни другого пути —
Так просто от голода вам не уйти.
В ужаснейшем этом сраженьи, поверьте,
Найдете свой путь вы меж жизнью и смертью.

Вдруг краем глаза Роуэн увидел, как в том углу, где стояла Шаран, что-то шевельнулось. Он стал всматриваться и разглядел девочку в плаще из шкуры букшаха, сжимающую в тонких руках деревянную шкатулку. Рядом с ней, склонившись над пергаментом, сидел худенький мальчик. В руке он держал гусиное перо.

Роуэн уже знал, что напишет этот мальчик, — он будто смог прочесть мысли того, чьи пальцы сейчас водили пером по пергаменту.

«Друзья мои, вы вернетесь и захотите узнать, как все это было. Я пишу это для вас...»

В памяти Роуэна вдруг возникла картина с одного из тех шелковых полотнищ, что были в шкатулке у Шаран. Черная тропа, уходящая на восток, вереница устало бредущих людей, Гора над деревушкой, потонувшей в снегах... И тысячи снежных червей — они выползают из морозного тумана, разевают зубастые пасти... А рядом букшахи. Животные сгрудились у подножия Горы, их почти не видно. Они — лишь черные точки на заснеженном поле.

Лишь черные точки на заснеженном поле...

Роуэн затаил дыхание. Он видел, как мальчик, сидящий возле Шаран, перестал писать и поднял голову. Роуэн посмотрел ему в лицо и узнал самого себя. Роуэн не мог отвести глаз, не мог отвернуться. Призрак улыбнулся Роуэну и снова склонился над пергаментом.

Роуэн зажмурился. Сердце его колотилось, словно хотело выскочить из груди. Норрис, Шаран и Зеел заворуженно смотрели на него.

— Что ты там видишь? — не выдержал Норрис. — Ты уставился... в пустоту. Может, знаешь, что с нами будет? Скажи нам!

Роуэн ничего не ответил. Он прислушивался к мычанию голодных букшахов. Эхо на все лады повторяло их голоса, и пещера наполнилась жалобными звуками, издаваемыми несчастными животными. Звездочка стояла у входа в пещеру и не желала уходить.

Букшахи...

Букшахи живут у подножия Горы с тех самых пор, как на эту землю пришли бродники. А может, они жили здесь еще раньше. В роще Роуэн спас их от верной смерти, и мудрые животные привели его сюда, к самому сердцу ледяной великанши, решившей покарать жителей Рина.

Букшахи, верные букшахи... Ласковые гиганты радостно мычали, когда приходил их хозяин, любили обнюхивать Роуэна, Зеел и Норриса и обходили лишь Шаран. Букшахи прошли через скалистое ущелье, и рога их стали острыми, словно лезвие ножа. Они искупались в водах целебного источника, и шерсть их стала густой и жесткой. Их копыта отливают золотом... Но животные голодны, и верных товарищей нужно накормить.

Роуэн оглядел пещеру. В каплях расплавленного золота каменный пол. Изрезанные золотыми прожилками гладкие черные стены. Станный низкий свод — сейчас он озарен ярким светом, льющим из круглого отверстия в полу.

Серый свод... серый...

Роуэн встал на цыпочки и потрогал его рукой.

Роуэна вдруг осенило. Он схватил Норриса за руку:

— Помоги мне!

Вдвоем они побежали к выходу. Девочки едва поспевали за ними. Они не понимали, в чем дело, и что-то кричали, но Роуэн даже не обернулся и не стал тратить время на объяснения.

Четверо бежали по тоннелю, окутанному пеленой золотистого тумана. Эхо на все лады повторяло рев букшахов, но Роуэн различал голос Звездочки и слышал ее призывное мычание. Вот уже в конце тоннеля виден свет...

Роуэн и его друзья оказались у выхода из пещеры. Букшахи все еще бродили вокруг серых камней и пытались пробраться внутрь. Звездочка в нетерпении рыла копытом землю. Увидев Роуэна, она подняла голову и замычала.

— Назад, Звездочка! — крикнул он и навалился на большой камень, который букшахи уже не раз пытались сдвинуть с места. Звездочка поняла, чего от нее ждет хозяин, и послушно отошла в сторону.

Подбежал Норрис и вместе с Роуэном стал толкать камень, мешавший животным войти в пещеру. Зеел и Шаран тоже старались изо всех сил. И гигантский камень, уже расшатанный букшахами, неожиданно подался и откатился от входа. Путь в пещеру был свободен.

Букшахи ринулись вперед. Роуэну и его друзьям пришлось прижаться к стенам, иначе обезумевшие животные растоптали бы их. С ревом и топотом, подобно гремящему урагану, стадо неслось по тоннелю, туда, где в подземелье, в бездонном жерле, кипело золото. Роуэн, Зеел, Норрис и Шаран побежали следом за ними.

— Зачем все это? — спросил Норрис.

— Так надо. Мы должны следовать за букшахами, — на бегу ответил Роуэн. — Только теперь я все понял. Мы отправились в путь лишь затем, чтобы помочь букшахам целыми и невредимыми добраться до подземной пещеры. Там букшахи — слышишь, букшахи, а не мы! — сделают то, что давным-давно нужно было сделать, чтобы спасти Рин от лютых морозов и снежных червей.

— А что они там сделают? — спросила Шаран, но Роуэн не ответил ей: они уже догнали букшахов, и все объяснения были излишни.

Букшахи подняли головы и вонзили свои могучие рога в серые своды пещеры. Шаран всегда боялась этих огромных рогов и недоумевала, зачем мирным животным столь грозное оружие. Теперь она поняла зачем. Острыми рогами букшахи сковыривали то плотное серое вещество, которым снежные черви заклеивали расщелины. Они пожирали эту серую массу с такой жадностью, будто это было самое лучшее лакомство в мире. Камни и земля полетели вниз.

— Снежные черви строят из этого вещества свои гнезда! — крикнул Норрис, глядя на свод, готовый вот-вот обвалиться. — Их жилище прямо над нами! Роуэн, скажи букшахам, чтобы они немедленно прекратили! Ведь сейчас они разрушат их гнездо и тысячи кровожадных тварей ринутся прямо на нас! Останови их, иначе мы погибнем!

— Нет! В этом наше спасение! — твердо возразил ему Роуэн. Он был уверен, что только сила букшахов поможет им уничтожить снежных червей, но сердце его тревожно сжалось, когда Звездочка мощным ударом острых рогов содрала последний слой серой массы,

отделявший пещеру от гнезда злобных гадов.

Все потонуло в ледяном тумане — это было морозное дыхание снежных червей. Разевая огромные пасти, они злобно шипели, и Роуэн видел их зубы, похожие на зазубренные осколки льда.

Шаран подняла голову и испуганно вскрикнула, но не успело эхо повторить ее крик, как от снежных червей уже ничего не осталось. Их мощные тела задрожали и съежились, безглазые морды исказились в предсмертном оскале, и через секунду отвратительные чудовища исчезли. Растаяли без следа, словно их никогда и не было.

— Их убил горячий воздух! — Радостный крик Роуэна заглушил победный рев букшахов. — Снежные черви не выносят тепла. Оно погубило их!

А тем временем Звездочка отыскивала все новые и новые расщелины, заделанные снежными червями, взламывала серые печати, и жар подземного кратера уничтожал кровожадных тварей, растворяя их в воздухе.

Еще недавно недра ледяной великанши были царством снежных червей. Теперь их безраздельному владычеству настал конец.

23. Тени забытых предков

Мало-помалу букшахи успокоились. Они больше не кидались с голодной яростью на серую массу, из которой снежные черви строили свои гнезда. Животные неторопливо подьедали те куски, что валялись на полу, а потом снова принимались искать запечатанные расщелины. Множество червей погибло, но некоторые, вероятно, еще были живы. Те, что осмеливались вылезти наружу, тут же умирали, опаленные жаром подземного кратера.

— Свершилось то, о чем говорится в пророческих строках, — радостно сказал Норрис. — Мы нашли свой путь меж жизнью и смертью. Снежные черви должны были умереть, а нам суждено было остаться в живых.

— Думаешь, снежных червей больше не осталось? — усмехнувшись, спросила Зеел. — Да ничего подобного. Конечно, букшахи разрушили их огромное гнездо, и его обитатели мертвы. Погибли и те, что погнались за нами. Но на вершине Горы — лютый холод и вечная мерзлота. Там черви по-прежнему живы. — Зеел подняла голову и заглянула в черную дыру, зияющую на месте, где еще недавно был свод. — Внутри Горы становится все жарче. И это придется не по нраву червям на вершине Горы. Скоро они спустятся вниз и снова попытаются залепить своей клейкой жвачкой расщелины, через которые в их жилища проникает тепло.

Роуэн и его друзья сидели в пещере у самой стены и старались держаться подальше от букшахов, еще недавно готовых все смести на своем пути. Роуэну показалось, что после того, как обрушился свод, в пещере слегка похолодало. На самом деле вокруг становилось все жарче — только он этого почему-то не ощущал.

— Наверное, жидкая грязь из целебного источника защищает нас от жары, — предположил Роуэн. — Мы искупались, и она осела на нашей одежде и коже. И на шкурах букшахов тоже. Вы заметили, им почему-то не жарко?

— Помните, — заговорила Шаран, — перед тем как войти в ту ужасную пещеру с ледяными колоннами, мы шли по узкой тропе, петляющей меж утесов. Стадо прошло по ней незадолго до нас, и мы видели, что на скалах остались длинные царапины. Я только сейчас догадалась, что именно там животные наточили свои рога, и они стали острее ножа. Когда потребовалось разворотить свод пещеры, букшахи с легкостью это сделали. — Шаран покачала головой. — А потом на нашем пути оказался волшебный источник. Мы искупались в его водах, и целебная грязь спасает теперь нас от жара. Будто чья-то мудрая рука вела букшахов и нас по верному пути, оберегая от бед и опасностей. Все это просто чудеса!

— Букшахов вел тысячелетний инстинкт, — сказал Роуэн. — С тех самых пор, как они поселились в долине, стадо каждую зиму уходило кормиться в горную пещеру. Каждую зиму животные приходили сюда и съедали то, что за лето успевали построить снежные черви. Чудовища отступали, и таким образом поддерживалось равновесие между теплом и холодом.

— А почему же тогда наступила эра холодов? — спросил Норрис. — Или это просто сказки?

— Скорее всего это было на самом деле, — ответил Роуэн. — И я думаю, холода наступили из-за того, что жители Золотой долины построили изгороди, чтобы букшахи были с ними круглый год.

— Но зачем им вдруг понадобилось строить эти изгороди? — удивилась Зеел. — Для жителей долины Гора никогда не была запретным местом, и в отличие от бродников они

всегда могли подняться наверх и посмотреть, что же букшахи делают в пещере. Они могли бы догадаться, что стадо, уничтожая гнезда снежных червей, спасает землю от холодов.

Роуэн вздохнул:

— Я, возможно, ошибаюсь, но мне кажется, все эти беды произошли из-за того, что в какой-то момент жители долины заметили: чем жарче в подземной пещере, тем сильнее течение золотого ручья. Обитатели Золотой долины ни с кем не хотели делиться своей тайной и никому не рассказывали о том, как они добывают золото. Они думали о своем богатстве, а не о том, что Гора живет по собственным законам, которые не следует нарушать.

— Теперь я понимаю... — пробормотала Зеел. — Надо же быть такими тупицами! В конце концов они, видно, поняли, что натворили, и выпустили букшахов на волю, но никому не рассказывали о своем позоре, даже бродникам. И правда, было чего стыдиться...

— Мне, честно говоря, тоже стыдно, — проговорил Роуэн. — Я бы мог догадаться, что стадо неспроста каждую зиму ломает заграждения и пытается уйти к Горе. Букшахи мудры и знают, что делают. А я даже не попытался вникнуть в причины их странного поведения. Вместо этого я ловил их и отводил обратно в загон, где были запасы сена. Вообще-то я частенько размышлял над тем, как же букшахи переживали суровые зимы до того, как жители Рина поселились в долине, но так и не догадался.

Зеел нахмурилась:

— Роуэн, когда в Золотой долине появились кровожадные деревья Унрина, здесь случились страшные обвалы, так ведь? Волшебную лестницу и вход в пещеру завалило камнями. Букшахи больше не могли в нее попасть. Им, значит, стало нечего есть?

— Букшахи все равно приходили к пещере и ели листья деревьев, — ответил Роуэн. — Конечно, этого было недостаточно, и зимой бедняги голодали, но потом в эти края пришли мои предки. Подобно обитателям Золотой долины, они стали строить изгороди для букшахов. Чутье подсказывало мудрым животным, что нужно идти к пещере, но зимой их держали в неволе и кормили сеном, и букшахи... вместе с людьми они оставались в деревне.

— И с каждым годом становилось холоднее, ведь снежные черви все размножались, они спускались с Горы и своим дыханием замораживали все вокруг, — сказала Зеел. — Зимы тянулись дольше обычного, морозы год от года крепчали. А все потому, что черви замазывали расщелины в горах и не было букшахов, которые сокрушали бы их гнезда.

В пещере было жарко, но у Зеел мурашки выступили на коже. Она поплотнее закуталась в плащ.

— Но ведь после обвала букшахи все равно не могли попасть в пещеру. Значит, если бы ринцы не поселились в долине, животные просто бы вымерли — зимой им нечего было бы есть! — воскликнул Норрис.

— Погибли бы не только букшахи — погибла бы вся земля, — тихо сказала Зеел. — Но букшахи выжили и привели нас сюда, чтобы мы помогли им войти в пещеру. — Девушка задумчиво посмотрела на Роуэна. — Счастливая звезда привела твой народ в долину. Люди твоего племени спасли букшахов от голодной смерти. Народу Рина были не страшны лютые морозы...

«Счастливая звезда? Случай? Или все было с самого начала predetermined?» — гадал Роуэн.

— Роуэн, а что ты увидел тогда, когда мы вошли в пещеру? — вдруг спросил Норрис. — Ты нам об этом так ничего и не рассказал. Как ты догадался, что букшахи разрушат гнезда снежных червей?

Роуэн покачал головой и медленно поднялся на ноги. Он понимал, что настало время раскрыть последнюю тайну Горы. Раньше им нужно было, не раздумывая, действовать, поэтому-то Роуэн и молчал, но сейчас настала пора все рассказать...

У него не было никаких доказательств, только смутные догадки. Да и кто ему поверит? Не было ничего, что могло бы подтвердить его правоту.

Норрис, Зеел и Шаран двинулись вслед за Роуэном туда, куда почему-то не заходили букшахи, — в самый темный угол пещеры. Там Роуэн видел своего двойника, склонившегося над желтым пергаментом.

Сейчас все выяснится...

Роуэн остановился. Он хотел зажечь факел, но руки его дрожали. Зеел с тревогой поглядела на мальчика и отдала ему свой факел.

Яркие блики побежали по черным стенам пещеры. Роуэн сделал еще несколько шагов...

В углу, посреди горстки праха и костей, лежала деревянная шкатулка.

— Шаран! Это твоя шкатулка! Как ты могла ее здесь потерять?

Норрис вдруг замолчал. Он оглянулся и увидел, что шкатулка Шаран у нее в руках — девочка по-прежнему крепко прижимала ее к груди.

Роуэн опустился на колени и взял в руки шкатулку, что лежала на полу. Она была окована жемчугом, и это спасло ее от палящего жара.

Защелка отлетела сама собой, и Роуэн откинул крышку. Внутри на маленьком деревянном подносе лежали маленькие стеклянные флакончики с красками. А рядом с флакончиками — уже знакомый ему свиток.

Роуэн схватил его и поспешно развернул. Пергамент сплошь был покрыт письменами. Этот тонкий неровный почерк было нелегко разобрать.

Роуэн стал медленно читать вслух:

Друзья мои, вы вернетесь и захотите узнать, как все это было. Я пишу это для вас. Флисс — хранительница шелков — уже очень слаба.

Столицу водяного народа захватили зиаки, но Брону удалось бежать из города. Он был ранен, но это не помешало ему за два дня добраться до долины. Брон передал нам распоряжение старейшин.

Как и было нам велено, мы взяли шкатулку с драгоценными шелками и вместе с букшахами отправились в пещеру. Брон, Флисс и я двинулись через долину к сердцу Горы. В пути нас подстерегали опасности, но в конце концов мы достигли цели.

Друзья, мы ждали хоть какой-нибудь весточки от вас. Полонили ли вас зиаки, или вы сами сокрушили врага? Вестей не было, и мы не знали, что и думать...

Голос Роуэна прервался.

— Кто это написал? — хрипло спросил Норрис. — Я ничего не понимаю.

— Молчи, Норрис! — прошептала Зеел.

Проглотив комок в горле, Роуэн продолжал читать:

Весной снег растаял, и букшахи ушли из пещеры, а мы остались здесь. Как-то раз Брон поднялся на вершину Горы и рассказал нам, что оттуда видны какие-то новые дивные цветы, распустившиеся в долине. Мы сожалели, что вас нет рядом, ведь вы тоже порадовались бы этому великолепию...

Роуэн сразу догадался, что это за «новые дивные цветы», которые увидел Брон. Это были страшные деревья Унрина. Семена их занесло в долину с вершины Горы. А мальчик, написавший это письмо, и не догадывался о том, что благоухающие кусты с дивными цветами скоро вырастут и превратятся в кровожадные деревья, которые погубят все живое.

Норрис, Зеел и Шаран молчали. Затаив дыхание, они ждали, что же будет дальше. Роуэн собрался с духом и снова стал читать:

Через несколько дней мы заметили, что неизвестная болезнь поразила птиц и лошадей. Они падали и оставались лежать неподвижно, объятые сном. Боясь, что это происки зиаков, мы решили не выходить из пещеры. А еще через несколько дней случились страшные обвалы. Скалы рушились, и земля уходила из-под ног. Мы переждали это время в пещере, а когда захотели выйти, обнаружили, что вход в нее завален камнями...

— Корни деревьев подрыли землю и скалы, и от этого случились те страшные землетрясения и оползни, о которых рассказывал Огден! — воскликнула Зеел. — А бедняги в то время были в пещере, вот их и замуровало.

Зеел посмотрела на горстку праха у своих ног — это было все, что осталось от несчастных страдальцев, — и сжала кулаки.

Проходили недели. Силач Брон пытался отвалить камень, перегородивший вход, но все было тщетно. Запасы еды и питья подошли к концу.

Друзья мои, мы скоро умрем, но драгоценные шелка — в целости и сохранности. Эта мысль утешает нас, и мы не страшимся близкой смерти.

Каждую секунду мы думаем о вас, о люди нашего племени, и тревога терзает наши усталые сердца. Однако что-то подсказывает мне, что в один прекрасный день вы вернетесь. Родина позовет вас, и вы откликнетесь на ее призыв. Придите тогда сюда, к сердцу великанши Горы, отвалите камень и пустите букшахов в пещеру! Здесь вы найдете наши бранные останки. Похороните их в доброй земле под открытым небом, ибо такова наша последняя воля.

Да пребудут с вами наша любовь и благословение.

Эван, хранитель букшахов.

— Эван, хранитель букшахов, — прошептала Зеел.

На ее глазах выступили слезы, но она их не вытирала. Роуэн с удивлением смотрел на нее — впервые он видел, чтобы Зеел плакала.

Он свернул пергаментный свиток и отдал его Норрису, а сам взял в руки шкатулку и осторожно вытащил деревянный поднос с разноцветными красками в стеклянных флакончиках. Внизу было еще одно отделение — в нем лежали рулоны тонкого шелка.

Шаран вскрикнула и кинулась к Роуэну. Ее руки дрожали. Она схватила шкатулку и стала доставать бесценные шелка. Сначала бережно развернула тот, что лежал сверху.

«Черная тропа, уходящая далеко на восток, вереница усталых людей, стадо букшахов и Гора над потонувшей в снегах деревушкой...»

— Точно такой же, как у тебя! — прошептал Норрис, и суеверный ужас исказил его лицо. — Шаран, ведь эту картину нарисовала ты.

— Нет, — возразила Шаран. — Та, что у меня в руках, очень старая. Посмотри, как выцвели краски. А вот еще, смотри... — Шаран указала на какие-то темные пятнышки. — Видишь, это букшахи. На моей картине они за изгородью. А когда свои картины писала Флисс, люди Золотой долины букшахов не запирали. Хранительницы шелков изображают только то, что происходит на самом деле. Посмотрите, какая красота!

Роуэн, Зеел и Норрис во все глаза смотрели на старый шелк. А Шаран принялась разворачивать остальные. Старинные шелка были тонки, словно осенняя паутина, но краски притягивали взгляд, и люди на картинах были как живые.

Драгоценные полотнища рассказывали о славном прошлом жителей Золотой долины, о далеких войнах, о победах и поражениях.

Вот Мудрейшая ведет свой народ к побережью, где должна состояться битва... Войско свирепых зибакков нападает на жителей тихих долин... Вот раненый воин — он так похож на Норриса! — опираясь на костыль, рассказывает обступившим его людям о жестокой схватке, где полегло много смелых воинов. Слушатели внемлют тревожным новостям, а вокруг них — безбрежные просторы Золотой долины. В полях пасутся тонконогие кони, перед каждым домом сидит золотая сова с изумрудными глазами, а тропинки выложены драгоценными камнями... А еще на одной картине трое странников в тяжелых плащах карабкаются вслед за букшахами по сверкающей лестнице. Впереди зияет черная разверстая пасть пещеры.

— Значит, все-таки предвестники бродников добрались до Золотой долины, — задумчиво сказала Зеел. — И союзники двинулись к побережью на помощь водяному народу. В городе остались лишь пастух Эван да хранительница шелков Флисс, но в пути на жителей Золотой долины напали зибакки.

— Они полонили их, заковали в цепи и отправили за море, где несчастные стали рабами, — проговорил Роуэн.

Зеел кивнула:

— А бродники и водяные люди в это время прятались кто где. И ни один человек даже не догадывался о злой участи жителей Золотой долины. И только мы знаем о том...

— Подожди, — перебил ее Норрис, — ведь это значит, что...

— Это значит, что жители Золотой долины были нашими предками, — прошептала Шаран. — Наш народ жил на этой земле много веков назад. Долина — наша родина, здесь рождались и умирали наши деды и прадеды!

— Целый народ неожиданно исчез с лица земли. Смелые и сильные люди все как один пропали, — твердила Зеел, пытаясь осмыслить то, что так неожиданно выплыло на поверхность из глубины веков. — Прошли столетия, и горстка изможденных рабов, забывших о своем прошлом, пришла на эту землю. Кто бы мог подумать, что они — плоть от плоти исчезнувшего племени Золотой долины?

— Думаю, Огден об этом догадывается, — ответил Роуэн. — Он помнит множество легенд о прошлых временах. Его сразу насторожили наши шелковые свитки, ведь он знал, что среди жителей Золотой долины существовал обычай запечатлевать на них важные события своей истории.

Зеел, Шаран и Норрис склонились над шкатулкой и стали сворачивать шелка, а Роуэн сжал в руках кусок пожелтевшего пергамента.

— Мы здесь, Эван — хранитель букшахов! Мы с тобой! — прошептал он. — Ты знал, что однажды люди твоего племени вернутся сюда. И вот мы здесь!

24. Встреча

Роуэн, Зеел, Шаран и Норрис решили оставить букшахов в пещере — пусть полакомятся в свое удовольствие! — а сами отправились в обратный путь.

Назад они шли не с пустыми руками. Они возвращались с двумя шкатулками с драгоценными шелками, чтобы сообщить Ланн и Бронден, от какого славного народа берет свое начало их племя. Они несли с собой бранные останки тех, кто погиб в пещере много лет назад. Это были смелые люди — воин Брон, хранительница шелков Флисс и пастух Эван.

— Наши предки были похожи на нас? — спросила Шаран у Роуэна.

Друзья медленно шли по тропе.

— Да, они были совсем как мы, — сказал Роуэн. — Сначала я думал, что вижу самого себя, что это вещие сны о нашем будущем.

— А помнишь призраков — ты видел их близ пещеры... Голодные глаза, провалившиеся рты... Это были?..

Роуэн содрогнулся. Нет, не от холода — от ужасных воспоминаний.

— Думаю, это были люди, погибшие здесь давным-давно, в эру холодов.

Мальчик знал: ему никогда не забыть этих лиц, искаженных страданиями и страхом. Они были так похожи на лица его родных...

Шаран закусила губу и задумалась. Некоторое время они шагали молча. Потом девочка снова заговорила:

— Роуэн, а ведь Шеба сказала, что только ты можешь вести нас к Горе. Ты не знаешь, почему она выбрала именно тебя?

— Знаю. Потому что букшахи мне доверяют. А еще потому, что я способен иногда заглянуть в будущее, хотя бы в сновидениях, и потому, что Шеба уже один раз давала мне волшебный медальон. Потому что я хоть и трус, но никогда не сдавался. А еще... — Роуэн помедлил и продолжил: — Еще потому, что вы — мои друзья, и Шеба знала, что вы пойдете за мной хоть на край света. В этом путешествии вы тоже были нужны, и не меньше, чем я.

Шаран потупилась и тихо сказала:

— А может быть, еще и потому, что мы с Норрисом похожи на Флисс и Брона. А ты, Роуэн, похож на Эвана, разве не так?

— Может быть, — согласился Роуэн, — но дело еще в том, что ты и Норрис — две сущности ринского народа. Норрис храбрый воин, а ты прекрасная художница. Я же — словно мост, перекинутый меж вами и соединяющий вас.

— А я? — ревниво спросила Зеел. — Какова моя роль?

— Ты свидетельница. Ты расскажешь о наших подвигах бродникам, водяным людям и зибакам — всем тем, с кем ты связана узами крови и любви.

Что и говорить, путь назад, в деревню, был долог и полон опасностей, но сердца Роуэна и его спутников переполняли радостные надежды, ведь они шли и видели, как тает снег и от долгой зимней спячки пробуждается земля.

В конце концов они дошли до ручья, бившего из отвесной скалы у подножия Горы. Отсюда до Рина рукой подать.

В просвете между деревьями Роуэн увидел трех странников. Они наклонились набрать воды из ручья. Роуэн вгляделся в их лица и узнал... Силача Джона, Джиллер и Аллуна.

Роуэн просто глазам своим не поверил.

Странники сначала недоверчиво посмотрели на него, а потом просияли от счастья. Джиллер вскрикнула и бросилась обнимать сына. Аллун и Силач Джон кинулись к Шаран, Норрису и Зеел. Радостным крикам, объятиям и вопросам не было конца.

— Как вы здесь оказались? — спросил Роуэн. — И откуда узнали, что мы живы и возвращаемся домой?

— Да мы и не думали вас здесь встретить, — жизнерадостно отвечал Аллун. — Напротив, мы горевали и считали, что вы погибли. По правде сказать, мы и сами-то не надеялись выжить.

— Аллун сказал нам, что видел Зеел, летевшую на воздушном змее в Рин, — принялся объяснять Силач Джон. — И в наши души закрался страх. Мы решили, что, когда мы ушли, в деревне стряслось что-то ужасное, и заторопились назад. Мы больше не могли идти к побережью.

— Марли и Аннад вернулись в Рин вместе с нами, — добавила Джиллер. — Ланн и Бронден беспокоились за вас. Да и мы тоже места себе не находили, а потому решили отправиться вас искать.

— Как там Ланн и Бронден? — встрепнулся Роуэн. — Они живы?

— Живы-живы, — успокоил Аллун. — Бронден, конечно, еще немного слаба, но дела ее идут на поправку. Хотя она чуть не умерла от возмущения, когда узнала, что Ланн сожгла всю оставшуюся в деревне мебель. Когда Бронден полностью поправится, у нее будет много работы.

Роуэн покосился на Зеел. Он вспомнил ее слова о «старой ненужной мебели» и хмыкнул, но Зеел лишь пожала плечами. Для дочери кочевого племени бродников столы и стулья действительно были всего лишь деревяшками.

— Да, кстати, Роуэн, — снова заговорил Аллун, — Шеба просила передать, что ты должен отдать ей медальон. Она сказала, что он из чистого золота и что она дала его тебе только поносить. А еще Шеба несколько раз повторила, что ты никогда не сможешь стать таким, как она, что бы ты о себе ни возомнил.

— Рад это слышать, — ответил Роуэн, который действительно был рад избавиться от пророческого дара, ставшего для него тяжким бременем.

— Ради всего святого, Аллун! — воскликнула Джиллер. — Что мы тут тратим время на бессмысленные разговоры про мебель да про Шебу? Ты разве не видишь — зиме конец! Тает снег и распускаются цветы! Эти маленькие храбрецы всех нас спасли! Но как это у них получилось? Роуэн, расскажи нам, как же все это было? — Джиллер повернулась к Роуэну, и ее щеки, на которых были видны следы недавних слез, порозовели от счастья и гордости за сына. — Расскажи, — просила она, — расскажи о том, что вы делали на Горе. Что там произошло? Почему вдруг так резко потеплело и исчезли снежные черви? И где, кстати, букшахи?

От избытка чувств Роуэн не мог говорить. Да к тому же он не знал, с чего начать.

— Вернемся в деревню, и он обо всем нам расскажет, — сказал Силач Джон, положив руку Роуэну на плечо. — Самое главное мы уже знаем. Зиме конец! Люди нашего племени могут возвращаться домой.

Роуэн взглянул на радостные лица друзей. Норрис, Шаран и Зеел были действительно счастливы. А Роуэн вдруг вспомнил о небольшом узелке, который был у него за плечами. Там лежал прах тех троих, что погибли в пещере много столетий назад. Их нужно похоронить — на доброй земле, под сенью высокого дерева, с подобающими их мужеству

почестями.

Мысли его путались. Он думал о людях Золотой долины, об их подвигах и ошибках, радостях и печалях...

А тем временем в Рин пришла весна!

— Ура! — крикнул он. — Скоро наш народ вернется домой!

Глоссарий

Аллун — хлебопек; муж ткачихи Марли, наполовину бродник

Аннад — младшая сестра Роуэна

Бри — огородник, муж Ханы

бродники — люди бродячего племени

Брон — воин из Золотой долины

Бронден — плотничиха

букшахи — мохнатые травоядные животные с большими рогами. Букшахи тянут плуги на полях и дают жителям Рина молоко и шерсть для пряжи

великаны Инспрея — по легенде, погубили Золотую долину

Великая Равнинная война — последняя война, в ходе которой жители Рина в союзе с водяным народом и бродниками одержали победу над зибакками, вторгшимися из-за моря

Водяная страна — лежит к востоку от Рина, на берегу моря. Ее жители, водяные люди, занимаются рыбной ловлей

Вэл — мельничиха, сестра-близнец Эллиса

гарч — крылатое чудище из страны Зибак

Гора — возвышается над Рином. С давних пор ее называют Запретной Горой

деревья Унрина — кровожадные деревья, погубившие Золотую долину

Джиллер — мать Роуэна

Джоэль — младший брат Моргана

Дракон — живет на Горе

Дымка — букшах

Жемчужинка — букшах

Звездочка — букшах, предводительница стада

Зеел — предвестница бродников, приемная дочь Огдена, зибак по происхождению

зибаки — воинственный народ, живущий за морем, в стране Зибак

Золотая долина — счастливая страна за Горой, к западу от Рина, в давние времена погибшая из-за деревьев Унрина. Подробнее об этом рассказано в книге «Роуэн и бродники»

ишкин — подземное чудище, обитающее в Пустынных землях в стране Зибак

Кристалл — магический кристалл, принадлежащий водяному народу

Ланн — самая старая жительница Рина, некогда прославленная воительница

Марли — ткачиха, жена Аллуна

Морган — покойный дед Роуэна; в юности собирался жениться на Ланн

Норрис и Шаран — брат и сестра, последние потомки ринцев, томившихся в плену у зибакков. О том, как они обрели свободу, рассказано в книге «Роуэн в стране Зибак»

Нил — горшечник

Огден — предводитель бродников, сказочник

предвестники бродников (Зеел, Тор и Митрен) — на воздушных змеях летят впереди своего народа, разведывая, нет ли опасностей на пути

провал Унрин — мрачное ущелье, возникшее на месте Золотой долины

Рин — деревня, расположенная в плодородной долине у подножия Горы

Роуэн — пастух букшахов; мальчик из Рина, главный герой

роща Унрин — роща на дне провала Унрин

Сара — мать Аллуна

Сефтон — покойный отец Роуэна; погиб при пожаре

Силач Джон — садовник, отчим Роуэна

Солла — кондитер

страна Зиба — страна, в которой живут зибак

Сумерница — букша

Тимон — учитель

Унос — гарч, крылатый зверь, принадлежащий Шебе

Фея — букша

Флисс — хранительница шелков из Золотой долины Хана — жена огородника Бри

Хранитель Кристалла — правитель водяного народа черная полоса поперек лба — отличительный знак всех зибак

Шаран — сестра Норриса, хранительница шелков

Шеба — колдунья, живет в уединенной хижине на краю деревни

Школьное Дерево — раскидистое дерево, в тени которого ринские дети учатся летом

Эван — хранитель букшахов из Золотой долины

Эллис — мельник, брат-близнец Вэл

Эльза — бабушка Роуэна, жена Моргана